

№1 (79)
ЯНВАРЬ

2020

СИМБИРСКЪ

12+

Литературный журнал

Подписаться на журнал
можно с любого месяца.

Цена подписки:
1 мес. – 95,00 руб.

Индекс ПА041

О спектакле «Пинежский
Пушкин» театра-студии
Enfant-Terrible

стр. 14-17

Татьянин день. Юбилейная
выставка Татьяны Горшуновой

стр. 42-55

Илья Таранов.
Ульяновские писатели.
Итоги литературного года

стр. 60-62

Литературная встреча
в «Поэтическом городе»

стр. 74-75

СИМБИРСКЪ

12+

№1 (79)
ЯНВАРЬ
2020

Литературно-художественный
и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются. Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции. При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 17.01.2020 г.

Дата выхода 24.01.2020 г.

Тираж 700 экз. Заказ №К25

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный,
д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297,
www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №1 (79), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.

На обложке: Татьяна Горшунова. Берегиня. 2011, холст, мас-
ло, 50x45 см (Италия). На обороте обложки работы Татьяны
Горшуновой.

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИМБИРСКЪ» №1 (79), январь 2020

Содержание

Счастье – это когда мы вместе.....	3
Дороги памяти военной	
Нина Маркграф (Орлова). Глиняный парень	4-13
При свете Пушкинского слова	
Ярослав Щедров. Сердце всем веселит.....	14-17
Двое	
Константин Смородин. Я пишу тебе письма в стихах.....	18-20
Татьяна Мельник. Почаще смотрите в небо. Стихи	21-23
Олег Киселев. Покуда время встреч не истекло.....	24
Лидия Ануфриева. Стихи	26
Молодые голоса	
Данила Ноздряков. О семинаре для молодых авторов в Союзе писателей Москвы	27-30
Лета Югай. Тотемское лето	31-32
Страна поэзия	
Александр Филатов. Старый сыщик. Стихи.....	33-36
О творчестве Александра Филатова	37
Николай Марянин. Новое прочтение поэзии времен Цезаря	38
Памятник создал я. Стихи древнеримских поэтов в переводе Андрея Пупышева.....	39-41
Юбилей	
К юбилею художника Татьяны Горшуновой	
Нина Никифорова. Татьянин день в сентябре	42-48
Картины Т. Горшуновой.	49-55
С любовью ко всему родному	
Лоскутные картины Ольги Нецветовой.....	56
Маргарита Смирнова. Вот такая другая жизнь.....	57-59
Илья Таранов. Ульяновские писатели.	
Итоги литературного года.....	60-62
Гость	
Валерий Хатюшин. Дар любви. Стихи.....	63-66
Соло	
Стихи Идельбика	
Идельбика. Наш долг святой – высокое будить. Стихи	67-69
Черемшан	
Нонна Алиева. Я знаю наперед... Стихи.....	70-73
Литературная встреча в «Поэтическом городе».....	74-75
Перекресток	
Сергей Гогин. Мандельштам как христианский поэт?.....	76-77
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	78
Дорога к храму	
Мария Расторгуева.	
Духовный подвиг сельского священника.....	79-80
Сергий Петровский. Поездка в Белгород.	
Отрывок из книги	81-83
Юбилейный календарь	84-96

Редакционная подписка – дешевле, в том числе для
юридических лиц.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

Оформить
досрочную подписку на 2020 год
(подписной индекс: ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или смартфона по QR-коду:

СЧАСТЬЕ – ЭТО КОГДА МЫ ВМЕСТЕ

Приветствуем читателей первого в этом году выпуска журнала «Симбирск»!

2020 год объявлен Годом памяти и славы.

Номер открывается рубрикой «Дороги памяти военной». Читайте рассказ Нины Орловой (Маркграф) «Глиняный парень».

10 февраля (29 января по старому стилю) в России отмечается День памяти А.С. Пушкина. В разделе «При свете Пушкинского слова» Ярослав Щедров рассказывает о новом спектакле театра-студии *Enfant-Terrible* «Пинежский Пушкин». Всем рекомендуем увидеть эту постановку!

В рубрике «Двое» – стихи о любви Константины Смородина, Лидии Ануфриевой, Олега Киселёва, Татьяны Мельник.

Сквозь метель испытаний и тьму невзгод,
В вихре снежного жаркого вальса
Я тебя загадала на Новый год.
Я тебя загадала – сбывайся!

(Татьяна Мельник)

Наступивший год назван также Годом молодых. Читайте заметки Даниила Ноздрякова о семинаре в Союзе писателей Москвы и подборку стихов участницы семинара Леты Югай.

В «Страну поэзию» читателей приглашает Александр Филатов. Вступительное слово Николая Марянина предваряет публикацию стихов древнеримских поэтов в переводах Андрея Пупышева.

О юбилейной выставке известной ульяновской художницы Татьяны Горшуновой на страницах «Симбирска» пишет журналист Нина Никифорова.

Маргарита Смирнова рассказывает о выставке лоскутных картин Ольги Нецветаевой «Другая жизнь». Руководитель ульяновской писательской организации Илья Таранов подводит итоги литературного года.

В июне 2019 года в Ульяновске состоялся фестиваль литературных журналов, среди участников был и главный редактор журнала «Молодая гвардия» Валерий Хатюшин. В рубрике «Гость» публикуем поэтическую подборку Валерия Хатюшина «Дар любви».

Хорошо известна в Ульяновске татарская поэтесса Идельбика. Читайте её мудрые глубокие стихи. Вступительное слово Лилии Юсуповой.

В рубрике «Черемшан» продолжаем представлять творчество талантливых писателей Димитровграда. Предлагаем вниманию читателей подборку

стихов Нонны Алиевой и заметки Раисы Кашкировой о проекте «Поэтический город», о недавнем прошедшем в димитровградском Дворце книги литературно-музыкальном вечере. Там на одной творческой площадке выступали поэты-барды из Ульяновска Александр Тимаков и Федор Горобцов, а также старейший поэт нашего края, фронтовик Евгений Степанович Ларин, чье выступление нашло горячий отклик у всех присутствующих.

...Я уезжал в Симбирск из Мелекесса,
И чувствовал себя великим Крезом,
Неся в душе открывшийся мне клад.
Храни вас Бог, Поэт, Мудрец, Солдат!
(Федор Горобцов – Евгению Ларину).

Поэт и журналист Сергей Гогин рассказывает об очередной встрече в литературной студии «Восьмёрка», на этот раз говорили о Мандельштаме. Подробности дискуссии читайте в рубрике «Перекрёсток».

В 2019 году увидела свет книга симбирского священника Сергия Петровского «В борьбе за народную трезвость». Составитель – Мария Кирилловна Расторгуева (Москва), потомок семьи Петровских. Она проделала большую работу, собрав документы, письма, архивные записи, а также написанные о Сергием воспоминания и статьи. В ульяновском Дворце книги состоялась презентация издания.

Завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный поэтом и краеведом Николаем Маряниным.

Счастье – это когда Господь
дарует взаимную любовь,
напоённую благодатью.
Счастье – это когда тебе хорошо
рядом с любимым человеком,
даже если вы молчите
и смотрите в разные стороны.
Счастье – это когда вы вместе,
взявшись за руки, идёте к Богу,
и ответ Его любви на вас...

(Константин Смородин)

В январском номере много стихотворений о любви. В новогодние праздничные дни звучали добрые пожелания. И мы желаем добра и счастья всем нашим читателям!

«Счастье – это когда мы вместе».

Елена КУВШИННИКОВА

75
ПОБЕДА!
1945–2020

Нина ОРЛОВА (Маркграф) родилась на Алтае, в селе Андроново. Окончила Камышинское медицинское училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор книг стихотворений: «Царь-сердце», «Утешение», «Птицы-летицы», сборника рассказов «Хочешь жить, Викентий?». Автор стихов и рассказов для детей, в том числе «Православной азбуки», которая выдержала несколько переизданий. Автор-составитель книг «Мысли русских Патриархов», «Мудрый сердцем» (о московском священнике о. Николае Голубцове) и др. Лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского. Лауреат премии в номинации «Лучшая книга исповедальной лирики» (2016 год). Лауреат Международного конкурса имени Сергея Михалкова за сборник рассказов «Хочешь жить, Викентий?». Живет в Москве.

ГЛИНЯНЫЙ ПАРЕНЬ

Трехлетний Сын Ивана и Анны Кочкаревых, Егорка, жил некрещеным. Деревенский храм давно закрылся, долго стоял обезглавленным, а потом был переделан под школу. Шел 1954 год. Никто в деревне уже путем не помнил, не знал, как проходит чин крещения, но все знали, что нехорошо, если дитя некрещеное, не защищено оно тогда ни от какой напасти.

– Ну как это некрещеный? Были родины, должны быть и крестины, – говорила Егоркиным родителям соседка их Кристины. Она любила Егорку без памяти, вот именно забывала про все на свете, как только его видела. Кристиныя полюбила его в первую же минуту, как только привезли Егорку из роддома. Младенец лежал плоским цветастым свертком в горнице Кочкаревых на кровати. Кристиныя склонилась над ним. Темный хохолок волос торчал из-под чепчика, верхняя губа смешно выпятилась. Он спал. Душа Кристиныя стала теплой и уютной, она разом поняла, что он ее, ее мальчик. С тех пор материнская любовь и привязанность к этому дитю в Кристиные только крепчала. У них с мужем

детей не было, до войны не успели завести, а после войны – Матвей Кузьмич пришел домой в конце сорока пятого – вот уж девять лет жили бездетными. Егорка помнил Крестинью с того времени, как помнил свою мать. Каждый день она обязательно прибегала к ним хоть на минуточку. Хватала Егорку на руки, прижимала к себе, целовала в лоб, щеки, губы и снова в лоб, потом сажала на колени, утыкалась ему в макушку и нюхала жадно и нежно, как будто он какой-то диковинной цветок.

Егорка не любил нежностей, дрыгал ногами, вырывался и орал.

– Х ума хошла! Что ты меня нюхашь?

– Да ты ж душистый-то какой, Егорий! – хохотала соседка, еще крепче держа его круглыми, гладкими, крепкими руками.

Крестинья была хохотунья. Откинет голову, оплетенную в три ряда темно-русскими косами, и смеется, смеется янтарным бражным смехом. Подрагивают в ушах крупные серьги, трясутся на шее бледно-зеленые с матовым отсветом буски, играть которыми маленький Егорка был большой охотник. Однажды Крестинья открыла ему, что в темноте бусы светятся.

– Показы! – потребовал Егорка.

– А вот гляди.

Она укрыла в ладонях, оставив щелочку, несколько передних бусок. Егорка приник глазами к щелочке, но никак не мог рассмотреть волшебное свечение бус.

Крестинья была нездешняя, муж Матвей Кузьмич привез ее в сороковом году из дальнего села. Все говорили, что она казачка. Егорке Крестинья казалась похожей на столбовую дворянку, какая нарисована у него в старой истертой книжке про Золотую Рыбку, только лицо не капризное, как у той дворянки, а довольное и веселое.

Егоркин отец, Иван Кочкарев, работал раньше в кузне, но теперь пересел на трактор. Он страстно любил технику, интересовался всеми новостями технического прогресса и вот купил в районном сельмаге ценную вещь – молочный сепаратор, ручной, с круглой большой блестящей чашкой наверху и двумя трубками.

– Ни у кого на Бурлаке сепаратора нет! – говорил Иван, кропотливый, сильно пекшийся о своем домашнем хозяйстве человек. Их околоток – несколько приречных улиц деревни, с большим займищем внизу, отчего-то назывался Бурлак. То ли пришли и поселились когда-то из России сюда, в Кулундинскую лесостепь, семья бурлаков, то ли человек по фамилии Бурлак был первым, кто поставил здесь свой двор.

– Вот придут к нам, Нюра, молоко пропускать, кто сливочек, кто молочка тебе оставит. Оправдает себя машина! – радовался Иван.

Анна только вздохнула. С кого брать-то? Каждая из соседок была бы рада уплатить. Но у Шуры Лариной пятеро детей. У Маруси Трапезниковой только что корова сдохла, а молодая телка еще плохо доилась и молока давала немного. Ирина Кускова была Анне двоюродной сестрой, со своих братьев грех. И только Крестинья всякий раз отливала Анне в ковш сливочек, говоря: это Егорке на сметанку, на масле, блинчики помазывать.

Каждый вечер теперь собирались женщины к Кочкаревым пропускать молоко. Они тесно усаживались на лавку в передней части комнаты, которая была разделена на прихожую и кухню. Егорке нравилось громкое гудение сепаратора. Мать в светлом платочке, в переднике поверх клетчатого домашнего платья, прямо и строго сидит перед машиной на стуле, крутит ручку, командует время от времени: «Заливай, Маруся». «Теперь твое пойдет, Шура». Через одну трубочку льются в ковшок цвета белого янтаря жирные сливки, через другую в ведро – обезжиренный прозрачно-белый обрат.

Возвращаясь домой с работы, Иван Кочкарев еще из сенок слышал громкие высокие голоса баб. «Ровно стадо гусей гогочат», – усмехаясь, думал он. – В колхозе клуб «Луч», а у нас клуб «Сепаратор». Вот тебе и вся прибыль». Но он не жалел, что купил сепаратор. Хорошая вещь.

Вот и сегодня после дойки все пятеро соседок собрались в избе Кочкаревых. Женщины сидели в рядок на лавке. У ног «пропускальщиц», как называл их Иван, стояли ведра с молоком. Только Крестинья, не желая тесниться, села на маленькую табуретку, поближе к Анне.

В прихожей, в правом углу от входной двери топал туда-сюда, постукивая копытцами, двухнедельный теленок, родившийся в морозную ночь февраля и потому названный Февралькой. Морозы продолжались и сейчас, так что не было никакой возможности перевести его в холодный хлев. Вырастая в доме, Февралька становился все любопытней, он совершал смелые экспедиции от угла, вдоль всей стены, до самого окошка, останавливаясь лишь на грозный окрик: «Куда пошел, окаянный?» Хаживал и поперек прихожей, до печной лежанки. Он уже понимал, что если намочит пол, хозяйка будет сильно бранить его и потому, расставив ножки, со значением замирал и спокойно ждал, пока ему подставят котелок.

Старшие сестры Егорки, Вера и Люба, уже подростки, как только пришли пропускальщицы, схоронились в горнице, сели за уроки. А Егорка носился под взглядами улыбающихся женщин, возбуждаясь от их внимания. Уже в который раз пробегая мимо ведер с молоком и обрата, он зацепился носком за выглядывавший гвоздок половицы, падая схватился руками за ведро с обратом и нырнул в него. Под егоркиной тяжестью ведро повалилось, освобождая свое цинковое нутро от содержимого. Обрат поплыл по покатым половицам, заполняя щели, скатываясь вниз. Женщины похватили свои ведра, прижав их к подолу, как малых детей, вставая на цыпочки, чтобы не промочить ноги. Нахлебавшийся Егорка орал, кашлял, прыскал брызгами обрата, с волос по лицу и шее текли белые струи, мокрые пятна проступили на рубашке, носки тяжело набухли.

Февралька, нарушив запретную полосу, устремился к Егорке. Деловито вытянув мордочку, он слизывал со лба, щек и шеи мальчугана растекающийся молочный продукт. Не пропадать же добру.

– Мамка! – заревел того громче Егорка. – Он меня лизает!

– Лизает! – передразнила сына Анна, спешно оставив сепаратор. – Ты у меня палки полу-

чишь! Ремня отцовского! Сколько говорила, чтоб не бегал, когда я сепарирую!

– Нюра! – Как орлица метнулась к Егорке Кристины, отгоняя от него телянка. – Это мы виноваты. Не доглядели. Мог бы об ведро губенки рассечь. А то и захлебнуться!

– Ох, Крестия! – ответила Анна, пробираясь по мокрому полу в угол за тряпкой, а потом к комоду за сухой одеждой для Егорки. – Ну чем же я телянка поить буду? Одной водой, что ли?

– Я тебе свой обрат отдам, – быстро решила Кристины, беря из рук подруги протянутую сухую рубашку для Егорки. – На что мне обрат? Бычок наш уже сено ест.

Прижимая Егорку к себе, она марлей вытерла недоеденный телянком обрат с лица и шеи мальчика, промокнула голову и трепетной рукой стала снимать с него мокрую одежду.

Женщины с любопытством глядели на Кристины.

– Что ж ты своего не родишь, чадолюбивая раз такая? – тихо спросила Маруся Трапезникова, маленькая женщина с испуганно поджатыми плечами и робким взглядом вытаращенных голубых глаз. Все знали, что муж ее был драчлив, и Маруся один раз даже скинула ребеночка после побоев.

– Какие дети! Матвей у меня весь изрешеченный. В голени осколок, в голове осколки, один у самого лба так-то мучит. И в лопатке пуля застряла, двенадцать лет в нем сидит.

– А туда не попало? В главный-то прибор? – заинтересованно спросила многодетная Шура Ларина, распределившая свое обширное доброе тело на пол-лавки. Маловатый пиджак едва удерживал рвущуюся наружу крепкую плоть, полы цветастого фланелевого халата разошлись, открывая ноги – два мощных столпа в коричневых хлопчатых чулках. Шура бесперебойно рожала сыновей и дочек.

– Все тебе знать надо, Александра, – ответила Кристины, ловко одевая Егорку в сухую рубашку.

– Вот бы моему туда снаряд, чтобы разорвало начисто! – беззлобно и даже ласково сказала Шура.

Женщины расхохотались, а Кристины громче всех. Но потом вздохнула.

– Голова у Матвея Кузьмича часто болит. Стонет, зубами скрипит. Он ведь сапером на фронте был, один раз подорвался. Полна голова осколков. Врач в госпитале сказал: кость у тебя, Сычугов, твердая, а то бы полеживал сейчас в земле. Тридцать осколков насчитал и считать бросил. Езжай, говорит домой, отдохни и возвращайся на операцию. Поначалу, как вернулся Матвей, осколки эти как грибы у него из головы лезли. На вид – ровно гвоздочки, темные, железные. Матвей нальет водки, бросит в рюмку осколок и сидит разговаривает: «Ну что, морда фашисткая? Выкусил?».

– Муж твой, Крестия, не тока в рубашке родился, но и с каской на голове, – сказала Анна.

– Только бы он жил, девоньки. Не станет Матвея, одна-одинешенька на свете останусь.

Егорке, притихшему на коленях Кристины, не все было понятно в этом женском разговоре. Но при последних словах стало ему до пощипывания в носу жалко добрую, красивую и веселую Кристины.

Стараясь не пустить слезу, он сказал:

– Не бойся, тетя Крестия. Помрет Матвей Кузьмич, я сам на тебе женюсь.

– Да ты ж душа моя, – умилилась Кристины, – Матвею Кузьмичу утешительно будет знать. Я ему сегодня же скажу.

Давно так не смеялись, расходясь по домам, соседки Кочкаревых.

Кристины, оставляя свое ведро с обратом, громко, внушительно сказала Анне:

– Чуть не захлебнулось дитя. Крестить его надо, Нюра, крестить.

Но прошла посевная и отсевная, перекатилось лето через июльскую макушку, миновала осень, а Кочкаревы так и не собрались покрестить Егорку. Зимой и вовсе было не сподручно. Иван хотел широких крестин, всю родню, соседей, весь Бурлак позвать, а в избу и десять человек не войдет.

Егорке к тому времени пошел пятый год.

2.

Матвей Кузьмич Сычугов сидел в своем дворе на приступке бани, плел корзину и плел. С первым весенним теплом выходил он работать во двор. Плел корзины, делал метлы, товар ходовой и в колхозном хозяйстве, и в домашнем. Был он сильно покалечен, много раз раненный, контуженный, но жив и дома, и позади война, мучительная не только страхом смерти, но, быть может, еще больше тоской по дому. Как скучал он на фронте по своей деревне! До тайных рыданий, до жжения в сердце. Денно и ночью мыслями был с ней и в ней. Лежа в землянке, каждую избу на своей улице вспоминал, какая за чьей стоит, у кого какая крыша, ставни, крылечко, шепотом произносил имена и фамилии хозяев. Представлял, как идет он домой с работы по тропинке и ступнями, освобожденными на ночь от портянок и солдатских сапог, начинал чувствовать каждую ямку, каждый камешек на тропинке и тот глиняный бугорок уже у самого дома, где месили они с матерью и сестрой глину, чтобы обмазать хлев. Вспоминал речку, мягкую ее материнскую воду, рыбный запах стариц, переполненных по весне карасями.

Не было случая, когда бы, прийдя к ракитнику за прутьями для корзин, или на заводь, поставить мордушки, или просто за водой на мостушку, не было случая, чтобы беззвучно, но всей душой не напомнил он ей, своей речке: Видишь, я вернулся. Я здесь...».

Матвей Кузьмич быстро и ловко плел стенку новой корзины. Он выхватывал из кучи неокоренных ракитовых веток пару одинаковых прутьев, гибких и длинных, и ловко переплетал их. Коричневая кора лозы поблескивала на изгибах. Работая, он как всегда плел. Одна песня переходила в другую. «Ой ты, Галю, Галю молодая» и «Однажды морем я плыла» повторялись дважды. Около Матвея Кузьмича вертелся, бегал, прыгал и егозил Егорка. Анна с Иваном спешно уехали в Капустинку, село в семи километрах от них, прошел слух, что там в сельпо завезли много детской обуви. Егоркины сестры были в школе, во второй смене, а Егорку оставили у Сычуговых. Кристины копала землю в садке под окошком.

Егорка, остановившись около Матвея Кузьмича, взялся приминать быстрыми пальчиками новый ряд стенки, да сильно поднажал и подломил пруттик.

– Егорка! Язви тебя! – заругался Матвей Кузьмич. – Браку мне наделал!

– Надоела мне твоя когзина! – рычащая «р» у него пока выходила как звонкая «г». – Я лучше на Жуков огород побегу.

– Ступай, помощник, – проворчал Матвей Кузьмич.

Жуков огород, находившийся через дорогу от Сычуговых, на возвышенном песчаном месте, хозяевами был заброшен и теперь превратился в обширный, в сухих дудках, пустырь. Весной земля здесь рано высыхала, и туда всей ватагой устремлялись бурлацкие ребятишки играть в мяч, лапту, казаки-разбойники. Носились неистово туда-сюда, орали как оглашенные, чувствуя в бродящем весеннем воздухе дух воли. Егорка мигом включился в эту беготню.

Кристинья, докопавшая грядку в своем садке перед окнами, подняла голову и стала через прясла высматривать на Жуковом огороде Егорку. Оттуда доносились ор, визг и смех ребятни. Посреди пустыря бежал за ватагой ребятишек, Колька, сын Шуры Лариной, бедовый парнишка восьми лет. В правой руке он держал пустую жестяную банку с отогнутой крышкой. Догнав их, Колька радостно крикнул: «На кого Бог пошлет!» – и со всей дури подбросил банку вверх.

Раздался вопль Егорки.

– Сыночка! Егорка! – крикнула Кристинья и, выпрыгнув из галош, босая, бросилась к пустырю.

Ребятишки, рассыпавшись по полю, молчаливо и опасно глядели на происходящее, готовые кинуться в бега в любую минуту. Подкинувший банку уже дал деру.

Егорка, давась и захлебываясь собственным ревом, неся вперед, а на голове его колыхалась, поблескивая боками, жестяная трехлитровая банка. В таких банках продавали в сельпо повидло, в каждом доме приспособляли потом пустые эти банки для хозяйства. А эта попала на заброшенный огород, пролежала под снегом зиму и теперь была найдена бедовым Колькой.

– Кристинья догнала Егорку уже на конце пустыря.

– Стой, Егорка, стой! – она прижала его к себе левой рукой, а пальцами правой подхватила отогнутую крышку банки.

– Не дам, не замай, – завизжал Егорка.

– Что ж с котелком на голове ходить будешь?

Кристинья резко дернула крышку и вынула ее из Егоркиной головы, как пилу из мякоти дерева.

– Вот и все, Егорушка.

Кровь с зазубрин крышки брызнула ей на рукав кофты.

– Ещё и ржавая, паскуда! – промолвила Кристинья, в сердцах откинув банку на дорогу. Та подпрыгнула и упокоилась в мелкой канавке.

Егорка от неожиданности умолк и снова заревел. От крови волосенки вокруг раны слиплись, потемнели влажными клоками. Струйка крови, стекшая с макушки вниз на шею, а с шеи на спину, запятнала ворот и спинку рубашки.

Кристинья подхватила Егорку на руки и чуть не бегом понесла к себе домой, бестолкво приговаривая:

– Ниче, ниче, Егорка, до свадьбы заживет. А? Пригласишь меня на свадьбу?

Встретивший их в воротах Матвей Кузьмич открыл Кристинье дверь в избу и вошел следом.

– Сядь, Матвей, я тебе на руки его дам, – попросила Кристинья.

Матвей Кузьмич сел на табуретку и принял всхлипывающего Егорку на руки.

– Самогонкой промой. Крестик мой приложи, – твердо и спокойно советовал он, видя, как стушевалась Кристинья.

Медный нательный крестик Матвея Кузьмича лежал на полочке, где раньше, при его матери, была божница. Он не носил его на шее, будучи советским солдатом, но брал с собой на войну как охранный, и теперь он у них с Кристиней считался чудодейственным.

Кристинья помыла руки и взялась за дело. Поплила на Егоркину рану самогонки. Егорка завыл.

– Терпи. Мужик ты или кто? – прикрикнул Матвей Егорыч. – Мне вон тоже снарядом в голову угодило. Осколки в черепу сидят. А я терплю.

Кристинья сняла висевшие на гвоздочке у окна ножницы и стала выстригать Егоркины слипшиеся вихры вокруг раны, так что ее стало хорошо видно.

– Не проникающая. Рваная, – определил Матвей Кузьмич, большой спец по ранам, – шрам останется, не зарастет. И волосы тут не вырастут. Будет у нас Егорка меченым в голову.

Притихший было Егорка снова заревел.

– Не вопи! – сказал Матвей Кузьмич. – Не будешь вопить, я тебе пилотку свою подарю.

– И р-ремень...

Егорке сильно нравился солдатский ремень со звездой на пряжке, всегда висевший у Сычуговых на крючке в прихожей.

– Терпеть будешь, и ремень отдам.

Кристинья, завершив процедуры, забрала у Матвея Кузьмича замолчавшего Егорку к себе на руки и села с ним на топчан.

– Что я Анне скажу? Не доглядела парня.

– А как он при Анне и вас, балаболках, чуть в обратe не утонул, забыла? Так я ей напомним.

Егорка, сжав губы, не издавал теперь ни единого звука, зарабатывая подарки.

Кристинья, как младенца, прижав его к себе, тихонько запела.

Ой, на горе казаки гуляли,

Ой, на горе казаки гуляли.

Стояла, думала казаченька молода,

Стояла, думала казаченька молода.

Ой, на горе казаки гуляли...

Матвей Кузьмич с изумлением глядел на жену. Она держала на руках дитя так, словно никому ни за что не отдала бы его. Сладкую материнскую заботу выражало ее лицо.

– Эх, Кристя, нет тебе со мной счастья. Даже дитя не родила.

Кристинья, не поднимая глаз, сказала:

– Есть, есть счастье...

– Даже ребеночка не родила, – снова повторил Матвей Кузьмич.

– И не надо. У нас Егорка есть.

– Егорка – задушевный парнишка, – ответил

Матвей Кузьмич, – Только ведь не наш он.

Притихший Егорка обидно встрепенулся на слове «не наш», но промолчал. «Конечно, у всех баб сынки да дочки, – с жалостью подумал Матвей Кузьмич, – и ей тоже хочется».

– А может, я ещё рожу? – сказала Кристинья. – Надежда Коротких десять лет не рожала, а теперь уже пятым ходит. Распечаталась.

– Надежда, говорят, к Мамону ходила. А мы не пойдем у шептуна дитя просить, – сказал Матвей Кузьмич.

– Никакой он не шептун. Он молитвы шепотом говорит, чтоб советская власть не услышала.

– Не пойдем мы к нему по этому делу, Кристинья, – твердо сказал Матвей Кузьмич.

– А тебя кто посылат?

Кристинья встала с Егоркой на руках.

– Уснул раненый наш.

И пошла в горницу. Одной рукой она откинула покрывало кровати и уложила под него Егорку.

Матвей Кузьмич тихонько вышел во двор. Вздохнув, сел на низенький чурбак и принялся плести загиб на корзине.

3.

Утром Егорка проснулся дома, в своей кровати. Он вспомнил про ранение и пощупал рану. Если и было больно, то совсем чуток. Из прихожей слышался голос Кристиньи.

– Как Егорка? Не плакал ночью?

– Спал и сейчас спит.

– Ведь, Нюра, он что крикнул, жулик этот, Колька? «На кого Бог пошлет!» Выходит, Бог на Егорку послал. Крестить его надо, Анна. Два раза тебе Господь указал. Третьего раза не жди.

– Иван сказал, после уборочной покрестим. Раньше никак, говорит. Угощать-то людей чем? А тут уж под осень другое дело. Курей зарубим, капуста наквасим, картошки подкопаем. Я бражку поставлю.

– Варила бабу бражку да и упала к овражку! – сказала Кристинья, и они обе тихонько засмеялись.

Входная дверь скрипнула, как делала всегда, если ее открывали, словно бы говорила: «Как, опять! Сколько можно?», потом хлопнула, и в избе стало тихо.

Егорка встал, быстро оделся и вышел на улицу. Шел широким шагом, руки в размахку, как ходил его отец. Грязь отлетала от резиновых сапожек в разные стороны, приляпываясь кусочками на штанины. Он направлялся к деду Мамону, местному знахарю и чудотворцу.

Много чего умел лечить дед Мамон снадобьями и наговором, руками умел «править» надорванные животы, снимать грыжу и заговаривать зубную боль. Когда Егоркин отец зашиб руку, дед Мамон долго мял, поглаживал, гнул руку, а потом привязал на кисть нашептанную шерстяную нитку. И рука болеть перестала.

Дед Мамон жил чуть в стороне от Бурлака, на одиноком мамоновом косогоре, в землянке. Позади текла река, с боков окружал ее березняк, впереди землянка была огорожена высоким тыном с маленькими воротцами посредине, они всегда были чуть приоткрыты. Егорка просунулся в воротца и

встретил Катьку – рыжую, с палевым пятном на спине косую, которая жила у деда Мамона. Несколько лет назад косуля забрела в деревню, худая и драная. На одном боку была у нее широкая зачерневшая от грязи рана. Целый день ходила она по деревне, сопровождаемая гурьбой ребятишек. Кто-то дергал ее за уши, кто-то за хвост, а Колька Ларин даже попробовал забраться на нее, как на теленка. Совсем было загоняли они тогда еще безымянную животинку, но Мамон Иваныч отбил ее, подлечил и оставил у себя. Куда ей такой в лес? Да еще в зиму? Волкам на обед? Косуля прижилась, одомашнилась и стала охранять двор.

Катька, завидя гостя, сразу пошла на абордаж. Егорка отклонился, сунул ей припасенный кусочек хлеба и, пробежав к землянке, крикнул:

– Мамон Иваныч!

– Это что за гость в горле кость?

Мамон Иваныч стоял на верхней ступеньке ведущей во вход землянки. Он щурил глаза под седыми обширными полянками бровей, вглядываясь в мальчонку.

– Кочкаревский, ты что ли?

– Ага. Мне к тебе, Мамон Иваныч, по делу надо.

– Заходи, раз так.

Егорка спустился вслед за дедом Мамоном по ступенькам в землянку. Земляные прямоугольники стен были обиты жердочками, сквозь них проглядывал разношерстный грунт: местами темная или рыжеватая глина, местами суглинок, а то и совсем черная земля. Кое-где на жердочках стен торчали самодельные деревянные гвоздочки, на которых висели пучки прошлогодних трав и калины.

Потолок был побелён, от него землянка казалась выше и светлее. Три окошечка с разных сторон. Земляной пол в прошлом году дед Мамон застелил досками. На столе, грубо сколоченном из сосновой колоды, стояла большая деревянная чаша с медовой сывью – кормом для пчел – и сушилась темными кусочками нарубленная шульга, так в деревне называли березовую чагу. Высоко над столом была прилажена полка, едва оструганная, с неошкуренной кромкой. Плотничьего таланта у деда Мамона не было, но не было ему в этом и нужды. Сколько раз предлагал ему плотник Данил Вязанкин сделать в благодарность за исцеление от лихоманки хороший стол из тесаных досок, шкафчик, фигурную полку, но Мамон Иваныч всегда ему отвечал:

– Дерево оно и есть дерево. Чего ж его тесать? Было б тесаное лучше, Господь коры не произвел.

Дед Мамон посадил Егорку на маленькую табуретку, застеленную овчинкой, а сам сел на лавку.

– Говори, Егорий.

– Кристинье дитя надо. Помогите, Мамон Иваныч.

Он не знал, что добавить, но потом вспомнил, как мать просила помочь, когда Егорка мучился грыжей :

– Заступись, отец годной!

Мамон Иваныч, не сдержавшись, улыбнулся, показывая наличие двух передних зубов, стоящих на почтительном расстоянии друг от друга.

– Как же я помогу?

Он озорно подмигнул Егорке.

– Лет двадцать бы назад... Тогда-то я еще ого-го как силен был!

Егорка не понял взрослой шутки, но встревожился, что дела может не выйти. Встав и откинув в сторону табуретку, он приблизился к Мамону Иванычу.

– Надежду Коготких гаспечатал...

– Распечатал! – с досадой повторил дед Мамон.

– У Нади малокровие было. Я ей помог. Тогда уж из нее ребята и полезли, ровно грибы после дождя.

– И нам помоги, Мамон Иваныч! А я тебе «Генегала Топтыгина» гасскажу. Хочешь?

Не видя, чтобы деда Мамона заинтересовало это предложение, Егорка пошел на крайнюю меру.

– А хочешь я тебе бгажки принесу? Мать к крестинам поставила.

– Сказал тебе: я Крестинье не помощник. Привязался!

Дед Мамон встал с лавки.

Егорка сильно обиделся, опустил глаза. Темные длинные ресницы тут же увлажнились, и первая капля скатилась на щеку.

– И сразу слезки на колесики, – осуждающе сказал дед Мамон. – А еще друг фронтовика, комвзвода Матвея Сычугова, трижды раненного!

Он подошел к железной печке, которая легкому топилась, подбросил тонких полешек. Потом быстро направился к полке, той самой, что висела над столом. На ней стояли разные глиняные фигурки, большие и малые, слепленные дедом Мамоном, так, ради забавы, – глины на речке много, чего же не слепить?

– А знаешь что, Егорий, попытаем-ка мы счастье.

Он достал с полки маленькую глиняную фигурку и поставил ее к себе на собранные кувшинчиком ладони. Это был мальчик – голенький крепыш с круглым пузиком, толстыми ручками и ножками. Дед Мамон склонил над фигуркой свою большую, в густых сединах, словно белый косматый куст, голову и стал над ней что-то тихо нашептывать. Удивленными, мокрыми от слез глазами Егорка смотрел на него. Окончив шептать, дед Мамон протянул фигурку Егорке.

– На-ка вот тебе глиняного парня. Положи ты его незаметно Матвею Кузьмичу в китель, какой он по праздникам одевает. Но только тайна это наша с тобой. Все в тишине должно делаться.

– Знаю, знаю! – крикнул Егорка, пряча фигурку в карман штанов. – А китель у него в горнице, на вешалке висит, уж я дотянусь – и взлетев как перышко по ступенькам, выбежал во двор. – Все-таки добрый человек дед Мамон! – ликовал он. – Хорошо нашептал!

Егорка запрыгал по островкам муравы Мамона двора. Катька, поджидавшая его, бегом кинулась ему навстречу.

– Нету больше хлеба у меня, – строго сказал ей Егорка. – И не бегай за мной.

Катька повела темными, фиолетовыми с отливом очами и разочарованно отвернула голову, а потом и вся повернулась задом к убегающему Егорке.

Егорка быстро съехал по глине косогора вниз и пошел по своей улице, то и дело щупая пальцами спрятанную фигурку. В этот же день она была тайно водворена в карман кителя Матвея Кузьмича.

5.

Все лето полеживал глиняный парень в уютной утробе кармана. Матвей Кузьмич надел его во второе воскресенье сентября на крестины Егорки. Медали он имел, но не носил, не хотел. Номерная медаль «За боевые заслуги» больно всякий раз ранила ему сердце, он получил его за то задание, на котором погиб весь расчет. Одного Матвея, контуженного, израненного, нашли живым и отправили в госпиталь.

Матвей Кузьмич и Крестинья пришли к Кочкаревым первыми. Егорка взволнованно бегал по двору, чистенький, в новой рубашке и брючках. Кроме них, мать сшила ему крестильную рубашку. Отец же постриг длинные Егоркины вихры только что приобретенной механической машинкой для стрижки волос. Егорка знал, что крестить его будет Крестинья, она помнила, как крестят, и знала от своей казачьей бабушки нужные молитовки.

Крестинья была в нарядной зеленой кофте казачьего фасона с батистовками и новой цветастой юбке на завязках, сшитой про запас, на вырост живота. Живот еще небольшой, аккуратный, но там рос ребеночек. Глиняный парень-то сделал свое дело!

Крещение как таковое длилось недолго: Егорку в длинной крестильной рубашке поставили в бак для кипячения белья, наполненный водой, Крестинья полила ему на голову ковшиком воды.

– Крещается раб Божий Георгий, – громогласно и строго объявила она, а дальше говорила и пела непонятные, таинственные и красивые слова, при которых все присутствующие – отец, мать, две сестры Егорки и Матвей Кузьмич – примолкли и замерли.

Крестинья одновременно стала и крестной Егорки. Радостная, она подняла любимое дитяtko на руки, троекратно расцеловала и спросила:

– Ты, Георгий, теперь мой Крестник?

– Да, я твой Крестик, – громко и важно ответил Егорка, понимая, что с ним случилось что-то особое, что он сегодня главная персона.

– Крестик! Золотой мой крестик! – расхохоталась Крестинья.

– Опустим его, Крестя, – приказал Матвей Кузьмич, – он вон тяжелый какой.

Крестинья, еще раз поцеловав Егорку, послушно опустила его на пол.

Главным действием, свидетельствующим, что Егорка теперь крещеный человек, были крестины – веселое застолье. Иван Кочкарев пригласил на них не только всю родню, но и всех ближних и дальних соседей. Гуляй, Бурлак!

Гости сели за столы под навесом на лавки, сколоченные из длинных досок.

– Ну, за крестника моего! – торжественно сказала Крестинья.

Все оживленно подняли стаканы с брагой.

– Два орла орловали, третьего купали! – ни туда ни сюда крикнул дед Петро, соскакивая с лавки и протягивая для чоканья свой стакан. Он был прадедом Егорки, в последний год дед Петро заметно одряхлел и немножко выжил из ума, но ни за что не захотел пропустить крестины правнука.

Все гости засмеялись, подняли стаканы с бражкой. Выпили и стали закусывать.

Егорка непременно хотел, чтобы на крестины

пришел дед Мамон. Родители позвали его, сильно сомневаясь, что человек, лет двадцать ни у кого не бывавший в гостях, придет. Дед Мамон не пришел.

Гармонист Сашка Абаринов после второго тоста заиграл плясовую. Некрасивое, в глубоких ямках оспы лицо его осияла белозубая блаженная улыбка. Соня Трошкина встала, оправила юбку и пошла плясать под частушку, зазывая кавалера, длинноносого Андрея Шкуркина.

У залетки моего
аккуратненький носок,
восемь курочек усядется,
девятый – петушок.

Застолье грохнуло, захохотало дружным недержимым смехом.

Соня озорно и призывно глядела на Андрея, горячего плясуна, молотильщика, как его называли, потому что мог он молотить ногами без передыху сколько угодно. Андрей вышел из-за стола, дробными шажками прошелся по кругу и замолотил.

Со смехом входили, азартно врывались в круг все новые плясуны и плясуньи. Пара хромовых, кирзовые и резиновые сапоги, боты и ботинки месили мокрый вязкий песок двора в сторонке от навеса.

– А ты че не пляшешь? На свои-то именины? – остановила Соня, бежавшего от навеса Егорку – Нука, парень, давай на круг!

Егорка, гордый вниманием взрослых и своей значимостью, вышел на круг, уставил руки в бока, расправил до невозможности плечи и пошел в пляс:

Мой миленок – как теленок,
Только веники жевать!

На цыпочках, поддерживая подол нового платья, поплыла к нему навстречу Аришка Кох, пару лет назад вышедшая замуж за немца-переселенца Руди Коха. Озорно и кокетливо улыбаясь, будто перед ней выплясывает взрослый парень, она докончила частушку:

Проводил меня до дому,
Не сумел поцеловать.

Женщины, смеясь и приплясывая, окружили топчущего Егорку, и тогда дед Петро, поднимаясь из-за стола, вышел на круг и, приплясывая, хриловато выкрикнул:

Ой, Германия, Германия,
Наделала чего!

Девяносто девять девок
обнимают одного!

И сразу же на трясущихся ногах вернулся к столу. Нет мощи. А какой плясун раньше был!

От всей души смеялись и плясуны, и сидевшие за столом гости.

– Молодец, Егорий! Вот это по-нашему!

И Анна Кочкарева, расслабленная, немножко пьяненькая, счастливо глядя на Егорку, говорила мужу:

– Ну вот, крещеная теперь душа Егорка наш.

Иван Кочкарев тоже улыбался обветренным, белобровым лицом, довольный, что смог устроить этот праздник: и еды хватает и выпивки, и весело как.

– Хороший, Нюра, я навес сделал. Погода-то надежная: иди лучик через две тучи. Дождь будя.

– Хороший, Ваня, навес.

Все круче держал у плеча гармошку гармонист Сашка, рвал синие меха, и исторгали они звуки бесшабашной радости, беспричинного широкого веселья, и шла молотьба ногами. Только дождь остановил пляшущих. Как говорил хозяин, так и вышло. Все пошли под навес. Матвей Кузьмич сел около гармониста.

– Давай мою.

Сашка стал подыгрывать, но как-то не сильно получалась. Сашка не любил эту песню. Матвей Кузьмич махнул рукой: так спую. Застолье уважительно замолчало. Он настроил голос и мягко негромко запел:

На улице дождик
С ведра поливает
С ведра поливает
Брат сестру качает.

Эту песню Матвей Кузьмич узнал на фронте, когда приезжала к ним артистка Лидия Русланова. Русланова показалось искушавшемуся Матвеем сильно на Крестинью похожей. А песня! Песня вся была про нее, про жалочку его. Увез он Крестинью из села в чужую деревню и оставил, ушел на фронт.

Отдадут тебя замуж
Во чужу деревню,
В чужу деревню,
В семью несогласну.

Выпевал Матвей Кузьмич печальные слова, глядя куда-то вдаль, в тот день, когда везли к нему в деревню, в чужой дом девятнадцатилетнюю Крестю.

Да, всю правду рассказывала песня, невзлюбили Крестю свекровь Пелагея Семеновна и золовка Варвара и за ее казачью гордую внешность, яркость, нескромность, как им казалось. Сестра Матвея Кузьмича Варвара в войну ушла на фронт и погибла. А мать его только тогда невестку оценила, когда слегла, смертельно заболев, и удостоилась ухода почтительного, ласкового и терпеливого.

После тяжелой и грустной песни всем застольем запели «По Дону гуляет». Крестинья, как только начинался припев, выбивала ритм ложками по столу, будто подковами мчащихся копыт.

Из-под камня, камня, камня реченька течет,
А по бережку крутому Любушка идет.
Эх, Люба, Люба, Любушка моя,
Если любишь – поцелуешь, милая моя.

И вдруг в этот ритм стал влетаться какой-то совсем иной, идущий со стороны ворот. Короткие, быстро чередующиеся звуки – пенье, свисты, вздохи были смешаны в единое звучанье, оно приближалось, становилось громче, и все увидели идущего к навесу деда Мамона. Он держал у губ кугиклы, инструмент, который принадлежал его покойной жене, зырянке Фаине. Десять лет уже как умерла Фаина, и вот дед Мамон впервые взял в руки инструмент жены. Он дул в срезы трубочек, двигая кугиклы из стороны в сторону и при этом сам ритмично покачивался. Крестинья пошла по третьему кругу, выстукивать припев. Гости яро подпевали, промоченными бражкой голосами.

– Все. Отгулялся казак! – крикнула Крестинья, бросая ложки и завершая тем песню. Мамон Иваныч отнял кугиклы от губ.

– Мамон Иваныч, сюда садись, к нам! – крикнула бледная черноволосая женщина, вскакивая с лавки. Лицо ее, утомленное, с припухшими веками, благодарно улыбалось деду Мамону. Это была та самая Надежда Коротких, которую по словам деревенских, лекарь «распечатал» для деторождения. Улыбаясь и цепким взглядом обводя сидящих, дед Мамон направился к Матвею Кузьмичу, сел рядом на край лавки. С любопытством поглядывал он на Крестинью, сидевшую между гармонистом и Аришкой Кох.

– Мамон Иваныч, угощайся, – сказала Крестинья. – Ущицы тебе принести? Есть суп-лапша петушина. Курятина с картошкой.

– Хозяева сами предложат. Не суетись, Кристя, – сказал Матвей Кузьмич, расслабленный хорошей гулянкой так, что сгладились складки на его всегда сердитой переносице и порозовевшее лицо показывало, как он доволен.

Случайно засунув руку в карман, он наткнулся там на какую-то непонятную штуковину, удивился и вынул ее. Увидел глиняную фигурку, Матвей Кузьмич с полминуты хмельными глазами разглядывал ее.

– Арина, – игриво крикнул он оживленно о чем-то разговорившей с Крестиньей Аришке Кох, – нака тебе вот глиняного мальчонку, поиграйся.

Аришка привстала, протянула руки, взяла глиняную фигурку. Для смеха побаюкав глиняного паренька, озорно взглянула на своего мужа Руди Коха и вручила ему фигурку. Тот горячо спорил о чем-то со своих другом, Яшей Карагодиным. Он принял от жены глиняного паренька и машинально спрятал его в карман пиджака.

Егорка, сидел около матери и ел смородиновый пирог с сахаром. Увидев, что глиняный паренек покинул карман Матвея Кузьмича, он в отчаянии глянул на деда Мамона, мол, не досидел парнишка, хорошо ли это? Но дед Мамон согласно кивнул Егорке: все правильно, все хорошо.

– Сашка, давай вальс. «Амурские волны!» Дождь кончился, танцевать будем! – крикнула Соня Трошкина.

Женщины стали подниматься, выходить из-под навеса, вытягивая мужиков на парный танец. Сашка взял гармошку, встал в стороне от пар и заиграл, мягким красивым голосом подпевая себе:

Славный Амур свои волны несет,
Ветер сибирский им песни поет.

Пары, шурша и скрипя песком, чмокая водой, набравшейся от дождя в ямках двора, кружились в вальсе. С неба, пролившего очистительные весенние воды, шел мягкий солнечный свет.

Крестинья с Надеей Коротких взялись собирать со стола пустые тарелки. Анна уже несла из избы и ставила на стол новые блюда.

Вдруг Сашка крикнул что-то и осадил гармонь. От неожиданности она захлебнулась собственным наигрышем, замолчала. Кружившиеся пары, увлеченные танцем, не сразу притормозили. А когда остановились, лишённые музыки, замерли и зашились в едином хохоте.

К навесу грациозным и мечтательным шагом шла косуля Катька, полная предвкушения. От сто-

лов пахло вкусами: тушеной в молоке тыквой, сдобренной топленным маслом, пирогом со смородиной и свекольными конфетами, испеченными в русской печи. Катька прошла между парами, поскрипывая зеркальцем короткого хвоста, остановилась у стола и требовательно затрубила.

Смеялся Егорка, протягивая косуле кусочек смородинового пирога, хохотали разомкнувшие руки пары, хохотало все застолье, а громче всех – крестная мать Егорки, стоявшая с горкой тарелок в руках.

Крестины набирали обороты.

6.

Декабрьским утром, во второй его половине, Матвей увез Крестинью в роддом. Он заранее договорился с бригадиром, Егором Гордеичем, что возьмет на этот случай в колхозе лошадь Астру и кошевку. Кум, Иван Кочкарев, предлагал, если что, на тракторе увезти, но не доверился Матвею Кузьмичу трактору: а ну-ка не заведется на морозе или заглохнет посреди дороги?

Они быстро выехали из деревни на дорогу, ведущую в районное село. Совсем рассвело. Белое нелучистое солнце вставало над бескрайней снежной пустыней зимних полей, распростертых по обе стороны от дороги. Астра, молодая, но уже хорошо обьеженная умная лошадь, словно понимая, что мешкать нельзя, бежала торопливой рысью. Легкие сани скользили по укатанному снегу, везли ровно и мягко. Высокий задок и весь кузовок кошевки был красиво оплетен красновато-коричневой лозой – его, Матвея, работа. Крестинья, завернутая в длинный тулуп, тихая, углубленная в себя, сидела, поставив ноги на скамеечку. Она глубоко и часто дышала, что видно было по острому облачку пара, взлетающему от ее губ. Матвей время от времени оглядывался, чуть улыбаясь и задорно спрашивал:

– Не рожает ишшо?

– Стану я на холоду рожать. Довезешь, тогда и рожу, – в тон ему отвечала Крестинья.

Так и доехали до больницы.

Ждал Матвей Кузьмич недолго. Кристя через два часа разродилась мальчиком. Матвей Кузьмич, сидевший на стуле у двери приемного покоя, дальше его не пропустили, внешне принял весть спокойно и даже сурово, будто всегда знал, что у него родится сын. Но медсестра заметила, как лицо его от внезапного прилива крови, стало бурым.

– Да ты залиловел весь, – обеспокоилась она. – Так и сердечный приступ получишь. Жена твоя знаешь, что нам наказала? Вы, главное, за ним приглядите, а я уж как-нибудь справлюсь.

Она решительно потянулась к пузырьку с каплями Зеленина, всегда стоявшими у нее на столе.

– Душно тут у вас, вот и сомлел, – сказал Матвей Кузьмич, – на санях проветрюсь.

Он спросил, когда сможет забрать Кристю с младенцем.

– Пять деньков, не меньше, подержат, так положено – ответила приемнопокойная медсестра, еще раз предложив капли Зеленина.

– Без Зеленина выживу, – махнул рукой Матвей Кузьмич и вышел из больницы.

7.

Первой, кого он встретил, въезжая в деревню, была кладовщица Елена Важова, по прозвищу Граммофониха.

– Матвей, родила Кристины? – крикнула она.

– Сын у нас, – ответил Матвей Кузьмич на ходу, понимая, что теперь ему беспокоиться не о чем: Граммофониха разнесет эту весть по деревне быстрее, чем сорока на хвосте.

– Поздравляю, Матвей Кузьмич. Приду, как Крестю выпишут, на зубок принесу.

Граммфониха свернула с перекрестка на дорогу, ведущую в центр деревни.

Приехав домой, Матвей Кузьмич привязал Астру к столбу ворот и пошел в избу, которая после приемного покоя показалась ему такой нарядной, уютной и родной! Только вот Кристины не хватало.

По молчаливому согласию с женой он заранее не стал делать люльку для младенца, чтобы не искушать судьбу.

Теперь, растерянно похаживая туда-сюда по прихожей, Кузьма вспомнил про люльку. Накинув фуфайку, спешно вышел во двор. Сухой морозный воздух поблескивал, набитый маленькими солнечными пылинками. С силой шархнув дверь в сарай, где припасены у него были хорошие гладкие доски, он вдруг остановился на пороге от внезапной, разрывной боли в голове. Матвей Кузьмич никогда не мог описать Кристины приступы головной боли, когда начинал шевелиться, пробовал выйти осколок. Он припал к косяку, замер, ожидая хоть малейшего перерыва в приступе.

– Нашел время, сатана, – зло подумал он.

Как только стало возможно, он медленно, одной рукой обхватив лоб, пробрался в избу.

8.

– Егорка, крестная твоя мальчика родила! – крикнула Анна Кочкарева, вбегая в избу. Егорка, сидевший на кровати, вскочил и запрыгал на ней, взлетая вверх.

– Это все Глиняный пагень!

– Какой парень?

– Побегу, хочу мальчишку поглядеть! – крикнул Егорка, слетая с кровати.

– Дак они в районе, сынок. В больнице. Матвей Кузьмич на заре ее увез.

Егорка заскучал.

– Иди, на улке погуляй! Неча киснуть, – ласково сказала мать, сильно обрадованная новостью о благополучных родах Кристины.

Одетый в тяжелую дошку, большие валенки, крепко завязанную у подбородка заячью шапку, – все новое, на вырост, справленное родителями к этой зиме, – Егорка неуклюже вышел за ворота. Тяжелая одежда была неудобной, непривычной и сердила его. Но выйдя за ворота, он оживился. Около Сычуговых стояла привязанная к столбу Астра. Ноги Егорки в белых домотканых валенках быстро, как в сапогах-скороходах, понесли его к Сычуговым.

– Астга, Матвей Кузьмич в избе? – спросил он лошадей и, не дожидаясь ответа, пролез через нижнюю жердь изгороди.

Егорка увидел Матвея Кузьмича в прихожей,

лежащего на топчане, в валенках и распахнутой фуфайке.

– Парнишка у нас родился... – постанывая произнес он. – Слышишь, Егорка? И невольно вскрикнул.

– Не пугайся, Егорий.

Осколок, сатана, лезет.

Егорка прошел к топчану.

– Худо тебе, Кузьмич? – по-взрослому спросил он.

– Башка болит, ровно кто мозг выкарабывает. И лоб зудит...

Матвей Кузьмич потер лоб в месте, где что-то бугрилось под истонченной кожей. Вдруг он вскочил, схватился за грудь и широко открыл глаза. Он напряженно и тревожно глядел куда-то вперед.

– Куда? Куда? Назад. Ложись, – бормотал он.

Егорка на мгновение ступешевался, но вспомнил, как уверенно и стойко вела себя крестная, когда хворал Матвей Кузьмич, и приободрился.

Матвей Кузьмич замолчал, закрыл глаза, опустил голову на подушку-думку, заскрипел зубами. Егорка съежился, присел на краешек топчана и неожиданно зашел:

Ты ждешь, Лизавета...

Почти сразу после крестин у Егорки прорезался голос. Голос был звонок, может, чуть тонковат, но держал и вытягивал Егорка песню хорошо и с мотива не сбивался. Сначала он пел дома и во дворе, потом стало не хватать ему этих малых площадок, и Егорка вышел на просторы деревни. Все, что слышал он от Матвея Кузьмича, что хором распевали гости на праздничных гулянках, что пела мать за зимним вязаньем, за стиркой и готовкой, все, что слышал он за пять лет своей жизни – все выдавал теперь на-гора. Деревенские останавливались, кто-то посмеивался, кто-то подпевал, а тетка Ховронья Полякова за исполнение песни «Однажды морем я плыла» одарила его горстью конфеток. Интересно, что когда он пел, то почти не картавил, буква «р» становилась похожа на себя, незаметно вплеталась в другие звуки.

И теперь, глядя на Матвея Кузьмича он не то с испуга, не то по привычке взял и зашел.

Закончив «Лизавету», которую Егорка знал от начала до конца, он вздохнул поглубже и зашел следующую, ту, что больше всего любил Матвей Кузьмич. Старательно ровно выводил, выпевал:

На улице дождик с ведра поливает...

– Не хуже Руслановой поешь, – тихо проговорил Матвей Кузьмич.

Лицо его успокоилось, и сам он, до этого возбужденный, отяжелелый, вольно раскинулся на топчане, дышал тихо и ровно, как осеннее освобожденное поле. Отдохнув, Матвей Кузьмич сказал:

– Ведь он, считай, вышел, морда фашистская, извлечь осталось. Брезгую я им, Егорка.

Он медленно сел, пошарил в кармане и вынул оттуда ножичек. Не глядя, раскрыл лезвие, пальцем навел на то место, где темнел осколок. Чуть блеснула узкая полоса заточки, и маленькая выемка на краешке лезвия приняла в себя первую каплю крови. Матвей Кузьмич вождельно и нетерпеливо ухватился за обкатанный край осколочка, потащил его из резаной, узкой, зарозовевшей на краях раны.

Прорывая ткани, осколок вырвался на волю. Он был влажен от сукровицы и почти горячий. Размером с мелкий гвоздик, не больше. Железо его истончилось, вымылось и высветлилось. Осколок скорее напоминал острое матовое стеклышко.

– Фляжку из сумки достань. На лавке лежит.

Егорка достал фляжку из сумки и принес Матвею Кузьмичу. В изумлении глядел он на осколок, лежавший на его ладони.

Матвей Кузьмич открыл фляжечку, которая на три четверти была наполнена водкой, помочил рану, медленно и словно бы неохотно набиравшуюся кровью, отпил несколько глотков, зажав горлышко бледно-голубыми губами. Посидел минутку в раздумье.

– Изгнал ты его как беса из свиньи, Георгий. – сказал он. – Изгнал песнями своими.

Голова Матвея Кузьмича, ощутив блаженное освобождение от боли, держалась прямо и победно.

Он встал с топчана, взял из шкафчика маленький граненый стаканчик, налил в него водки, кинул туда осколок и сказал утопленнику:

– Вот так, морда фашистская.

А потом Егорке.

– Ехать нам, Георгий, надо. Астру конюху вернуть. Ей сегодня еще работать. А мы с тобой, как вернемся, люльку будем мастерить. А то парнишка

наш приедет, а где спать?

– А у меня колокольчик есть, над люлькой привяжем! – расщедрился Егорка.

Они вышли за ворота.

– Садись, Георгий. Извозчиком будешь.

Егорка обрадовался, но и заробел.

– Она сама пойдет. Понукай только иногда, – ободрил его Матвей Кузьмич.

Егорка уселся впереди, взял вожжи.

Матвей Кузьмич забрался в кошевку, устроился барином на тулуп – вернувшись из роддома, он за был его занести в избу.

– Пошла!

– Но, Астра! – скомандовал Егорка, трогая вожжи.

Астра тронулась с места и пошла вверх по улице до поворота, потом свернула вправо, в сторону конюшни.

Матвей Кузьмич, несмотря на небольшое головокружение, жжение и боль в ране, чувствовал себя хорошо, даже замечательно. Он ликовал, он праздновал свое личное освобождение от фашизма.

И Астра, славная представительница гужевого транспорта, перенимая его настроение, шла гордо и торжественно, словно на военном параде в День Победы.

На сцене театра-студии *Enfant-Terrible* с неизменным зрительским вниманием идёт спектакль «Пинежский Пушкин».

Ярослав ЩЕДРОВ

«СЕРДЦЕ ВСЕМ ВЕСЕЛИТ РЕЧЬЮ СВОЕЙ И ПИСЬМОМ...»

Хроника одной Радости

Он певец был, песенной наблюдатель, книгам сказатель, грамоты списатель. Землю, как цветами, стихами украсил. Острота ума нелюдска была. Книги писал, слово к слову приплетал, круто и гораздо. Книги работал и радовался над има. Он пусты книги наполнил, неустроену речь устроил, несвершено совершил. Теперешны писатели от Пушкина взяли да пошли...

Зима, 1934 год. Год, когда в СССР вовсю праздновали 135-летие Пушкина. Юбилей Александра Сергеевича русский писатель, сказочник и публицист Борис Шергин, известный своими историями из поморского фольклора, встречает на Пинеге. Здесь на квартире Соломонида Чёрная читал полуграмотным пинежанам Пушкина и рассказывал о гении Александра Сергеевича.

«Я на опыте знал, что Чёрная, обладающая поэтическим даром, не замедлит отразить слышанное

в ярких пересказах. Эти пересказы, впечатления, отображения слышанного, своеобразно понятого, реплики, афоризмы, отрывочные, но эмоционально насыщенные и поэтически образные, послужили материалом для компоновки сказа «Пинежский Пушкин».

1972 год. Юный житель Пензы Дима Аксёнов впервые открывает для себя «Сказки Пушкина». С этого времени Александр Сергеевич входит в его жизнь сразу, прочно и навсегда.

Лето, 1999 год. Главный художник Пензенского театра «Кукольный дом» Дмитрий Аксёнов впервые знакомится с текстом Шергина. Художественный руководитель театра Владимир Бирюков планирует взяться за постановку «Пинежского Пушкина» и предлагает Аксёнову поработать над эскизами сценографии и кукол для будущего спектакля. По ряду причин работу до конца довести не удалось. Через год Дмитрий вместе с супругой, актрисой Татьяной Леоновой переехал к ней на родину в Ульяновск. В качестве самого ценного перевез с собой и эскизы к «Пинежскому Пушкину».

– Можно сказать, что с первого прочтения текста Шергина работа над будущим спектаклем не прекращалась, – рассказывает Дмитрий Михайлович – но была она в основном внутренней.

За это время Аксёнов успел стать первым в Ульяновске лауреатом Национальной театральной премии «Золотая маска», поработать в Ульяновском драматическом театре и ТЮЗе и создать свою уникальную труппу *Enfant-Terrible*. Постепенно в мыслях режиссёра и художника «Пинежский Пушкин» превращался в моноспектакль Татьяны Леоновой. Сегодня, хорошенько приглядевшись, можно найти даже в образе каждой исполненной с почти фотографической точностью куклы для этого спектакля – от самого Пушкина и Натали Гончаровой до Анны Ахматовой – едва уловимые черты самой Татьяны. Но о кукольных персонажах «Пинежского Пушкина» чуть позже...

Июнь, 2017 год. «Мы решили всё-таки приступить к воплощению задумок, – продолжает Аксёнов. – Божьим промыслом подоспело и время, и даже самочувствие. Захотелось всё задуманное увидеть во плоти – куклы, замыслы, сцены».

Первым рождался Дуб Зелёный, своеобразный центр мироздания в этом спектакле. Параллельно современное низкопробное чтиво, найденное преимущественно выкинутым на ульяновские помойки, превращалось в будущие тома русской классики. Из одной сомнительного содержания книги с помощью лобзика получалось три-четыре маленьких. Позже каждую из них отдельно переплетут, сделают новую обложку, на которой появятся имена Пушкина и Гоголя, Толстого и Достоевского, Платонова и Шукшина. Эти «книжки-мальшки» теперь важная часть реквизита в спектакле.

В том же году в ходе подготовки к будущей работе состоится первая серьёзная поездка Аксёнова и Леоновой на Псковщину. Здесь они получают своеобразное благословение на будущую работу под настоящим пушкинским дубом у Лукоморья в Тригорском. Эта поездка так повлияет на Дмитрия, что он, и раньше трепетно относившийся к пушкинской теме, начнёт более глубокое и вдумчивое изучение его наследия, «перевернёт» пласты литературы о самом Александре Сергеевиче. И даже поставит перед собой цель выучить наизусть всего «Евгения Онегина». Забегая вперёд, в последнем преуспее изрядно. На сегодняшней день невыученной остаётся одна глава – последняя. В остальном – ночью разбуди – с любого места зачитает. И это не просто автоматическое запоминание текста, а что называется, полное погружение. Сегодня цитатой из «Онегина» режиссер и художник может уместно прокомментировать любое жизненное явление или ситуацию.

Май, 2018 год. Начинается самая кропотливая часть работы над будущим спектаклем.

– Спектакль изначально замышлялся как резной, – признается Аксёнов. – По своей стилистике это русская деревянная скульптура. Чтобы присутствовало ощущение руки деревенского художника. И тут сложностей стало больше. Во-первых, сам процесс трудоёмкий и долговременный. Во-вторых, в этом спектакле, без преувеличения, около 250 кукольных персонажей. Каждую куклу надо было исполнить. Сидеть и вырезать, проще говоря. Это требовало серьёзного труда. Кроме всего прочего, многие основные персонажи, поскольку у Шергина всё соответствует биографии Пушкина, выполнены с портретным сходством. Для нас историческая достоверность крайне важна в этом спектакле. Наиболее важные куклы вырезались из берёзы. Для персонажей, сыгравших роковую и неприятную роль в жизни Пушкина – Николая I или Дантеса, например – использовали липу. Берёза – она всё-таки более светящееся дерево.

На одну куклу уходило до недели труда. Перед глазами всегда были фотографические или рисованные портреты основных персонажей: два анфаса и профиль. Так рождались все «писатели, которые от Пушкина взялись да пошли»: Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский и другие. Даже Ленин, который «Пушкина книги целовал да к сердцу прижимал». Отдельно с ювелирным мастерством вырезались руки (вплоть до пальцев) и ноги. В ходе подготовки впервые использовалась уникальная система крепления – магнитная вместо верёвочной.

К работе подключаются все студийцы *Enfant-Terrible*. Шьют костюмы, клеят, изготавливают движущиеся декорации, обрабатывают дерево. Неоценимую помощь отцу на этом этапе оказывает Борис Аксёнов, к тому времени уже профессиональный художник-сценограф, закончивший Санкт-Петербургскую академию театрального искусства. Спектакль становится по-настоящему студийно-семейным. Причем многие трудятся на одном желаниии, не обладая какими-то особо профессиональными навыками в том или ином ремесле. Порой разрывают шаблоны и взламывают стереотипы: мужчины берутся за кройку и шитье, а представительницы слабого пола наравне работают сверлом, топором. Татьяна Леонова делится:

– Некоторые костюмы удалось и мне самой сшить. Причём для меня это подвиг, я в детстве даже куклам не шила никогда, в общем-то, я в них и не играла... Последнюю пару недель работали особенно интенсивно. У всех включился дополнительный мотор. С утра репетируем, потом делаем кукол и декорацию, придумываем механизм опускания занавеса. Затем ещё одна репетиция, после неё сверлим, клеим, приделываем листочки к дереву. Между делом едем по магазинам и строительным рынкам за клеем, канатами, краской. А вечером, наконец, ещё одна репетиция... И всё-таки это случилось. Ведь если веришь, любишь, прилагаешь все силы для воплощения задуманного, если у тебя есть друзья, товарищи, которые одержимы одной идеей, одной целью – то всё получается!

Сам Аксёнов последние семь дней перед премьерой даже спать домой не приходил, ночевал в

театре. Чтобы побольше успеть за ночь... Впрочем, мы увлеклись и, нарушив хронологию, забежали вперёд. А тогда, летом год назад у Дмитрия и Татьяны случилась еще одна важная поездка – в Санкт-Петербург. Посещение музея-квартиры Пушкина на Мойке – последнего пристанища Александра Сергеевича – окончательно породнило их с главным героем спектакля. Именно с этих пор Дмитрий Михайлович не может спокойно и отстраненно рассказывать о дуэли Дантеса и Пушкина, о его гибели. Становится искренне сентиментальным и не скрывает скупых мужских слёз. Так можно говорить только об очень близком человеке.

И да, даже театральную кошку здесь назвали Морошкой – в честь ягоды, которую Александр Сергеевич очень любил и просил перед смертью.

Август, 2018 год. Аксёнов впервые конкретно анонсирует сроки будущей премьеры «Пинежского Пушкина» – новый театральный сезон, октябрь-месяц. Но... Как объяснит он позднее:

– Разные обстоятельства входили в нашу жизнь, которые не всегда способствовали эффективному течению дел в связи с выпуском спектакля.

В итоге премьеру пришлось сдвинуть ещё на год. Повторно она была заявлена на открытие Всероссийского театрального фестиваля «Александровский сад» в Ульяновске в начале ноября 19-го.

Чем более зримые и осязаемые формы обретала постановка, тем яснее становилось, что это может быть серьёзная заявка на вторую «Золотую маску». А то и на Книгу рекордов Гиннесса. Одной кукольной массовой в спектакле в сцене прощания с Пушкиным – 220 человек (по количеству лет, прошедших со дня рождения Александра Сергеевича). Потрясающего качества машинерия, превращающая историю в волшебное почти сказочное действие. Впрочем, меньше всего Дмитрий Михайлович думал и думает о призах и наградах:

– Есть тут какой-то рекорд или нет его – от плевательницы до фонаря. Гиннесс это, не Гиннесс – неважно. Куда важнее, что ткань самого спектакля рождалась по ходу работы над ним. Это своего рода такая наша многолетняя импровизация. Не было абсолютно никакой цели ставить рекорды.

30 ноября – 1 декабря 2019 года. Премьера «Пинежского Пушкина» в театре-студии *Enfant-Terrible*. Татьяна Леонова заметно волнуется. По окончании спектакля даже расплачется от нахлынувших чувств прямо на сцене. И потом будет уверять, что сыграла чуть хуже, чем могла бы, и чем это было на генеральном прогоне накануне. Трудно уличить актрису в излишнем кокетстве. Но – несомненно – в её исполнении кажущийся таким простым и незамысловатым рассказ простой неграмотной крестьянки Соломонида Ивановна Чёрной возносится к высям горным и превращается в Житие. Жалуются ли симпатичная кукольная корова на нерадение по

хозяйству Натали Гончаровой. Летит ли к любимой буквально над крыльях любви Пушкин. Затевают ли кукольное коварство царь и Дантес с телами ядовитых змей. Это всё символы. Есть и посильнее. Перо в руках Пушкина вместо пистолета на дуэли. Поднятая как пистолет при выстреле зажжённая свеча. Чарующая конструкция из перьев, в которой без труда узнаётся шестикрылый серафим. То ли колыбель, то ли домовина, где начинается и заканчивается жизненный цикл Пиита. Парты под дубом, за которыми сидят как школяры классики русской литературы. А на дубе не кот учёный, а сам Пушкин в задумчивости и радости. Радости Творения...

Татьяна Леонова: «Это счастье, что мне доверено рассказать эту историю про Сашу Пушкина, создав такой удивительный мир на сцене, таких потрясающих, живых кукол... Для меня Пушкин это как Христос».

Из отзывов первых счастливых, ставших зрителями рукотворного чуда под названием «Пинежский Пушкин»:

«Волшебная энергия слова Бориса Шергина, волшебная энергия кукол Дмитрия Аксенова, волшебная энергия актерской игры Татьяны Леоновой (всегда мягкая и спокойная, как будто – материнская) – всё соединилось в этом спектакле. По времени недлинный, но как будто растет сам из себя, приобретая объем и выпуклость, давая впечатление полное, насыщенное, счастливое».

«Сказ женщины из Архангельской губернии про «наше всё» хоть и кукольный, тем не менее – великий и, что подкупает, очень человечный».

«Декорации, куклы, игра Татьяны Леоновой – всё бьёт в самое сердце».

«Слов не хватает, чтобы рассказать, всё сплошь эмоции. Наслаждение каждой фразой. Потрясающая глубина голоса. В голове всё крутятся запомнившиеся моменты. От трогательного «Наташу за меня отдайте, маменька» сердце замирает».

«Грандиозная работа. Во всём свой почерк, особенная творческая манера»

Дмитрий Аксёнов (под шелест листьев дуба, каждый из которых – микроспический листок с текстами, написанными рукой самого Пушкина): «И всё же главное – сложный по своей музыкальности шергинский текст. Главным тут было не переборщить, чтобы не ушла эта музыка... По сути, это такая микропоэма деревянной скульптуры».

Вот оно! Новый спектакль от *Enfant-Terrible* – это ожившая музыка. Ожившее чудо. И ожившая радость.

«Он многих людей в грамоту завел. В каждом доме Пушкин сердце всем веселит речью своей и письмом. Егово письмо как вешна вода. Его стихам нет конца. Сотворена река, она все течет – как Пушкин. Землю он посетил да напоил. Что на свете есть, у него все поется...».

Татьяна Леонова в спектакле
«Пинежский Пушкин»

Студийцы *Enfant-Terrible* шьют костюмы, клеят, изготавливают движущиеся декорации, обрабатывают дерево.

Константин СМОРОДИН, поэт, член Союза писателей России,
главный редактор журнала «Странник» (Саранск).

«Я ПИШУ ТЕБЕ ПИСЬМА В СТИХАХ...»

* * *

Время надвигается лавиной,
казалось – начало, уже – середина.

Вчера на дочь загляделся мальчик,
и в нём себя я узнал... О, Боже!
И девочку вспомнил, ту, чей бантик
мой детский разум в те дни тревожил.

И так реально она предстала,
на школьной лестнице, в бликах светлых,
что толщу времени пробило жало
тех чувств неведомых, смутных, первых.

А за окошком зима блистала,
металась вьюга по белу свету.
Мгновений выстуженные кристаллы
переливались, как самоцветы.

ТРИПТИХ

*

Ты ведь не стал равнодушным
к безропотным этим лесам?
К этим законопослушным,
вечно живым небесам?
К этой воде родниковой,
что разомкнула оковы
тёплой, тяжёлой земли?
К этой любви незнакомой
или знакомой любви?

*

Ночь надо мною простёрла крыла,
тенью луна промелькнула.
Выколи глаз – ни звезды, только мгла
чёрная, как пистолетное дуло.
Эх, ничего-то не понял я вновь
в этой земной круговерти:
счастье ли, горе, надежда, любовь
нас ограждают от смерти?

*

Я не знаю, чего я хочу,
я опять неприкаянный:
сколько лет за собою влачу
по обочине каменной,
сколько дел за собой волоку,
всё дела мои грешные,
и сквозь веки красно на веку –
на дороге заснеженной.
Не из Тотьмы ведёт на Устюг
та дорога разбитая,
а из прошлого в прошлое круг –
разомкнёшь ли молитвою?

* * *

Моё время – зима,
холодная, седая,
слепящая, как тьма,
как вьюга – золотая,
невнятная, как сон:
от радости до страха,
зовущая на трон,
ведущая на плаху.
На плаху площадей,
ночных, пустых, продутых,
на плаху снежных дней,
исчезнувших как будто.
На трон любви... Не тронь
престол предновогодний!
Холодный – как огонь,
словно огонь – свободный!..

* * *

Сгребают дворники лопатами
всю ночь валившие снега,
и тротуары синеватые
вновь обретают берега.

Пучки прирученной энергии
сквозь отшлифованный песок,
точно жемчужины, посверкивают,
от вечности на волосок.

Весь мир сверкнёт изнанкой белою,
черты очистятся от фальши,
как бы души пространство целое,
неразличаемое раньше.

Из «Посланий к Анне»

* * *

Лишь бы меня не закрутило,
не увлекло, не понесло...
Твоя отверстая могила,
и день, прозрачный, как стекло.

И речи, слёзы, обещастья
чего-то сделать всем назло...
И бесконечное страданье...
И день, прозрачный, как стекло.

И день, прозрачный, как стекло,
день светлый, дали прояснивший...
И путь к Любви для всех любивших...
Сквозь холод – дивное тепло.

* * *

«Всех скорбящих Радость» на аналое.
Я скорблю, я плачусь пред Тобою.

Ты раздвинуть занавес разреши –
посмотреть сквозь щёлочку жизнь души.

Всё такая ж нежная, дорогая?
Иль уже не прежняя, а другая?

Нет, наверно, прежняя, только лучше.
Падает надеждою солнца лучик.

* * *

Он есть, он есть – воздушный шар,
что тащит из пучин из скорбных,
и способ этот верный стар,
и вам известен он бесспорно.

Нет, не наркотик, алкоголь,
они не лечат, нет, не лечат,
они лишь приглушают боль
на час, на вечер.

За них расплата ждёт... Пстой,
о том – потом. В подлунном мире
способ спастись такой простой:
всего лишь чтение Псалтири.

Всего лишь по кафизме в день...
Как просто, видишь...
Воздушный шар...
Бессмертья сень...
И гимн Давида!..

* * *

Ты была бальзамом на мои язвы,
теперь всё болит, а лекарства нет,
ты была для меня матерью, государством,
нашей юности сохранённый свет.

Анне

Ты была для меня женой и другом,
любовницей и музой в одном лице,
ты была королевой, смыслом, югом,
солнцем закатным на нашем крыльце.

Ты была соловьиной песней в берёзовой роще,
любимым видом с нашего холма,
с тобой мне казалось море перейти проще,
чем без тебя не сойти с ума.

Как я любил провожать тебя на озеро утром,
смотреть, как ты плаваешь в солнечных лучах.
Какой ты была прекрасной,
спокойной и мудрой,
и как легко было говорить с тобой о чём-то
или молчать...

* * *

Я пишу тебе письма в стихах,
пытаюсь обо всём рассказать,
ты же давно в земле, к праху ушел прах,
душа блуждает где-то на небесах,
и нужно ли тебе от меня что-то, кроме молитв,
как знать?..

Я пишу тебе письма или себе,
пытаюсь понять, уразуметь,
нащупать мотив, –
в какое мгновение, на какой тропе
сбился маршрут, и смерть
встала вдруг за плечами, мой друг,
и замкнулся круг?

Мы мечтали о жизни, строили дом,
сейчас в него я захожу с трудом,
потому что вокруг
всё связано с тобой,
каждая мелочь, каждая тень,
хранят в себе какой-то наш день,
даже кривой гвоздь...

Мы хотели с тобой разделить жизнь,
но пуст наш дом
и гол наш холм,
и сыгран отбой
там, на небесах, среди звёзд.
Обнажил ноябрь лес на холме
и нас с тобой
ноябрь обнажил,
а ветер пронизал насквозь...

* * *

Октябрь моих слёз,
ноябрь моего горя...
Как холодно среди берёз
на холме нашем голом.

Ты любовь пробудила в крови,
ты поделилась собой, как хлебом.
Слёзы в озере раствори
и укрой меня небом.

* * *

Счастье – это когда Господь
дарует взаимную любовь,
напоённую благодатью.
Счастье – это когда тебе хорошо
рядом с любимым человеком,
даже если вы молчите
и смотрите в разные стороны.
Счастье – это когда вы вместе,
взявшись за руки, идёте к Богу,
и ответ Его любви на вас.
Счастье – это когда рядом с вами
ваши улыбающиеся дети.
Счастье – это когда вы стареете вместе,
но годы вас не уродуют друг перед другом,
а красят, потому что вы уже любите
не облик, не образ другого человека,
а его бессмертную душу...

* * *

Меня поразила стрела
с ядом печали,
и если б колокола
в душе не звучали,
и жизнь бы наверно ушла,
как кровь через раны.
Спасали колокола
и тихие храмы.
Спасал небесный Отец
незримым участием.
И стала жизнь, наконец,
ко мне возвращаться.
Но мир изменился: дела
меня обличали...
И если б колокола
в душе не звучали...

* * *

Я оглох, ослеп,
на себе заикнулся,
и иду, нелеп,
словно слез с мотоцикла я,
весь такой кожаный, в шлеме,
а вокруг люди в костюмах,
они живут в иной системе –
для разумных.
Кто я такой для них?
Человек-амфибия?
А может быть просто псих,
напичканный химией?
Слушаю Баха и Свиридова,
читаю Набокова и Экзюпери.
Кто я такой и жив ли я,
коснувшийся земли?..
Не вписывался, не вписываюсь,
и вписываться не хочу,
в бессилье своём расписываюсь
и сдаюсь палачу –
за гордость свою безмерную,
за осуждение, за смех,
выбираю участь скверную –
быть хуже всех.
Помните? Марина Цветаева
распяла себя в стихах,
а потом растаяла
в облаках.
Я ей не ровня,
я против неё – пигмей,
но небо для всех огромно,
и с облаков видней...

Татьяна МЕЛЬНИК,
поэт, член Союза писателей России.

ПОЧАЩЕ СМОТРИТЕ В НЕБО

* * *

– *Может, я разучилась летать?*
О. Лазарева

Не миновала. Нет на Руси
Грешным покоя.
Как я молила Тебя: «Обнеси
Чашей такую...»

Сколь тяжела судьбоносная кладь,
Пробует каждый.
Что, если я разучилась летать?
Пропасть покажет...

28.03.2017

* * *

Посмотрела – как отрезала
И поставила печать!
Сколько выпила, а трезвая,
Хоть с начала начинать!

Только глаз два острых лезвия,
Скупость рук и сухость губ...
Посмотрела – как отрезала:
«Не ходи за мной! Не люб!»

24.06.2009

* * *

Ничего у нас не было,
Только снег да мороз,
Только взгляды, как неводы,
Все ловили вопрос,

Только взгляды все чокались,
Высекая искру,
Да дрожали чуть локоны
В серебре на ветру.

Ничего у нас не было,
Лишь касанье щеки,
Лишь укутаны белые
Нежных роз лепестки,

Месяц нам новорожденный
Улыбался едва.
Были мы осторожными,
Подбирая слова.

Только солнышко делало
На весну поворот.
Ничего у нас не было...
Что-то завтра нас ждет?..

22.12.2009

* * *

Неправда, что деревья безобразны,
Когда слетает с них последний лист...
Какая чёткость музыкальной фразы!
Небесный виртуозен органист!

И тянутся, ломаются, как руки
В молитве королевы к Небесам,
Величественно-горестные звуки –
Ветвей осенних строга краса.

И в синем-синем небе снова тонет
Излом души – победа над бедой,
Как линии неровные ладони
У женщины, до времени седой...

08.11.2010

* * *

Я Вас обидела? Грешна.
Простить меня прошу покорно.
Была неравною война
Стратега и девчонки вздорной.

Боясь, что полк мой поредел,
И не сносить, видать, короны,
Я лишь превысила предел
Необходимой обороны...

07.06.2011

* * *

Ну зачем ты лжешь
Снова о весне?
Подари мне дождь
Робкий, как во сне.

Подари мне дождь –
Ласку нежных струй,
От касаний дрожь,
Первый поцелуй.

Словно в спину нож –
Осенью тоска.
Подари мне дождь,
Будет грусть легка.

Осень? Ну, так что ж?
Осень не навек.
Подари мне дождь,
Чтоб наутро – снег.

06.10.2016

* * *

Я различаю птиц по голосам.
Я добрых отличаю по улыбке.
А детство – по упрямому «я сам».
А старость – по заброшенной калитке.

Я отличаю зло по стали глаз.
Жизнь или смерть – по узелку на нитке.
Поэзию – по паузе меж фраз.
Я добрых отличаю по улыбке.

17.10.2016

* * *

Последние минуты лета...
И вот уж осень без семи...
Я не ищу уже ответов
Ни у Небес, ни у Земли...

Я только исхожу печалью.
Я просто не могу забыть,
Как птица сбитага кричала
О беспощадности судьбы.

Свои простреленные крылья
Подальше прячу от людей...
И только пульсом: «Жили-были...»
И нет тебя... нигде... нигде...

29.08.2017

* * *

Молчи, Земля! И вы молчите, люди!
Смотрите в Небо: ангелы летят!
Их примет Бог. И Он Один рассудит
Тех, кто прошел земной кромешный ад.

Молчите, люди. И смотрите в Небо.
Всё нам оставив на Земле, вот тут,
Не взяв ни денег, ни кусочка хлеба,
Вновь ангелы уходят в высоту.

Молчите, люди. Нам осталась вера,
Сгоревшая в аду, в огне, в золе...
Осталась боль без края и без меры...
Лишь ангелов всё меньше на Земле.

27.03.2018

* * *

Мне больше не снятся стихи.

Мне снится лазурное море,
Слоны, обезьянки и лори,
Две чайки в небесном просторе,
И мы – наконец-то – не в споре...

Мне больше не снятся стихи.

Мне снятся красивые птицы,
Дочурка в платьишке из ситца
С котенком у дома резвится,
Друзья, ароматная пицца...

Мне больше не снятся стихи.

И я не жалею нисколько.
Во сне я летаю – изволь-ка.
И память – лимонная долька –
Жизнь не омрачает. Вот только...

Мне больше не снятся стихи.

18.04.2018

* * *

Ну вот и снова дни короче.
А я так не смогла успеть
Власть насмотреться в Неба очи,
Рассветом душу отогреть,

Из родника взахлеб напиться,
Запомнить утра аромат,
Наслушаться весенней птицы,
Налюбоваться на закат.

А завтра вновь дожди и осень.
Мой самый длинный день прошел.
Живу. Вся будто под вопросом.
С неналюбившейся душой.

21.06.2018

* * *

Я научилась быть счастливой.
Я счастлива, что день настал,
Что ветер с нежностью и силой
Мою макушку растрепал.

Я счастлива еловой лапой
Тревожить угли у огня.
Я счастлива, что мама с папой
Живые. Дома ждут меня.

Я счастлива, что есть на свете
Один вреднючий человек.
Что он в порядке. Солнце светит.
И новый день – как новый век.

04.07.2018

* * *

Хотите увидеть Ангелов?
Почаще смотрите в небо.
Они не кичатся рангами,
Не просят денег и хлеба.

Они улыбаются людям.
Увидев слезы – болеют.
И очень влюбленных любят,
Гуляющих по аллеям.

Ведь Ангелы – те же птицы.
И все же немного – дети.
Они не умеют злиться,
Они за людей в ответе.

И это был, а не небыл.
Я вижу их! Даже ночью.
Лишь мой улетел на Небо,
И прилетать не хочет...

10.08.2018

* * *

Простые письма ни о чем:
Невинный треп, святая ложь...
Но ангел за моим плечом
Чуть-чуть на чертика похож:

Слегка меня под локоть бьет
И тихо прыскает в кулак.
И пишется в письме моем
Совсем не то! Совсем не так!

И я даю себе зарок
Стать сдержанною – по летам.
Но мы читаем между строк
И главный смысл видим там.

06.09.2018

* * *

Какие мелкие осколки...
Какие острые края...
Мне говорили: «Люди – волки.
Обречена любовь твоя».

Как сказки добрые недолги,
Как долго сны мои хранят
Такие мелкие осколки,
Такие острые края...

16.10.2018

* * *

Не люблю однолюбков.
С ними шутки плохи –
К вам презрительны будут
От любой чепухи:

Легкий флирт – преступленье,
Даже глазок стрельба
Им почти что смертельна
И вульгарно-груба,

Не коснуться усталых
Не целованных губ...
Как я это узнала?
Я сама однолюб.

24.11.2018

* * *

На другом конце города,
А вернее – земли,
Вечным холодом скованы
Наших встреч корабли.

На другом конце города,
На планете иной,
Нам не выдумать повода
Повстречаться с тобой.

Неприступные, гордые,
На краю, рубеже,
На другом конце города –
Друг у друга в душе...

01.01.2019

* * *

Слово хрупкое «вместе»
Бог разбил о гранит.
Тоже пишется песни,
Если сердце болит?

Я прошу тебя, если
Боль не тонет в вине,
Спой, пожалуйста, песню
Для меня... обо мне...

01.01.2019

* * *

Сквозь метель испытаний и тьму невзгод,
В вихре снежного жаркого вальса
Я тебя загадала на Новый год.
Я тебя загадала – сбывайся!

Олег КИСЕЛЕВ, музыкант, поэт, бард, лютнист, член Российского союза профессиональных литераторов.

ПОКУДА ВРЕМЯ ВСТРЕЧ НЕ ИСТЕКЛО

ТАЙНОЕ ЖЕЛАНЬЕ

Ах, как хотелось властной рукой
Обнять Вас дерзко, страстно глядя в очи,
И вдохновенно яркою строкой
Запечатлеть Ваш образ между строчек.
Очередной выкидывая финт,
Вниманье Ваше сладко ощущая,
Сорвать бактерицидный пластырь, бинт
С зажившей страсти, боли не смущаясь.
И, завертев в полетном вальсе шаг,
Вас закружить, чтоб, потеряв дыханье,
Вы прошептали: «Ах! Коварный маг!
Я так ждала вот этого свиданья!»

* * *

Там, за окном, – твой взгляд и тень твоя
По переулку бродят в ожидании.
Всю ночь слежу за этой тенью я,
Всю ночь молю судьбу я о свидании!
И за прозрачной ширмой стекла
Уходит время навсегда в былое.
Ночь незаметно в утро истекла,
Я пред окном как перед аналоем.
Кого молить? Кого мне заклинать?
Как время упросить не торопиться?
Лишь только ночь о встрече может знать,
Лишь только ночью нам с тобой не спится!
Вот если б смело – вдребезги стекло!
И если б только мне хватило силы,
Покуда время встреч не истекло,
И есть для чувства потайные жилы!
Но ширма та прозрачная крепка.
Уходишь ты, и вновь судьба – спиною.
Еще одно дыханье для рывка,
В осколки – ширму! Будь всегда со мною!
Несется крик по улице за Ней.
Так опоздавший на пролетке мчится,
В безумье загоняя лошадей –
Успеть, пока не пробудились птицы!
Пока хотя бы тень твоя видна,
Быть может, ты на крик мой обернешься,
И не уйдешь в небытие одна,
И с полдороги все-таки вернешься?
О, это было б чудо из чудес –

Твое лицо увидеть близко, рядом,
И вся ты – здесь! Невероятно здесь!
Желанных глаз твоих желанным взглядом –
В мои глаза, а я – в твои глаза,
И длительность, и непрерывность,
Без слов, к чему слова, сперва слеза
Вниз по щеке, растерянность, порывность,
И вальсы первых и смятенных чувств,
И упоенье встречей после жажды.
Надежд и ожиданий, без искусств
И впрок – не повторится это дважды.
Успеть сказать, успеть испить, изверить
И излюбить до дна, коль есть оно!
Рассвет еще не скрипнул ржавой дверью
И суетой не постучал в окно...
Тогда ты задрожешь в порывах света,
Скользнешь опять за ширму из стекла,
И переулком сонным без ответа
Исчезнешь тенью за чертой угла.
И вновь прервется эта неразрывность,
И буду у окна дежурить вновь,
И буду ждать, пусть это и наивно,
Что чудо повторит моя любовь.
И буду жаждать – вдребезги стекло,
Покуда время встреч не истекло...

ЛИСТВЕННИЦА

Лиственницы шепот, лиственницы нежность,
Лиственницы осенью – золотая осыпь!
Феи взмах – карета, кони, белоснежно
Платье Замарашки, и легчайша поступь.
Тайна превращения – твердость веры в грезы!
Нежность листьев – в иглах! Это невозможно?!
В иглах – беззащитность, в иглах нет угрозы.
Мяжки, как ресницы, ласковы не ложно.
Преданность Русалочки – смерть и возрожденье.
И не вечность хвои – листьев обреченность.
Не слепое, звонкое злата наважденье
А светлейший трепет, душ позолоченность!
Всё укрылось в иглах мягких чаровницы.
Каждый взмах чудесный – приглашенье в сказку.
Огненными искрами золота струится
И сквозь ветви – небо смотрит Синеглазкой!

О, ДАМА ДОРОГАЯ!

Из Гийома де Машо

*О, Дама дорогая!
Прошу не думать Вас,
Что вдруг любовь другая
Владеет мной сейчас.*

Вы в сердце неизменно
желанны,
желанны для меня.
Люблю я Вас смиренно,
храню,
без Вас не жив ни дня!
Увы! Я умоляю,
Надежда. Милость где?!
Без Вас я погибаю
В слепых страстей огне.

О, Дама дорогая!..

Вы надо мною властны.
О, власть
над сердцем так сладка,
хоть муки так ужасны
и связь
любовных уз крепка.
А сердце просит только
Лишь подчиненья Вам.
В ответ от Вас нисколько
Пощады, ни на грамм.

О! Дама дорогая...

И от моей болезни
нет сил
и излеченья нет!
О, враг мой, не исчезни,
хоть Вам
желанен моих мук след.
О, Дама, заклинаю,
коль сердце есть у Вас,
убейте!
О Боже, как страдаю,
нет сил уже подчас!

О, Дама дорогая...

Комментарий автора: «*О, Дама дорогая*» – это эквиритмический перевод со старофранцузского виреле Гийома де Машо. Я пою и играю эту виреле на лютне.

«*Douce Dame Jolie*» («Милая, любимая леди») – одна из ранних песен Гийома де Машо, знаменитого французского поэта и композитора XIV века. По форме это виреле, по смыслу – переживание несчастной любви, а по музыке... по музыке это одна из самых известных средневековых мелодий, которую не забывают в XX веке и не забывают сейчас.»

Олег Юрьевич Киселёв – музыкант, артист Ульяновского государственного академического симфонического оркестра, преподаватель по классу гитары, известен как бард, автор песен на стихи поэтов-классиков и на стихи ульяновских поэтов. С недавнего времени Олег Киселёв освоил редкий музыкальный инструмент – лютню.

Олег Киселёв о своём увлечении редким инструментом сказал:

«Лютней я занимаюсь четвертый год. Три раза ездил на лютневую школу в Муром (даже в село Карачарово) к замечательным преподавателям Андрею Чернышеву и Марине Беловой. Давно хотелось попробовать играть на этом непросто, но очень интересном инструменте. Помог сын Влад. Он меня познакомил с Мариной Беловой, бывшей его сокурсницей по учёбе в Москве в Академии Маймонида по специальности «классическая гитара». Марина позже перешла на лютню в класс Андрея Чернышева. Через Марину и Андрея (преподавателя по историческому исполнению в той же академии) я заказал лютню у Вадима Гиньковского, мастера из Коврова. На этом инструменте и играю по сей день. Играю solo и в ансамбле с супругой Татьяной (дуэт *Vino d'annato*). В Ульяновске в лютней выступал в концерте, посвященном Данте, в рамках филармонического абонемента «Вечерний Симбирск». И еще был концерт в творческом пространстве «Окна», где выступали с нашими молодыми музыкантами (с арт-квartetом филармонии и в дуэте *Vino d'annato*).»

Дорогие читатели, смотрите на сайте «УлправдаТВ» запись программы «Литературная гостиная» с участием лютниста Олега Киселёва.

Лидия АНУФРИЕВА, поэт, учитель русского языка и литературы, член Российского союза профессиональных литераторов. Родилась 25 января 1940 года в Татарстане. В Ульяновск переехала в 1997 году, здесь обрела творческую среду, посещая встречи в «Клубе поэтов» и вечера в литературном салоне имени Елены Токарчук. Автор книги стихов «На тонкой паутинке бытия». Предлагаем вниманию читателей подборку лирических стихов Лидии Ануфриевой.

Редакционный совет журнала «Симбирскъ» сердечно поздравляет Лидию Семеновну Ануфриеву с юбилеем! Желаем добра и радости!

СВЕТ ЛЮБВИ

* * *

Господи! Прими Благодаренье
За Твою земную Благодать.
В ней душа Святое упоенье
Черпает, желая всё отдать
За сердец высотные глубины,
За неповторимость бытия...
И за счастье кем-то быть любимой,
Чувств ответных вовсе не тая.

МОЛИТВА

Ты ли мне дал в утешение
Эту земную любовь,
Господи?.. Иль искушению
Сердце подвергнуто вновь?!
И пребывая в смятении,
Лишь об одном я молю:
Дай ты мне благословение,
Чтоб растопило сомнение
Слово святое «люблю».

СВАДЕБНОЕ

За тобой любовь неслышным шагом
Ходит всюду, где бы ни был ты...
Это значит, что с тобою рядом
Я с рожденья дня – до темноты.
А когда на купол неба звёзды
Выйдут, чтоб над миром воссиять,
Стану я дыханием в час поздний
Возле сердца твоего опять...
Это будет вечное свиданье,
Потому что нас не разделить.
Как прекрасно в целом Мирозданьи
Двум песчинкам свои души слить.

* * *

Нет! Тебе не могу я открыться...
Что поделаешь?! Нет, не могу...
К сердцу мне твоему не пробиться:
Я пока на другом берегу
Той реки, где круты перекаты,
Где житейская хлещет волна...
Омывая восходы, закаты,
Путь к тебе затрудняет она.

* * *

Не звони. Не зови. И не сетуй...
И разлука сама отболит...
Значит, так начертали планеты:
Им виднее с далёких орбит,

Кому в радость и муки Тантала,
Кому в дар Ариаднина нить...
Получив её, я перестала
В лабиринтах разлуки ходить.

* * *

Ты в сны мои приходишь часто,
Хоть я об этом не прошу.
И я, как запоздалым счастьем,
Видениями их дышу.
Ты в снах всё тянешь ко мне руки
Над перекрёстками дорог
И говоришь: «Конец разлуке!»
Но до сих пор прийти не смог...

* * *

Ты исчезал в края далёкие.
Ты так надолго умолкал,
Что чувства, самые высокие,
В холодный вылились металл.

И у меня хватило гордости
Шагов безвестных не искать.
Я потому смогла из горестей
Свой саван для любви соткать.

На дне души и похоронена
Она под саваном моим...
И в жизни роль моя коронная
Давно уж сыграна – с другим.

* * *

Ты сегодня не со мною...
Горевать не стану я:
Под негаснущей луною
Мы всегда одна семья.
Ты ли, я ли, дальний кто-то
Вспыхнет радости волной –
Это будут Счастья соты
Всей обители земной.
Потому и ты не сетуй,
Что сбылось, что не сбылось...
По духовному Завету
В жизни всё переплелось.

* * *

Букет из гордых гладиолусов
Украсил стол мой неспроста...
Поёт квинтет их нежным голосом,
И льётся в сердце красота
Звенящая... Она врывается
Потоком самых светлых нот...
И вновь любовью наполняется
Душа... И потому поёт.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Данила НОЗДРЯКОВ, журналист, поэт.

С КНИЖКОЙ И ЧЛЕНСКИМ БИЛЕТОМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

В подмосковном доме отдыха «Ершово» прошли ежегодные семинары Союза писателей Москвы. В них приняли участие больше семидесяти молодых авторов. Ульяновск в семинарах поэзии представлял Данила Ноздряков.

Приглашен на семинары был и ульяновский автор Игорь Улитин, который отправил на обсуждение несколько своих рассказов. Но, к сожалению, ему не удалось принять участия. Выбывшие участники пятидневных семинаров оперативно заменялись – благо желающих проторить себе с их помощью путь в литературу много.

Ведь среди руководителей были знаменитые российские мастера словесности: директор Государственного литературного музея имени В.И. Даля и литературовед Дмитрий Бак, заведующая отделом критики журнала «Октябрь» Валерия Пустовая, литературный критик Елена Сафронова, сценарист Евгения Декина, один из создателей легендарного неподцензурного альманаха советского времени «Метрополь» Евгений Попов, заведующая отделом прозы журнала «Знамя» Елена Холмогорова, драматурги Дмитрий Данилов, Александр Железцов и Ольга Михайлова, поэты Елена Лапшина, Елена

Исаева, Анна Аркатова, Ирина Ермакова, Элина Сухова, главный редактор издательства «Воймега» и поэт Александр Переверзин и другие. Кстати, Дмитрий Данилов, чей «Человек из Подольска» идет на сцене театра-студии *Enfant-Terrible*, во время семинаров узнал о получении одной из самых престижных независимых литературных премий России – премии Андрея Белого. С чем мы его и поздравляем.

Семинары приносят большую пользу и молодым литераторам, притом практическую. По их итогам издаются шесть дебютных поэтических сборников в издательстве «Воймега» – ведущем российском издательстве, специализирующемся на поэзии. Лучшие произведения семинаристов рекомендуются для публикации в трехтомнике «Путь в литературу» и журнале «Кольцо А»; самых достойных приглашают вступить в Союз писателей Москвы.

Полуночные бдения

Но, конечно, семинары дают не только материальные результаты: общение со сверстниками, кто делает первые, а подчас уже уверенные шаги в литературе, и с мастерами, которые могут помочь найти собственный путь и обрести собственный голос.

Тем более что семинары Союза писателей Москвы давно и прочно себя зарекомендовали в качестве стартовой площадки для молодых литераторов. В этом году они проводились уже в девятнадцатый раз, возникнув в непонятное время, когда исчезли советские писательские институты, а на их месте ничего не появлялось. У истоков семинаров, первоначально проходивших в Переделкине, стояла известная поэтесса и автор многих популярных песен советского и постсоветского периодов Римма Казакова.

– Общественная жилка билась в ней больше любой другой аорты; она всегда хотела участвовать в общественной жизни и была абсолютно искренна в своих стихах. Мы все – результат Римминово вторжения в жизнь, – вспоминал на вечере, посвященном памяти Риммы Казаковой, которым открывались семинары, первый секретарь Союза писателей Москвы, бывший министр культуры России Евгений Сидоров.

Этот вечер настроил семинаристов на рабочий лад. Потрудиться нам пришлось достаточно. Программа семинаров начиналась утром, сразу после завтрака, и заканчивалась почти всегда около десяти вечера. Среди участников семинаров даже ходила шутка, что сделано это специально, дабы молодые писатели и поэты не успевали в магазины за товарами, любимыми героями Венечки Ерофеева.

Большая часть дня была посвящена обсуждению подборок и рассказов. Многим дневных обсуждений не хватало – чтения и споры продолжались глубоко за полночь. И даже сочиняли! До двух часов ночи вместе участники нашего семинара писали акrostих на имя и фамилию руководителя Александра Переверзина.

Такое задание, правда, немного в другом виде, было получено в предпоследний день. И семинаристы тотчас взялись за перо. Точнее, за записные книжки телефонов.

Участники семинара Союза писателей Москвы

Евгения Джен Баранова и Сергей Скуратовский

Александр Переверзин и участники семинара

А вы, извините, в теле.

Пусть в красном, пусть в черном, но в теле.

Верлибр от Евгении Ульянкиной, называющей себя маленьким привидением из Казахстана – диким, но симпатичным:

какое маленькое остается
скорлупка абрикосовая косточка
старушка обесточенная бабушка
последние приготовления
земля прощай ну все поехали
сегодня в небе день жестянщика
столпотворение у источника
мороз и солнце

Уроженец Майкопа Всеволод Федотов, выбирающий афористически краткую форму поэтического высказывания:

Мне приснилось,
Как мы с тобой
Хоронили кошку,
Которую не завели,
Потому что расстались.

Всеволод Федотов, кстати, единственный из поэтов занял призовое место на проводившемся во время семинаров литературном слэме – конкурсе, в котором читали как заготовленные тексты, так и экспромты.

И Анна Маркина, соратница Евгении Джен Барановой и Евгении Ульянкиной по арт-группе #белкавкедах, обладающая поразительной детской оптикой поэтического взгляда:

Ну, если пересказывать всерьез:
у елки обитатели детсада.
– Гори, гори! – орут. А Дед Мороз
посматривает, словно Торквемада,
на мелочь человеческую пьяно.
Не светится. А что? Чините сами.
И хоровод родителей и нянек
невесело над детством нависает.

Не слэмом единым

Конечно, обсуждения прозаических и поэтических подборок – не единственное, чем занимались участники семинаров Союза писателей Москвы. Устроителями была подготовлена разнообразная программа. О слэме уже упоминалось. Поэты двух

семинаров провели еще одно свое соревнование, где мне удалось добыть четвертое место. Судьями, к слову, выступали сами участники поэтических семинаров, так что это достижение дорогого стоит.

Прошло и несколько встреч с интересными людьми. Критик, писатель и издатель из Петербурга Вадим Левенталь поделился с молодыми авторами практическими советами, как издать собственную книгу.

– Издателя хлебом не корми, дай только найти молодого интересного автора, – заверил собравшихся писатель.

Сам же Вадим Левенталь, по его словам, любит дерзкую и радикальную литературу во всех жанрах и больше всего жалуется тех, кто пишет остроумно.

Встреча с драматургом и сценаристом Алексеем Слаповским, автором сериалов «Остановка по требованию» и «Участок» была, наверное, наиболее полезна для мечтающих увидеть экранизации своих произведений. Автор рассказал, как устроен и работает волшебный мир кино. Не обошлось и без предостережений.

– Приходить в кино нужно, когда уже набьешь руку и выработаешь собственный стиль, который невозможно будет испортить, – поделился мнением Алексей Слаповский.

Встреча с художественным руководителем театра «У Никитских ворот» Марком Розовским пришлась по душе, пожалуй, всем. Несмотря на то что легендарный театральный режиссер занял большую часть времени, отведенного под ужин, желающих сбегать на трапезу нашлось немного. Марк Григорьевич вспоминал истории из жизни, отвечал на вопросы собравшихся и пел. В том числе песни из знаменитого советского фильма «Д’Артаньян и три мушкетера», к которому он написал сценарий.

По итогам прошедших семинаров, как уже отмечалось, будут изданы шесть поэтических книг в издательстве «Воймега». Этой чести удостоились поэты Борис Пейгин (участник недавно прошедшего в Ульяновске Международного форума молодых писателей, где мы с ним были в одном семинаре), Карен Тараян, Максим Бессонов, Евгения Ульянкина и Всеволод Федотов. В числе счастливиц оказалась и автор статьи.

Фото Андрея ТАРАСОВА

Лета ЮГАЙ (Елена Фёдоровна Югай) родилась в Вологде. Живёт в Красногорске. Выпускница Вологодского государственного педагогического университета и Литинститута им. А.М. Горького. Кандидат филологических наук. Доцент Liberal Arts College Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Звезда», «Октябрь», «Дружба народов», «Новая Юность» и др. Автор нескольких поэтических книг, в том числе книги «Между водой и льдом» (М.: Воймега, 2010), «Забывать-река» (М., Воймега, 2015). Лауреат премии «Дебют» (2013). Автор научных работ, в том числе монографии «Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке» (М.: Индрик, 2019).

«Стихи её вышли из незамутненного сердца... можно увидеть несомненный рост, связанный в первую очередь с фольклорным началом, которое она начала вплетать в свои стихи. Традиция эта на Вологодчине давняя... у Леты фольклорное начало – знание темы, она профессионально изучала фольклор...» – Григорий Шувалов о Лете Югай.

[ТОТЕМСКОЕ ЛЕТО]

БАБА ГАЛЯ

Выпейте по пять капель,
сейчас принесу винца.

Тирили-тирили

А то ходила на праздник в учительскую семью.
Сидят все такие культурные,
ну, думаю, сейчас вам устрою.

Тирили-тирили

Вышла, вернулась.
Ботинок с левой ноги на правую ногу
и носами в разные стороны.
Вилкой так в кого ткну «Тебе – выпить!».
Напела писён-то с матюками.
Они смеются.
Под утро все учительницы матюкались хорошо!

Тирили-тирили

Да что вы лачете, как котёнки!
Допивайте.
Зла на меня не оставляйте.

Тирили-тирили

А то на похороны зовут.
Прихожу, все такие культурные и не ревят.
Стоят, да и всё.

Тирили-тирили

Запричитаешь, так всем и жалко,
всех расклеишь.
Сердцу тяжело, дак как без причёта?

Тирили-тирили

Хоть клубники поешьте. Мелкая в этом году.
Этакие вши, не хочется и собирать.

Тирили-тирили

По мужу редела, никак остановиться и не могла,
к бабке ходила.
Он хороший был, когда трезвый.

Тирили-тирили

А как пьяный, запустит в меня тазом.
Ой, бабоньки, говорю,
я сегодня работала влатарём,
перво место заняла!

Тирили-тирили

А то замахнётся, а я и бежать.
Ой, бабоньки, говорю,
я сегодня работала бегуном,
перво место заняла!

Тирили-тирили

А назвали Галиной.
Была у нас деушка, умерла.
Баушка сказала: назови Галиной,
может, и эта умрёт.
Я ж одиннадцатая, кормить-то нечем.

Тирили-тирили

Ну с Богом, девки, красивые, счастья вам!
А то так ночуйте, не жалко!
Я бойкáя, я вам сколь хошь напою.

Тирили-тирили

Тирили-тирили

Тирили-тирили

БАБА МАНЕФА

– Ба-ба-Ма-не-фа-а!
А Вы с нами не поговорите?
– Идите отсюда, говорила же:
по субботам нельзя ходить!
По субботам баня, дети скоро приедут.
Ничего не скажу.

Заходит в дом, закрывает дверь.

– Ба-ба-Ма-не-фа-а!
А почему вербы над дверью?
– А защищают. Срываем их и крестим.

Садится перед окошком, кричит сквозь стекло,
тюлевые занавески, крупные розовые герани.

– Ба-ба-Ма-не-фа-а! А крестите в церкви?
– А говорим словами: «боже-святой-боже-
крепкий-боже-бессмертный-помилуй-нас».
Они и окрещены.

По стеклу плывут облака.
Синее небо, острое солнце.

– Ба-ба-Ма-не-фа-а!
 А мёртвых когда поминают?
 – А до обеда.
 Это уж я как-то пришла после работы,
 там всё зашумело...

Слова, словно капли, становятся чаще:
 дождичек, ливень, река.

– Ба-ба-Ма-не-фа-а! А в какие дни?
 – Девятого мая хожу. Раньше стопку ставили,
 теперь сами не пьём. Так, печенье.

Резной наличник с красными звездами словно
 рамка для фото.

– Ба-ба-Ма-не-фа-а! Так хорошо говорите.
 Выйдите на крылечко!
 – Да что же вы, окаянные, некогда мне с вами!

Уходит топить баню. Облака продолжают плыть
 в пустых стёклах.

* * *

Палыч пока не пьяный
 С утра сидит, смотрит через стекло
 На лилии, яблоны.
 Тело как ствол, худое и загорелое,
 Высох весь по жене.
 Надежда Николаевна, пионервожатая,
 активистка и комсомолка,
 Ходила к нему первый год после смерти
 Каждую ночь до двенадцати.
 Сидела на кухне, разговаривал с ней,
 как с живой, а ухватить не мог.
 Потом весь день дурной,
 ничего делать не может.
 После обеда Палыч совсем никакой,
 Сопли текут по усам,
 Глаза вытекают слезами.
 К знающей бабке водили, она что-то
 наговорила, и жена ходить перестала.
 А он все равно скушает.

Молодая горожанка говорит:
 «У него уже такой распад сознания,
 что его и слушать не стоит.
 Он больной человек, но интересно,
 Что он облакает свой бред в формы
 традиционной культуры».
 Сама вспоминает: первый год,
 как муж её бросил,
 Каждое утро слышала звонок по скайпу,
 Пыталась проснуться, нажимала «ответить».
 Говорили, как раньше. Абсолютно как наяву.
 А потом просыпалась ещё раз, в мире,
 где ноутбук закрыт. И весь день ходила дурная,
 ничем не могла заниматься.
 Подруга сводила к психологу, он что-то
 наговорил, и звонки поутру прекратились.

Палыч превращается в яблоню,
 кривую и суковатую.

Два синих яблока
 Каждый день под водой.
 Надежда Николаевна становится
 птичкой варакушкой,
 Садится на ветку,
 Поет
 «Там вдали за рекой догорают огни...».

* * *

Баба Лестина,
*(в церковной книге записано «Лепестина»,
 но буквы потёрлись. Батюшка ей сказал,
 будут называть ваших внуков,
 пусть Лестиной не называют).*
 Поёт «Как на кладбище Митрофаньевском
 Отец дочку зарезал свою...».
 Как запоёт, так заплачет.

«Муж детей не любил. Велел дочку в лес нести».

И с царевой в лес пошла,
 И в такую даль свела...

Она понесла, оставила, а та как закричит:
 «Мама!». Она её на руки. И домой, мужу:
 «Знаешь что, тебя я брошу. А детей – нет».

А вокруг долгие сосны, кипит иван-чай,
 чистый сладостный Васнецов.
 Прошлое – желтоглазые волки,
 в здравой памяти никто туда ни ногой.

Только девяностолетняя
 Лепестина вспоминает:
 «А потом что надумал!
 Чтоб не платить алименты, решил отсудить
 детей. «В детдом, говорю, отдавайте, только
 не ему! Он ребенка в лес велел отнести».
 Спрашивают: «Это правда?».
 – «Ну да, я не мог привыкнуть».

Лиловые лепестки, острые листья,
 тычинки белые, как ресницы.
 И вода торфяная, течет со скоростью
 шесть километров в час.

А ещё пела про «...на твоей одинокой могиле».
 Подружка попросила, мол,
 «спой на моих похоронах». Люди плакали.
 А Лестина думала: «Одинокая.
 А какая же одинокая? Вот тетка, вот мать,
 вот сестра. У высельных, у тех одинокая.
 Бором всё заросло, и не найти. И сын-от один.
 Не один, с другими детьми из больницы».

А по берегам туман, как меховая опушка.
 Лес темнеет.

Ничего не разглядеть,
 ничего уже и не вспомнить.
 Буквы потёрлись.
 Прошлое обступает, как лес,
 и страшно в нём оставаться.
 Красные огоньки. Шорох. Или ошибка?
 Не оставляйте меня здесь одну.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

*Александр ФИЛАТОВ, член Союза писателей,
Союза театральных деятелей и Союза журнали-
стов России, Евразийского союза композиторов.*

СТАРЫЙ СЫЩИК. «А ЖИЗНЬ – КАК САМКА БОГОМОЛА...»

*Эту жизнь не начать мне заново,
Что отложено – не догнать:
И родиться пока что рано мне,
Только поздно не умирать.
Это тесно бывает связано
В самой странной из всех систем:
Умираем порой заранее,
А рождаемся – лишь затем...*

СТАРЫЙ СЫЩИК

Порою хочется уюта, –
Когда и тишина блага
Для записного баламута, –
Качалки, трубки, очага.
И приходя на пепелище
В камине канувших тревог,
Я словно в кепи старый сыщик
Со скрипкой сыгранных дорог.
Когда превратности за дверью,
И дом стрекочет, как сверчок,
Я снова в будущее верю,
И в руки просится смычок!

СТУЛЬЧИК

Меня и в раннем детстве
 Не ставили на стульчик –
 Мол, спой скорее, детка,
 Давай же, не стыдись!
 Карабкался упрямо,
 Доказывал, что лучше,
 И, часто оступаясь,
 Я скатывался вниз.
 От ссадин бесконечных
 Коленки заживали,
 Но схватывали сердце
 Раздумья о былом...
 И где же справедливость? –
 Я всхлипывал ночами:
 Мечталось о хорошем,
 Болело о плохом...
 А время шло, летело,
 Потерянное все,
 Я все еще на стульчик
 Никак не мог взойти.
 Иные уж на сцены
 Со стульчиков шагнули –
 В театры, амфитеатры,
 И даже во Дворцы...
 А мне все снился стульчик,
 Порою в табуретку,
 Он превращался в дымку
 Моих бесцветных снов,
 И не было заветней –
 «Ну спой скорее, детка»,
 Но так и не услышал
 Обычных этих слов...
 Ах, время нас карает –
 Не оставляя шансов,
 Однажды свистнет громко
 Безжалостный судья.
 За голову не прыгнуть,
 Без голоса – не квакнуть,
 И за волосья к свету
 Не вытащить себя.
 Зародыши таланта,
 Рабы генеалогий,
 Заложники эпохи,
 Адепты естества –
 Нет ничего важнее
 Тех стульев колченогих,
 И старых табуреток,
 Где пишется судьба...

ЖИЗНЬ

*Все то, что было, не исправить,
 Ни мудрецу, ни храбрецу:
 Он пригласил на танец память –
 Ты жизнь свою повел к венцу...*

А жизнь – как самка богомола:
 Сперва пленит парфюмом роз,
 За мимикрийностью покрова
 Ты не почувствуешь угроз.
 Она замрет в глухой засаде,
 Приняв почтительный поклон,
 При полном благости параде
 И благочинии времён.

Она святая при знакомстве,
 И хороша, и весела,
 И лишь забота о потомстве
 Привносит тень в ее дела...
 Ты узнавать ее устанешь,
 Но только всё произойдет,
 Поток счастливых ожиданий
 Иной получит оборот.
 Лишь с нею сжился и сроднился,
 Суть всю интимную познал,
 Пришла пора – обман раскрылся,
 И миг прощания настал...

КАДРЫ

В сети так много старых фотографий –
 Поклон прощальный прошлого столетья,
 Как галерея светоэпитафий,
 С претензией, однако, на бессмертье.
 Зачем мы смотрим их, зачем листаем,
 Улыбчивые лица не ответят.
 Небесная, должно быть, мастерская
 О вечности нам шепчет в Интернете...
 Нас манят эти хрупкие альбомы,
 Поблекшие осколки жизни чуждой,
 Неведомой, но призрачно знакомой,
 Под взглядом нашим строгим безоружной.
 Что видим мы за этой фотобилью,
 Осколки боли ли, кусочки счастья?
 Остановись, мгновенье, дай нам крылья,
 Чтобы попасть в двадцатый в одночасье.
 А может, это я – да, да, кто знает,
 Куда во сне летают наши души:
 В окопном смраде доля боевая
 Или на троне... замок не воздушен?
 Здесь старики, а там, глядите, дети,
 Земля от их шагов давно остыла –
 Кем были вы, теперь уж не ответит
 Тот объектив вселенской светосилы...
 И мы уйдем, и наши кадры тоже –
 Всё так же станет сор для умиленья, –
 И оттого-то нам еще дороже
 Чужой судьбы утраченные звенья...

ДЕЖАВИЮ

Я вижу мальчика. Дом отдыха. Давно.
 И шахматы огромные у входа.
 И лето солнцем, радостью полно,
 А детство всё наполнено свободой.
 Дубовый лес, орешник – благодать,
 И волжский берег в зелени залива,
 Здесь ничего не может помешать,
 И даже время тут неторопливо.
 Такие ж дни как будто бы – июль,
 И мать с отцом так молоды, мне мнится,
 И в этом странном светлом дежавю
 Со мной плохого, знаю, не случится...

ЦЕЙТНОТ

*«Единственный шанс даётся
 для счастья – детство...» (А. Филатов, 2000)*

Нет, не один период в жизни – детство,
 И молодость ты можешь пропустить,
 За суетой, за серым соседством
 Прожить, но так, как будто не прожить.

И обернувшись, ужаснуться бегу
Таких тобой нахлыстанных минут,
Когда не выйти просто утром к снегу,
Что свежим был к сугробищам пригнут.
И не прийти беспочвенно на речку,
И не сидеть до самого утра
За разговором с пивом на крыльчке –
Работа. Жизнь. На старт. Давай. Пора!
И этот снег, он не меня коснулся,
Не видел я, как он в ночи седел...
А есть ли те, кто так же обернулся,
Но ни о чем ни разу не жалел?

РЕКА

Сырость. Холодные ночи стоят.
В дымке – прощания клёкот.
Вновь под рулады осенних сонат
Стала река одинокой.
Только что жизнь здесь кипела вовсю,
Весла ломая и крылья,
С осенью стылой в неравном бою
Ставши вчерашнею былью.
Крики утихли, на глади воды
Нынче ни лодок, ни уток,
И на ветвях, от мороза седых,
Зарится новое утро...
Мир опустел. Нет недавней гульбы,
Детского смеха потоков.
Снится ей лето, его не забыть –
Стала река одинокой...

ВЕЧНОСТЬ

И наши предки грезили одно –
О вечной жизни в космосе простора,
Надеялись, что будет им дано,
Что это всё вот-вот настанет скоро.
Когда придет тебе уйти пора,
Там что-то вдруг придумают такое...
Работают, наверно, доктора
Над вечностью здоровья и покоя?
Клонировать, заменят, возродят,
И смерть мы как-нибудь с тобой обманем,
Не завтра же она подгонит трап
И реквием сыграет на органе?!
Эх, 10, 20 лет еще б пожить
Мечтал какой-то маг средневековый
И эликсир, чтоб жизнь себе продлить,
Бодяжил ежедневно известковый.
Шаман индейский, рыцарь-тамплиер,
Король, султан, великий инквизитор –
Все верили в любезность высших сфер,
Пусть даже от людей пока сокрытых...
А время все не убавляло ход,
И даже как-то, кажется, сжималось, –
Но в мире нет по-прежнему метод,
И даже при обилье капитала.
Травинка к солнцу тянет свой росток,
И бабочке не хочется сдаваться, –
Любая жизнь обречена в свой срок
За эту жизнь любой ценой цепляться...

ГЛАЗА

Я вижу детские глаза –
Что мнится им, что грезится?
Они исследуют меня
И прямо в сердце целятся.
Они просвечивают лоб
И скачут по поверхности,
Как будто сотню разных проб
Берут для достоверности.
Кто я для них – такой большой
И странный, словно мамонты,
Что поняли они душой
Про мир мой, крепко замкнутый?
Как эта будничная скорбь
Засядет в детской памяти,
Какой причудливый узор
Останется в фундаменте?..
Они глядят из глубины
Зарёй, едва занявшейся,
Как два окошка среди тьмы,
Им вечностью казавшейся.

Я вижу слезы старика,
Что в щёк стекают рытвины,
А из-за них, издавека,
И взгляд с прищуром пристальный.
И в этом взгляде есть вопрос,
Иного удивления,
Он словно обоюдоостр
Под грузом накопления.
Он словно тщится угадать,
Что вижу я за осенью.
А там – умение страдать,
И годы всё несноснее...
А там – стремление гореть,
Хоть тьма вокруг стужается,
Пусть где-то рядом ходит смерть,
На ней не всё кончается...

Года меняют всех и вся,
И лишь глаза как зеркало –
В них то же милое дитя
Природа обессмертила...
Вдыхая смысл глаз и лиц,
Поймешь по выражению,
Что между этих любопытств
Прошло одно мгновение.

УТОПИЯ

А я всю жизнь хочу найти приют –
В нем хорошо, наверное, мне будет –
В земной дали, где, верю я, живут
Не обделенные умом и счастьем люди.
Они не лицемерят и не лгут,
И если что случится, не осудят –
К самим себе всегда во мгле придут
Такие удивительные люди...
Но что же в свой оазис не зовут,
В свой Город Солнца – край счастливых судеб,
Во взрослой сказке, где они живут,
Моей мечтой придуманные люди?..

СТАКАН

Все случилось когда-то недаром,
Оценить не сочтите за труд:
Мы с тобой идеальная пара,
Пусть другие сейчас не поймут.

И в жару, и в самый лютый холод,
И всегда, так в этом главный плюс,
Твой стакан наполовину полон,
Мой стакан наполовину пуст!

В остальном же наш взгляд одинаков,
Не считая ничтожный нюанс:
Смотришь ты с положительным знаком,
Ну а я, как обычно, в контраст...

Нет у нас ни смуты, ни раскола,
Так и есть, и в этом даже плюс,
Твой стакан наполовину полон,
Мой стакан наполовину пуст.

Мы с тобой чем-то очень похожи,
Только чашу до дна не испить,
Полюса пересечься не могут,
Так уж, видно, задумала жизнь...

Я пою об этом в полный голос,
Все равно прекрасен наш союз:
Твой стакан наполовину полон,
Мой стакан наполовину пуст.

КОНКУРС

Мир, как подиум, огромен,
Словно это шоу «Голос»,
И гремит всюду реклама,
Приглашая в гонку лет,
Здесь успех всегда доходен,
И выходим мы на конкурс,
Стоит только появиться
Человечишкам на свет.
Кто сумеет громче свистнуть,
Развивая живописность,
Кто-то может больше выпить,
Проявляя мастерство,
Чьи-то ноги подлиннее,
Кто – бледнее, кто – жирнее,
Здесь у каждого нигде
Шансы пухнут для всего.
Тараканьими бегами,
Семимильными шагами
Все торопятся как могут,
Удивляя белый свет.
Может ты тот самый? Избран?!
Только память, словно призрак,
Как внеконкурсные мысли,
Как фантомной боли след...
На Канарах вы бывали,
Ну а счастье там видали?
Ты крути свои педали,

Может, жизнь подарит приз?
Словно смотрят судьи сверху
Этот конкурс ради смеха,
Кто на выставке успеха
Лучший сбавляет стриптиз...
И гордимся каждым шагом,
Каждой строчкой на бумаге,
Каждым призрачным аншлагом,
Симулируя успех.
Добиваемся красоток
Или внутрь вливаем ботокс,
Лишь бы как-то заработать
Хоть одну ступеньку вверх...
Чьи-то сломанные судьбы,
Чьи-то падшие надежды... –
В этом конкурсе извечном
У вселенского жюри
Нет ни жалости, ни такта –
В нём не может быть победы.
Этот конкурс бессердечный,
Несудимый, не суди...

ПОКОЛЕНИЕ

Сколько времени потрачено
У тебя и у меня,
Что другим давно назначено,
Мы с тобой спалили зря.
Как сизифы отупелые
Упирались и рвались,
Уж виски от боли белые,
Только камень тянет вниз...
Для провинции безденежье,
Как для рыбы океан,
Как не стать тут, друг, невеждами
И не взяться за стакан?
Вырывались мы отчаянно,
Лезли вверх из кожи вон,
В этом бешеном сгорании
Много ставили на кон.
Все разлито и упущено –
Век за нами по пятам,
Надрывались мы и мучались,
Ну а воз и ныне там!
На готовеньком рождаются –
Тем один лишь бог судья,
Только мы еще стараемся
Сделать как-нибудь себя...

КОШКИ

Вчера хотелось жить, а нынче снова кошки
Когтями по душе кошмарят и скребут.
Я памяти своей сметаю в угол крошки,
Как паутину дней, как исповедь минут.
Господь меня берёт от грозных поражений,
От подлинных грехов и явственных потерь,
Но иссякал родник надежд и обретений,
Последних капель соль осталась на теперь...

ПУБЛИКАЦИИ О ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ФИЛАТОВА

Татьяна АЛЬФОНСКАЯ, журналист, критик, «Пройтись по «Ступеням», как по клавишам», «Ульяновск сегодня», 21 ноября 2019 г.:

«...Сразу видно, что Александр Филатов – не замкнутый, «кабинетный», оторванный от мира и всего лирического наследия поэт, что его многолетний стаж сценических выступлений как автора и исполнителя эстрадных песен, опыт работы в ульяновском драматическом театре и на «Радио России – Ульяновск» как создателя культурных программ, в том числе просветительского цикла об истории российской поэзии, сказывается и в его собственных разнообразных, а порой и иронических стихах. Он хорошо знает, чувствует и использует в собственном творчестве всю мощь русской стихотворной традиции, опираясь на нее, является настоящим просветителем и пропагандистом российской литературы. Читая его пропитанные болью или радостью строки, понимаю: Александр Филатов свой голос в творчестве нашел. Так однажды каждый должен открыть глаза, чтобы понять: вот он, мой настоящий путь, моё призвание.

Вся жизнь была, как долгий сон,
Но где-то ночи посередине,
Как спазм, как болевой фантом,
Сдавила грудь сценокардия.

Нет хорошего поэта, у которого бы не было Судьбы. Непридуманная, реальная Судьба – это то, что привлекает нас в высокой лирике в противовес обыденной и скучной бытовухе. Пройдя по «Ступеням» Александра Филатова вместе с автором, я поняла, что в его стихах есть и этот немаловажный аспект. Что-то еще, кроме букв и слов, между строк. Какая-то мощная энергетика, откровение. Этому не учат в литинститутах, это бывает только свыше. То, чего глазами не увидеть.

Я тропами не исчисляю смысл,
Своей тропой пришедший в мир Эвтерпы,
Мой путь был и извилист, и тернист,
И все же он заранее начертан...
Но вот тропинки все слились в одну,
И горизонт открылся предо мною,
И, как у всех, отныне на кону
Мое предназначение земное.

Пожелаю Александру Филатову силы вдохновенья на новые книги, стихи и песни, которые неявно, исподволь заставляют нас задуматься о самом главном — смысле пребывания человека на Земле. Именно в этом, по-моему, и состоит предназначение любого настоящего поэта.

Татьяна ЭЙХМАН, поэтесса, член Союза писателей России, лауреат премии Н. Благова, «Ступени Александра Филатова: озаренье как награда», «Карсунский вестник», 22 ноября 2019 г.:

«Можно много спорить о том, что же является самым главным для поэта – виртуозное ли владение словом, художественные описания окружающего мира и природы, тонкое переживание любви, глубокое понимание российской поэтической традиции или те философские смыслы, которые он ищет вокруг себя. Все это в книге у Александра Филатова есть. Но есть и другое, объединяющее – это его неуспокоенная искренность. Искренность перед чистым листом бумаги, за который поэт садится, искренность перед собой и в конечном счете перед нами, читателями. Честность, искренность, исповедальность – это и есть то свойство, которое отличает настоящего поэта от конъюнктурщика, графомана или однодневки. Как говорит в одном из стихотворений сам Филатов: «Я не пишу стихов, что все хотят, и не пишу лишь потому, что надо: формальность чувств и мыслей – это яд, а озаренье – капля, миг, награда...» Читая его строки, понимаешь, что это на самом деле так и есть...».

Александр ДАШКО, поэт, член Союза писателей России, лауреат премии Н. Благова, «Поэзия души и сатиры», «Сити-Симбирск», 14 ноября 2019 г.:

«Профессии на свете нет – поэт, ну разве что антенна для приема, – пишет Александр в одном из своих стихотворений, в котором, кажется, заключено его настоящее творческое кредо. – Мишень готова сделать рикошет: в прицеле жизнь, на вылете – лишь слово...» С одной стороны, с этим можно поспорить, потому что словом Филатов владеет мастерски, в полной мере профессионально, находя самые неожиданные, неизбитые метафоры и образы. С другой же, его стихотворения – это застывшие мгновения состояния души, его индивидуальность, его боль и характер. По отзыву народной артистки России Клары Шадько, «лирика Александра – трепетное откровение интеллектуала, каждое его стихотворение – маленькая новелла о судьбе человека». В самом деле, в стихах Филатова часто прослеживается подлинная драматургия.

Я уверен, что «Ступени» Александра Филатова займут достойное место на вашей книжной полке рядом с произведениями самых достойных представителей российского поэтического мира. Вторя драматургу, вице-президенту РАО Николаю Денисову (чей отзыв, в числе многих других, также помещен в книге Филатова), мне тоже «легко представить Сашу Филатова среди кумиров «золотого» века советской поэзии 60-х годов прошлого столетия, собирающих полные залы Политехнического института в Москве». Только для встречи с ним не надо никуда возвращаться, потому что он – наш современник. Поэт. Артист. Певец высокого литературного слова».

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ПОЭЗИИ ВРЕМЁН ЦЕЗАРЯ И БРУТА

Казалось бы, стихи древнеримских поэтов давно уже в разных вариантах переведены на русский язык. Этим, начиная с XVIII века, занимались десятки известных литераторов, в том числе Михаил Ломоносов, Василий Жуковский, Александр Пушкин, Афанасий Фет, Иннокентий Анненский, Валерий Брюсов, Самуил Маршак и многие другие...

Но и сегодня находятся смельчаки, пытающиеся по-своему перевести Катутлла, Вергилия или Горация. К ульяновцу Андрею Пупышеву эта идея пришла, когда он в начале 2000-х годов начал писать исторический роман времён Цезаря и Брута. Для этого он погрузился в первоисточники, изучал древнеримские письма и речи, читал исторические труды и стихи древнеримских авторов в разных переводах. «А поскольку поэты у меня были действующими лицами романа, я и сам попробовал сделать ряд переводов, – рассказывает Андрей Пупышев. – Сначала в подражание другим. Потом изучил учебник латинского языка для пединститута, по которому занималась дочь. Стал искать оригиналы стихов на латыни и переводить слово за словом при помощи словарей».

Труднее всего далось переводчику знаменитое стихотворение «Памятник» Горация Флакка. «Его кто только ни переводил во все века! – продолжает Андрей Михайлович. – Но если переводчики придерживались слов автора, то это всегда был белый стих, а если рифмовали, то слова зачастую употребляли совсем другие. Я же постарался сохранить авторский текст, но придать идеальную для рифмованного стиха форму. Бился над каждым словом, каждой строчкой. В самом конце для того, чтобы сохранить все слова оригинала, мне потребовалось бы добавить пятую строчку в четверостишие, но это было бы лишним. Решил, что без тех слов можно и обойтись, форма важнее».

Что же сподвигло Пупышева заняться эпохой Цезаря и Брута? «Тогда, в 2003 году, мне показалось, что в нашей стране всё движется примерно в том же направлении, – поясняет он. – Цезарь фактически упразднил республику. Формально все законы и демократические процедуры исполнялись, но они были лишь декорацией для зарождающегося самодержавия. Очень много параллелей с российской действительностью. Да и по стихам древних авторов это видно. Кроме того, мне казалось, что я и сам когда-то жил в ту эпоху, уж очень близко там многое...».

” Я же постарался сохранить авторский текст, но придать идеальную для рифмованного стиха форму

Родился Андрей Пупышев 27 января 1968 года в городе Сарануле, в семье инженеров. Жил 12 лет в Березниках Пермской области. В 1981 году переехал с родителями в Ульяновск, где окончил среднюю школу №20. Работал системным программистом в НИИ «Марс». Учился в политехническом институте. В школьные годы интересовался Древней Русью, переводил «Слово о полку Игореве», читал русские летописи и историческую литературу, составлял родословные русских князей. В 1985 году стал членом Всесоюзного астрономо-геодезического объединения, ездил по обсерваториям, занимался исследованиями при помощи школьного телескопа, изучал научные журналы и специальную литературу о космосе. Поступил в Московскую академию астрологии, вёл астрологический кружок и астрологические рубрики в ульяновских газетах. Активно занимается составлением родословных по метрическим книгам и исповедным ведомостям нашего региона.

Предлагаем читателям журнала «Симбирскъ» познакомиться с выполненными Андреем Пупышевым переводами стихотворений нескольких древнеримских поэтов. В них те же темы, которые волнуют нас сегодня: богатство и бедность, правосудие и беззаконие, скромность и тщеславие, мир и война, жизнь и смерть... Как будто и не изменилось ничего за прошедшие две тысячи лет.

Николай МАРЯНИН,
поэт и краевед

«ПАМЯТНИК СОЗДАЛ Я – ВЫШЕ ПИРАМИД...»

Перевёл с латинского Андрей ПУПЫШЕВ

Гай Валерий Катулл (87–54 гг. до н.э.)

* * *

У малышки умирает воробей.
Стихли игры, мы не бегаем, как дети.
Как утешить, что сказать сегодня ей?!
Был он славным! Лучшим птенчиком на свете!

Он порхал ещё вчера, как ветерок,
И, чирикавая, резвился рядом с нами.
А ты слушала, как звонкий голосок
Заливается, старается для «мамы».

Как горюешь ты теперь: «О, воробей!».
От солёных горьких слёз краснеют глазки...
«Почему ушёл от нас в страну теней?
Может, можно оживить тебя, как в сказке?!»

Он дороже стал нарядов и подруг,
Лишь когда тебя не видит и не слышит...
И не чувствует твоих нежнейших рук.
Красота его увяла, он не дышит!

Не придёт, его обратно не зови!
В причитаньях и молитвах нету прока!
Смерть, не ведая ни дружбы, ни любви,
К людям, к птицам... одинаково жестока.

Публий Вергилий Марон (70–19 гг. до н.э.)

* * *

Быков надзиратель, жарой утомлённый,
Прилёт отдохнуть на лужайке зелёной...

Гадюка ужалить хотела... Но вот
Голодный комарик примчался с болот.

Вампир этот впился бедняге в висок...
Прихлопнул его и змею пастушок!

Его он хоронит и памятник ставит,
И надписью подвиг невиданный славит:

«О храбрый комар, ты достоин стиха –
Ценой своей жизни ты спас пастуха!»

Гай Петроний Арбитр (14–66 гг. н.э.)

ОБЕД У БОГАЧА

Разрушит скоро роскошь стены Рима...
Какая сытость, лень в глазах твоих!
Фазанов, разноцветного павлина
Ты держишь в клетках для пиров больших.

А где петух и куры – африканцы?
В котле на кухне! Стоикам назло...
Каплун и цапля (тоже иностранцы)
Не сварены пока? Им повезло!

Жена твоя, вся в тканях шелковистых,
Таких прозрачных, что их будто нет.
Зачем колье ей, жемчуг, аметисты?
Ходить налево, лишь погасят свет?

К чему хрусталь и камни-огнецветы
Из Кархедона, над рабами власть?
Ведь ни любви, ни чести в доме нету...
Но ты кичишься: жизнь, мол, удалась!

О ПРАВОСУДИИ

Ну чем мне поможет ваш суд,
Где связи и деньги лишь правят?
Коль взятку судье не несут,
Смягчиться его не заставят
Ни правда, ни честь, ни Закон –
К народу безжалостен он!

Заплатишь – получишь ответ,
Который тебя лишь устроит.
А коль в кошельке денег нет,
Тогда и судиться не стоит!

ВЫГОДА

Если рискнёшь стать купцом,
Будет доход, и не скудный...
Станешь придворным льстецом,
Скажут: «Политик он мудрый!»

Сможешь людей убивать
В дальних жестоких походах,
Будешь в амбары сгребать
Золото разных народов!

Много богачек вокруг:
Ласки дари им без счёта!
Будешь и сыт, и обут,
Разве есть легче работа?

Нет изменений в судьбе,
Если не льстишь и не грабишь!
Ложь ненавистна тебе?
Честностью дел не поправишь!

Странно устроен наш свет –
Деньги имеет... пройдоха!
Ну а писатель раздет,
Да и философу плохо.

Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н.э.)

К ДЕЛИЮ

В дни напастей крепись
и спокойствие духа храни!
Будь простым, не безумствуй,
ликуя в счастливые дни!
Хоть унылыми будут года,
что лежат впереди,
Или счастьем Фортуна
наполнит их, ты погляди,
Как погибли все те,
кто считал себя центром земли!
Им везло ль, не везло ль,
все, однако, в могилу легли.
И, винцо попивая
в саду неземной красоты,
Видя розы вокруг и фонтаны,
задумайся ты:
Что имеет значенье на свете,
меняющем лик?
Только был ты младенцем,
теперь уже дряхлый старик!
Хоть катаешься в масле,
хоть слёзы печальные льёшь,
Ни богатств, ни несчастий
ты в землю с собой не возьмёшь.

ПАМЯТНИК

Памятник создал я – выше пирамид,
Фараонов мумии хранящих.
Долговечней бронзы, крепче, чем гранит,
Соткан из поэм моих звенящих!

Пусть бушует ветер и бурлит вода,
Но Волтурн бессилен быстротечный!
Не страшны ни долгих ливней череда,
Ни поток столетий бесконечный.

Весь я не исчезну, ведь душа моя
Будет жить в стихах, как добрый Гений.
Развернув папирус, вспомнят про меня
Римляне грядущих поколений!

Скажут: был незнатен, беден, а края,
Где родился он, неплодородны.
Там селяне помнят Давнуса-царя
И Авфид струится полноводный.

Новые созвучья в строчки я вплетал,
В старый стих добавив гимн лесбийский...
Что шепнула Муза, сердцем прочитал
И в награду взял венок дельфийский!

К ТОРКВАТУ

Бурно тают снега,
на поля возвращаются травы,
Оживает земля и наряды меняет свои,
Распустились цветы,
зеленеть начинают дубравы,
Потекли широко,
переполнившись влагой, ручьи.

А в фонтане большом, видишь,
Грация пляшет нагая?
Нимфы юные водят вдали
озорной хоровод.
Время быстро летит,
мы ж вздыхаем, года проклиная.
Приближается смерть...
каждый час, каждый день, каждый год.

Гонит стужу Зефир –
тёплый западный ветер, но лето,
Что убило весну,
умирает само в свой черёд,
Осень сыплет плоды очень щедро,
но кончится это
Ледяною зимой,
и всё дальше по кругу идёт.

Каждый месяц опять
возрастают угасшие луны,
Мы же в прах и гнильё обратимся,
в бесплотную тень...
От Судьбы не уйдёшь.
Ах, оставим печальные думы
И не будем гадать,
что готовит нам завтрашний день!

Услаждай же свой дух
тем, что есть, ничего не скрывая!
На наследников плюнь –
всё потрать жадным внукам назло!
Прокути на пирах
(мне понравится щедрость такая).
Славный Анк, мудрый Тулл и Эней
тебя встретят тепло.

Переступишь порог ты
подземного царства, где судят
По поступкам благим и постыдным,
а знатность твоя
Для Плутона – ничто!
Красноречье спасеньем не будет.
Не вернуться назад,
«О Юпитер всевышний!» моля...

Ипполит молодой безупречен был –
знаем из мифов.
Что ж Диана? Увы –
воскрешать не под силу и ей.
И погиб Пирифой –
был прикован к скале царь лапифов!
Латы крепких оков
не сломал даже мощный Тесей.

ЗА ГОРОСКОПОМ

Опять ты по звёздам гадаешь:
Подарит ли счастье Юпитер?!
Зачем? Ведь ты это узнаешь
Без чтеня таинственных литер!

Один только год или много
Нам жить суждено под луною –
Все смертной идём мы дорогой,
И время следы наши скроет.

Налей мне вина, Левконоя, –
 Не стоит бубнить и пророчить!
 К чему мы болтаем с тобою
 Всю ночь, разве этого хочешь?

Оставь все сомненья, мечтанья,
 Пока молодая – живи!
 Скорееними одеянья
 И миг настоящий лови!

К МЕЦЕНАТУ

В поход ты с Цезарем идёшь,
 И все заботы взять бы рад!
 Ты за него готов под нож,
 Неутомимый Меценат!

В либурнских лодочках спешишь
 Столь мощный флот атаковать!
 А мне советуешь в глуши
 Покой и радости вкушать?

Какой же без тебя покой?
 Его увозят корабли.
 Вся радость уплывёт с тобой,
 Лишь мачты скроются вдаль.

А может быть, с тобой вдвоём,
 Хоть через варварский Кавказ,
 Хребты альпийские, пойдём?
 Ничто не остановит нас!

Ты удивлён? Чем помогу?
 Не воин, слабый я такой...
 Чем помешать смогу врагу?
 Легко ль угнаться за тобой?

Пойми, в нужде или в беде
 Я трудности делить готов.
 Так птица, сидя на гнезде,
 Зачем-то стережёт птенцов.

Хотя слаба, невелика,
 Сама погибнуть может вдруг!
 Кто может знать наверняка,
 Что не гожусь я? Ты ль, мой друг?!

Иду с тобою на войну!
 Но не разбойничать на ней.
 Другую покорив страну,
 Я не возьму чужих вещей.

Не нужно денег и колец,
 Повозок, статуй и земель.
 Не нужен сад и в нём дворец –
 И так доволен я, поверь!

Оставь себе рабов и скот,
 Тобой одарен я с лихвой!
 Куда девать? Кутить, как мот?
 Припрятать, как Хремет скупой?

К ЛИЦИНИЮ МУРЕНЕ

Кораблю опасна близость скал,
 Но и в сердце моря плыть не стоит –
 Сильный шторм всегда бывает там,
 И гребцов легко волною смоем.

С высоты упасть – всего больней!
 Наверху ты всем врагам заметен.
 Вековые сосны гнёт сильней,
 Чем кустарник, ураганный ветер.

Кто внизу, им тоже жизнь – не мёд!
 Каждый бьёт и вытирает ноги.
 Бедняка богатый не поймёт.
 Нищего любой столкнёт с дороги!

Выбрав середину золотую,
 Мудрым став, не спорь, мой друг, с глупцами.
 В бочке жить – оставь мечту пустую,
 Но не надо бредить и дворцами.

Не теряй же, опытный боец,
 Бодрость духа пред лицом напастей!
 Смиловит Фортуна, наконец,
 Не расслабься, ослеплённый счастьем!

Бедами стеснённый, верь в удачу!
 Мужественным будь, на мир не злись!
 Повезло? Но, видишь, люди плачут?
 Помоги им, счастьем поделись!

К БОГАЧАМ

Не заберут ли ваши дачи
 Всю землю пахотную вскоре?
 Взамен полей – платан безбрачный,
 Пруды, огромные как море!

А вскоре вязы тоже сгинут,
 Лозы подспорье. Лишь цветы,
 Повсюду заменив маслины,
 Ковром нездешней красоты
 Взойдут с травой наполовину.

И лавра лишь густые ветки
 Видны в садах, где фиги были.
 Другой пример дают нам предки –
 Катон суровый и Помпилий!

Они работали на пашне,
 С любовницей не прохлаждались,
 С юнцом не заводили шашни,
 Похвал, наград не дожидались!

Они постились добровольно –
 Вещей и денег не копили,
 И были только тем довольны,
 Что общество обогатили.

ЮБИЛЕИ

К юбилею Татьяны Горшуновой

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ В СЕНТЯБРЕ

Известная ульяновская художница Татьяна Горшунова в сентябре отметила юбилей, а персональная выставка открылась под новый 2020 год в картинной галерее Ульяновского Союза художников. По случаю юбилея Татьяна Анатольевна награждена серебряной медалью Союза художников России.

Нина НИКИФОРАКИ, член Союза журналистов России.

Предисловие первое

В своем преклонении перед творчеством Татьяны Горшуновой я далеко не одинока. Для меня она не просто художник, она – творец обогащенной эмоции, создатель сказочной субстанции, что беспрепятственно поглощает пространство души, заполняет сердце, насыщает разум. Картины Горшуновой – это магия, фейерверк впечатлений, знаковое содружество и букет прочих атрибутов такого понятия, как искусство.

«Вообще искусство – это очень много радости». Такой фразой доктор искусствоведения, президент ГМИИ им. А.С. Пушкина Ирина Александровна Антонова резюмирует свое восхищение «Мадонной Медичи с младенцем» Микеланджело, шедеврами Вермеера.

Вернисаж Татьяны Анатольевны Горшуновой, встреча с самой художницей – событие сегодняшнего дня, значимое и радостное.

Предисловие второе

Почти десять лет назад Татьяна Горшунова выпустила объемный альбом репродукций своих работ. Картину «Рынок», созданную в 1990 году (Х. м. 177x165), рассматриваю в нем с особым пристрастием. Сквозь лупу старательно разглядываю типаж и род занятий обитателей. Многофигурная композиция, колорит базарно-лубочного эпоса – это житейское повествование нашей исторической действительности. По-другому сегодня эту картину не увидеть.

Рынок (коллекция Хаммера)

В Ульяновске полотно долго не задержалось. В 1991 году «Рынок» отправили на главную выставку «Россия» в Москву. Там, в Манеже, его присмотрели галерейщики одного из новых банков. Ну а потом произведение перекупил фонд знаменитого американского предпринимателя и коллекционера Арманда Хаммера. Того самого мецената, который еще в 1972 году подарил нашему «Эрмитажу» (Санкт-Петербург) «Портрет актрисы Антонии Серанте» кисти Франсиско Гойи. Поистине судьба произведений искусства непредсказуема.

В одну реку... трижды

Оказывается, Татьяна Горшунова всегда мечтала о том, чтобы ее выставка открылась именно под Новый год. Хотелось порадовать людей светлым праздником, пригласить друзей и знакомых, создать атмосферу соразмерности сказочности и творчества. И просто пообщаться и пошутить друг с другом.

У Горшуновой в сентябре (уже прошлого года) был 65-летний юбилей. А в январе, как известно, Татьянин день. И то и другое более чем совместимо и органично для торжества именин, Рождества и нового года.

Несмотря на несказочную напряженность – Татьяна Анатольевна сейчас живет на два города – творческое вдохновение одерживает победу над житейским бытием: копяты мысли и приходят силы. Из славного города Казани прибывают в Ульяновск новые картины, коллажи, графические листы с рисунками и акварелью.

В Казани Татьяна Горшунова проживает... третий раз. Там она родилась и даже после переезда семьи в Ульяновск много гостила у бабушки. Там прошло ее первое профессиональное ученичество: Казанское художественное училище имени Н.И. Фешина она окончила с отличием. И только потом последовали годы учебы в Санкт-Петербурге.

Совсем неожиданный разворот в жизни Татьяны Анатольевны случился два года назад. Вернее, еще раньше, когда повезла внучку Полину в Казань на выставку «Большая Волга» в 2013 году. Девочка вдруг заявила: «Я буду здесь учиться и жить». Казалось бы, ничто не предвещало такого выбора внучки, но решили готовиться и поступать. Теперь Полина – второкурсница художественного училища, а Татьяна вернулась «в свой город, знакомый до слез».

«Волны памяти» и «новая реальность» вкупе оказали чудодейственное влияние на саму художницу. Особый прилив энергии пришелся на творчество. Новые серии работ в живописи и графике можно условно назвать Казанским циклом (2018 – 2019 годы).

Здесь ее вдохновляет все! Столько интересно увидела, когда искала «родные юности места». Обнаружила «зуб» – кусок стены, обломок дома, где жила бабушка в коммунальной квартире на полсотни семей. Написала его. Потом создала несколько вариантов городского пейзажа. Среди них – и родное училище. А ведь это – не просто дома и стены, это воспоминания и эмоции. Много эмоций! Первые театральные постановки в бабушкином дворе для зрителей-соседей. Где все делали сами: сцену, декорации, костюмы и реквизит. Дверь училища – не просто вход в здание, а проникновение в новую эру собственного познания мира, в свою собственную ипостась девичества, взросление тела, настройку мысли.

Образ старой колокольни тоже возник не случайно. Увиденный в новой реальности, он так зацепил художницу, что стал центром не одной работы, а нескольких. Вариативность, повторяемость сюжета, многоцветная тематическая проработка, цветовые маневры – эти приемы свойственны все-

му творчеству Горшуновой. Доводить вещь до совершенства ведь можно, не обязательно «дырявя» или «перемывая» одно полотно, но и переходя с холста на холст. Так делают дети, не жалея страниц в альбоме. Зато получается заветный рисунок, подарок папе или маме.

Даже казанские дворники, предприимчивые и скорые на выдумку, дают толчок к творчеству – графические листы с их изображениями глубоки по смыслу и вызывают добрую улыбку.

В эту линию хорошо вписываются и портреты подружек внучки Полины. Они такие разные, эти лица подростков, полудетей-полувзрослых, у которых вся жизнь впереди. А что может быть интереснее самой жизни?!

С сахаром и без

Вот она – мастерская художницы в Ульяновске. О встрече мы договаривались заранее. Теперь, когда Горшунова живет еще и в Казани, увидеть ее случайно, увы, не получается. А ведь так приятно столкнуться с хорошим человеком на какой-нибудь выставке или просто на улице, как бывало!

Долгие годы (эдак лет тридцать) у Горшуновых была одна семейная мастерская. В ней работали Татьяна, ее супруг Владимир Николаевич, а нередко и сын Денис. Было... тесновато, не всегда комфортно, но все неудобства она умеючи превозмогала. Но чего ради это делать, если есть наконец-то возможность уединиться с искусством?! У каждого из них теперь своя мастерская.

И сейчас Татьяна Анатольевна – единоправная владелица уютного, хорошо организованного, а главное – любимого пространства. Даже спрашивать неловко, хорошо ли здесь живется. Это чувствуешь по ее картинам. Опрятные и дисциплинированные, они не нарадуются возвращению хозяйки. Не ноют, не капризничают, терпеливо ждут, когда на них обратят внимание.

О чем это я? Да о том, что картины Горшуновой – живые. Они поражают не только внешним видом, но и парадом приятных ощущений. Нарочитая простоватость натюрмортов, например (дань авангардизму, примитивизму, модернизму и прочим «измам»), автоматически подключает зрительный ряд с картинами Сезанна, Матисса, Натальи Гончаровой, Кузьмы Петрова-Водкина.

...Итак, в Ульяновск Татьяна Горшунова вернулась в 1983 году, сразу после окончания знаменитой Репинки – Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Театрально-декоративное отделение живописного факультета завершила дипломной работой, выполненной на отлично. Это было оформление оперного спектакля «Золотой петушок» на музыку Н.А. Римского-Корсакова.

То, что Горшунова – человек театра, умеющий оживлять вещи и предметы, создавать иллюзию пространства, управлять персонажами, а главное – наполнять их смыслом и языком общения, – это понятно. Но вот то, как она распоряжается этим волшебным даром, поражает воображение.

Художница не пишет одну работу, не создает одного персонажа, не ограничивается одним идеальным изображением и даже не переносит композицию с одного холста на другой. Она разбрасы-

вает, «расселяет», распространяет авторский состав «действующих лиц и исполнителей» вокруг себя. По своему усмотрению находит для них формы содружества и несоизмеримости, контраста внешнего и удивительной схожести внутреннего. Исследователи-профессионалы называют эту особенность многократной интерпретацией с высокой концентрацией ассоциативных элементов.

Если моя мысль слегка понятна, выходит, что творчество Татьяны Горшуновой вообще не делится на отдельные составляющие. Оно цельно вариативно, единообразно, виртуозно изысканностью авторского лейтмотива. Может быть, поэтому почти невозможно выбрать только одну картину, полюбить только одну «Коломбину», признать своим только один «Чайник» и даже присвоить себе только одно «Одиночество». Вы понимаете, о чем это?

А вот тематические пристрастия художницы вполне зримы. Ее героини-персонажи могут летать, спать, играть на дудочках или других музыкальных

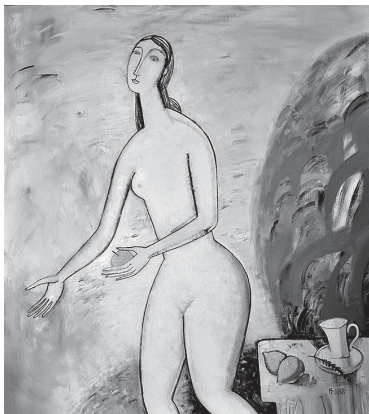

Татьяна Горшунова. Коломбина.
2014, оргалит, масло

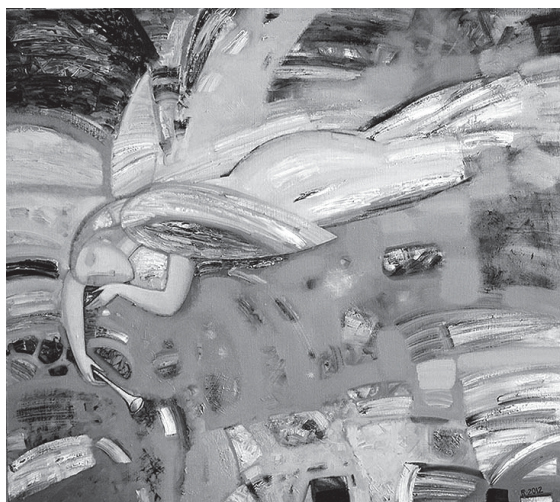

Татьяна Горшунова. Коломбина с птицей.
2018, картон, акрил, 52,5x46 см

инструментах, позировать с домашними животными, птицами и даже фруктами. А сколько прекрасных барышень вокруг! Эти «Евы», «Музы», «Берегини», «Женщины с птицами», «Женщины с кошками» созданы ради какой-то особенной ипостаси, ради чего-то светлого, чистого, доброго и прекрасного, что может сравниться с радостью и счастьем в жизни реальной.

Татьяна Горшунова.
Ева. Почти библейский сюжет.
2018, холст, акрил. 135x120 см

Татьяна Горшунова. Муза.
2012, холст, масло, 83x92,5 см

Манера письма художницы в основном узнаваема, но очень сложна и неповторима. Эта живопись непростая, она целиком вылеплена авторской задачей, как бы абсурдно это ни звучало. Графические работы – более свободны от «скульптуры», потому что легки, изящно «канительны», но так же вариативны и точны.

Как-то сама Татьяна Анатольевна слушала рассуждения современных художников про неопрimitивизм в искусстве и сочла, что некоторые позиции вполне применимы к определению ее творчества. Мне же, чтобы глубже понять смысловую особенность ее произведений, понадобилось пересмотреть толстенный альбом репродукций работ Марка Шагала. Кстати, Марк Шагал – единственный художник, который удостоился персональной выставки в залах Лувра (Франция, Париж) при жизни. При своей жизни. Ему же принадлежит трогательное изречение: «Я жизнь провел в предощущении чуда». И это – в 97 лет.

Татьяна Горшунова.
Катя. 2015, холст, масло, 90x75 см

Татьяна Горшунова. С белой кошкой

Татьяна Горшунова.
Синяя птичка. 2013, холст, акрил, 45x50 см

Искусству все страны покорны

Искусство Татьяны Горшуновой тоже востребовано по всему миру. Ее приглашают на выставки в разные города и разные страны. На ее сайт приходят заявки от жителей разных уголков земли. К радости ульяновцев, работы художницы приобретают местные музеи, собирают коллекционеры, выбирают просвещенные горожане для подарков себе, семье и друг другу.

Татьяна Горшунова и сама хорошо относится к выставочной деятельности. Без излишней суеты и помпезности отзывается на просьбы музейщиков, сотрудников библиотек, представителей общественных и культурных организаций. Охотно встречается со взрослыми и детьми.

Во-первых, ей всегда есть чем порадовать зрителей: пишет она много и вдохновения не теряет, больше ищет время, чтобы успеть воплотить задуманное. Во-вторых, предназначение художника к тому обязывает, а свою профессию она представляет с честью и достоинством.

В ее «послужном списке» есть все официальные вернисажи для художников СССР и России, которые проводились с 1980-х годов прошлого века: всероссийские, зональные, региональные, «Памятники Отечества», «Большие Волги»... В прошлом 2019 году ее работы экспонировались на Всероссийской художественной выставке «Россия XIII» в ЦДХ (Москва) и на ART NORDIC в Копенгагене (Дания).

А вот у меня в руках каталог Второй международной выставки «Портрет кошки» (2018 год, Санкт-Петербург). Среди участников – Татьяна Горшунова и ее арт-питодец. Оказывается, и такие бывают.

Из официальных званий у Татьяны Анатольевны имеются целых два. Тридцать лет она является членом Союза художников России (с 1989 года). А в 2010-м стала лауреатом теперь уже Международной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова.

Художница всегда была легка на подъем. Быстро принимала решения, сама за них отвечала. В последние годы Горшуновой просто сказочно везет на путешествия. Удалось побывать в желанных странах Европы, где, оказывается, тоже знают ее работы и готовы принять их в свои галереи. Несколько раз уже пересекала океан: в далекой Америке живет любимый брат Михаил. И везде она находит себе работу: делает наброски, рисунки, иногда пишет маслом.

Новые впечатления благотворно сказываются на творчестве, расширяют живописную составляющую. Урбанистическое направление, а попросту говоря городской пейзаж, перерос в самостоятельный, уверенный многообразный жанр. И мы увидели тесные улочки Неаполя и Копенгагена, укромные местечки Дании и Голландии. Так познается мир и открываются сердца.

Даже написанный в новом исполнении пейзаж Ульяновска прямо с выставки отхватил один из наших музеев. А ведь Горшунова среди художников-краеведов никогда не числилась! Хорошо, когда люди понимают искусство!

Пристально разбирая произведения Татьяны Горшуновой, можно уже с нескрываемой радостью заявить: «Они превосходны!» И это не только слова, но и целый вернисаж, где собраны десятки полотен, графических листов, представлен жанр коллажа. А главное – царит атмосфера праздника. Кстати, очень удачно в этом контексте работает цветовая гамма. Все краски, коих требует праздник, задействованы в палитре художницы.

Татьяна Горшунова. Деревенский сон.
2012, оргалит, акрил, 60x63 см

Татьяна Горшунова. Рыжий кот на окне.
2018, картон, акрил, 46x52,5 см

Татьяна Горшунова. Кот Василий
2014, холст, масло, 40x45 см

Татьяна Горшунова. Порт Санта Лючия.
2012, холст, акрил, 60x65 см

Татьяна Горшунова. Проезжая мимо Колизея.
2012, холст, акрил, 70x75 см.

А так как он еще и новогодний, то свечение, мерцание, переливы и прочий «жемчуг-перламутр» привносят таинственный флер и встречу с чудом.

У графических работ Татьяны Горшуновой судьба посложнее, что, впрочем, традиционно для нашей страны, где графика не так востребована. И, тем не менее, надежда на выход в свет появляется. Точку приложения своих сил художница находит в книжной графике. Татьяна Анатольевна проиллюстрировала «Сказки народов Поволжья», «Сказки Абрама Новопольцева» и сборник стихов Олега Капитонова «Бумажный змей».

Возвращаясь к истокам

Приходится признать, что попытка приписать искусство Татьяны Горшуновой к какому-нибудь «изму» не достигнута. Зато точно можно сказать, что это – не «плюсquamперфект» – почти новый термин, означающий «хороший, но вчерашний день».

Мы продолжаем разговор в мастерской. Маленький, но очень приятный сюрприз. Из Казани Татьяна привезла целую пачку небольших разноцветных открыток с живыми рисунками. На них она изобразила очаровательные елочки, снежинки, трогательные фигурки из новогоднего и рождественского репертуара. Я перебираю их в руках и сожалею лишь об одном: что у меня нет печатного станка и я не смогу превратить их в приглаательные билеты, поздравительные конверты или аппликации для чего-то полезного и нужного. Время промышленной графики вроде бы пришло, но получить заказ талантливому художнику все так же непросто.

Горячий чай с традиционными сладостями пришелся очень кстати. А над нами на стене висит любимый натюрморт художницы – «С сахаром и без...». На нем – две милые белые чашечки кофе. В одной предусмотрительно оставлена ложечка. Наверное, в той, что с сахаром...

Я очень старалась рассказать о художнице Татьяне Горшуновой. Особая деликатность моей героини не позволила мне прибегнуть к открытому восхищению и заслуженным комплиментам. Даже поздравлять с днем рождения было как-то неловко: сентябрь уже прошел, Татьянин день еще не наступил. Благо у художника лучшая пора – выставки.

У Татьяны Анатольевны – вернисаж в картинной галерее Ульяновского Союза художников по улице Гончарова, 16. Что ж, поспешим...

Информация к размышлению Автор не назван. Но известен!

Оказывается, «Одиночество» присвоить можно! Так поступили в одном из столичных издательств. В 2002 году в серии «Зарубежная классика» оно выпустило роман Франца Кафки «Замок», на мягкой обложке которого была репродукция картины Т. Горшуновой «Одиночество». Однако фамилия художника нигде не упоминалась.

Были попытки довести до сведения издательства информацию об авторе произведения. Но в 2016 году книга вышла повторным тиражом в твердом переплете с той же работой Горшуновой. И вновь – ни слова о художнике.

Может быть, в следующий раз роман «Замок» выйдет анонимным, без фамилии Франца Кафки?

Татьяна Горшунова. Одиночество
2002, холст/масло 50x60 см

Биография.

Татьяна Анатольевна ГОРШУНОВА. Родилась 6 сентября 1954 г. в Казани.

1970 – 1974 г. – Казанское художественное училище.

1977 – 1983 г. – Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (С.-Петербург).

Член Союза художников с 1989 г.

Участница областных, региональных, республиканских, международных и зарубежных выставок.

16 персональных выставок (Ульяновск, Самара, Москва, Тольятти, Копенгаген).

Лауреат региональной премии в области изобразительного искусства имени А.А. Пластова за 2009 год.

С 1983 года живет и работает в Ульяновске.

Выставки:

- 2019 – Art Nordic Exhibitions. Копенгаген. Дания.
- 2019 – Всероссийская художественная выставка «Россия XIII». ЦДХ Москва.
- 2018 – «Большая Волга». Нижний Новгород.
- 2018 – Академическая выставка «Красные ворота. Против течения».
- 2018 – выставка художников Ульяновского отделения СХ в Чебоксарах.
- 2018 – «Сказки деда Абрама». Персональная выставка иллюстраций к книге «Сказки Абрама Новопольцева». Музей типографии. Ульяновск.
- 2018 – «У окна я стою, как у холста...». Персональная выставка. Музей «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска». Ульяновск.
- 2018 – Art Nordic Exhibitions. Копенгаген.
- 2017 – «Портрет кошки». Первая международная выставка. Санкт-Петербург.
- 2017 – Affordable Art Fair Amsterdam.
- 2017 – «Кофемания». Выставка художников Поволжья. Тольяттинский художественный музей.
- 2017 – Art Nordic Exhibitions. Копенгаген.
- 2017 – Выставка художников Ульяновского СХ в Казани.
- 2016 – «Лики России». Всероссийская художественная выставка. Архангельск.
- 2016 – «Бессонница». Региональный проект. Выставка художников Поволжья. Тольяттинский художественный музей.
- 2016 – «Берег Волги на Неве». Санкт-Петербург. Выставочный зал СХ.
- 2015 – Совместная выставка Татьяны и Дениса Горшуных. Живопись, графика, коллаж. Российский центр науки и культуры. Копенгаген. Дания.
- 2014 – Персональная выставка «...и это всё любви счастливые моменты». Выставочный зал Союза художников России. Ульяновск.
- 2014 – Академическая выставка «Красные ворота».
- 2013 – Персональная выставка «Крылышки бумажные на нитке». Ульяновск. Выставочный зал на Покровской.
- 2013 – Академическая выставка «Красные ворота». Москва.
- 2013 – Региональная выставка «Большая Волга». Казань.
- 2012 – «Пластовская осень». Международная ассамблея художников. Ульяновск.
- 2012 – Персональная выставка. Москва. Галерея «СовАрт».
- 2011 – Всероссийская художественная выставка. Искусство республик Поволжья. Саранск.
- 2011 – Suzanne H. Arnold Art Gallery. 40th Annual Juried Art Exhibition, April 8-23, Lebanon Valley College, Lebanon, PA, USA.
- 2010 – «Свет души». Ульяновск. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова.
- 2010 – Персональная выставка. «Живописная соната в холодных и теплых тонах». Москва. Компания «Световод», галерея «СовАрт» при участии музея современного изобразительного искусства им. А. Пластова.
- 2010 – Персональная выставка. Ульяновск. Галерея Союза художников России.
- 2009 – Большая Волга в Минске.
- 2009 – Выставка художников Приволжского федерального округа «Большая Волга в Москве». ЦДХ.
- 2009 – Персональная выставка. Галерея «Арт-Хит». Тольятти.
- 2009 – Персональная выставка. Выставочный зал областной научной библиотеки. Ульяновск.
- 2008 – «Большая Волга», Чебоксары.
- 2006 – «Звезды в ночи». Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова совместно с ГМИИ им. А.С. Пушкина. г. Ульяновск.
- 2005 – Персональная выставка. Ульяновск. Галерея СХ.
- 2005 – Персональная выставка. Самара. Выставочный зал СХ.
- 2005 – «Сама по себе кошка». Ульяновск. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова.
- 2005 – Персональная выставка. Ульяновский государственный технический университет.
- 2004 – РХВ «Большая Волга». Искусство республик Поволжья. Саранск.
- 2004 – Персональная выставка. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова. Ульяновск.
- 2004 – «Большая Волга». Н. Новгород.
- 2002 – Участие в аукционе Dorotheum. <http://www.artnet.com/artist/711855/tatjana-gorschunova.html>
- 2001 – Московский международный художественный салон. Москва. ЦДХ.
- 2001 – Персональная выставка. Самара. Галерея «Меридиан».
- 2001 – «Живые вещи». Ульяновск. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова.
- 1999 – «Живые вещи». Выставка натюрморта. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова. Ульяновск.
- 1998 – «Наши верные друзья». Анималистическая выставка. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова.
- 1998 – «Большая Волга». Н. Новгород.
- 1998 – «Город глазами художников». Ульяновск. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова.
- 1997 – Посвящается женщинам. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова. Ульяновск.
- 1996 – Художники Ульяновска. Посвящается 60-летию Союза художников. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова. Ульяновск.
- 1995 – Персональная выставка. Ульяновск. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова.
- 1994 – Персональная выставка. Димитровград. Научно-культурный центр.
- 1992 – Избранные произведения ульяновских художников. Ульяновский областной художественный музей.
- 1993 – Живопись ульяновских художников. Музей современного изобразительного искусства им. А. Пластова. Ульяновск.
- 1991 – РХВ «Россия». Москва.
- 1991 – «Большая Волга». Казань.
- 1989 – «Молодость России». Москва.
- 1987 – «Молодость России». Москва.
- 1986 – Республиканская выставка, посвященная 800-летию «Слова о полку Игореве». Москва.
- 1985 – «Большая Волга». Чебоксары.

Произведения находятся в собраниях

Ульяновского областного художественного музея, Министерства культуры РФ, Союза художников России, в частных коллекциях и галереях России, Германии, Франции, США, Англии, Голландии, Швейцарии, Великобритании, Канады, Греции, Кореи, Шотландии, Кувейта, Дании.

ПРИЛЕТЕВШАЯ ПТИЦА КАРТИНЫ ТАТЬЯНЫ ГОРШУНОВОЙ

Татьяна Горшунова.

Татьяна Горшунова. Арлекин и Колумбина 2009, холст. масло. 70x80 см

Татъяна Гориунова. Благовещение. 2012, холст, масло, 60x65 см

Татъяна Гориунова. Арлекин и Коломбина. 2011, холст, акрил. 50,8x81,3 см

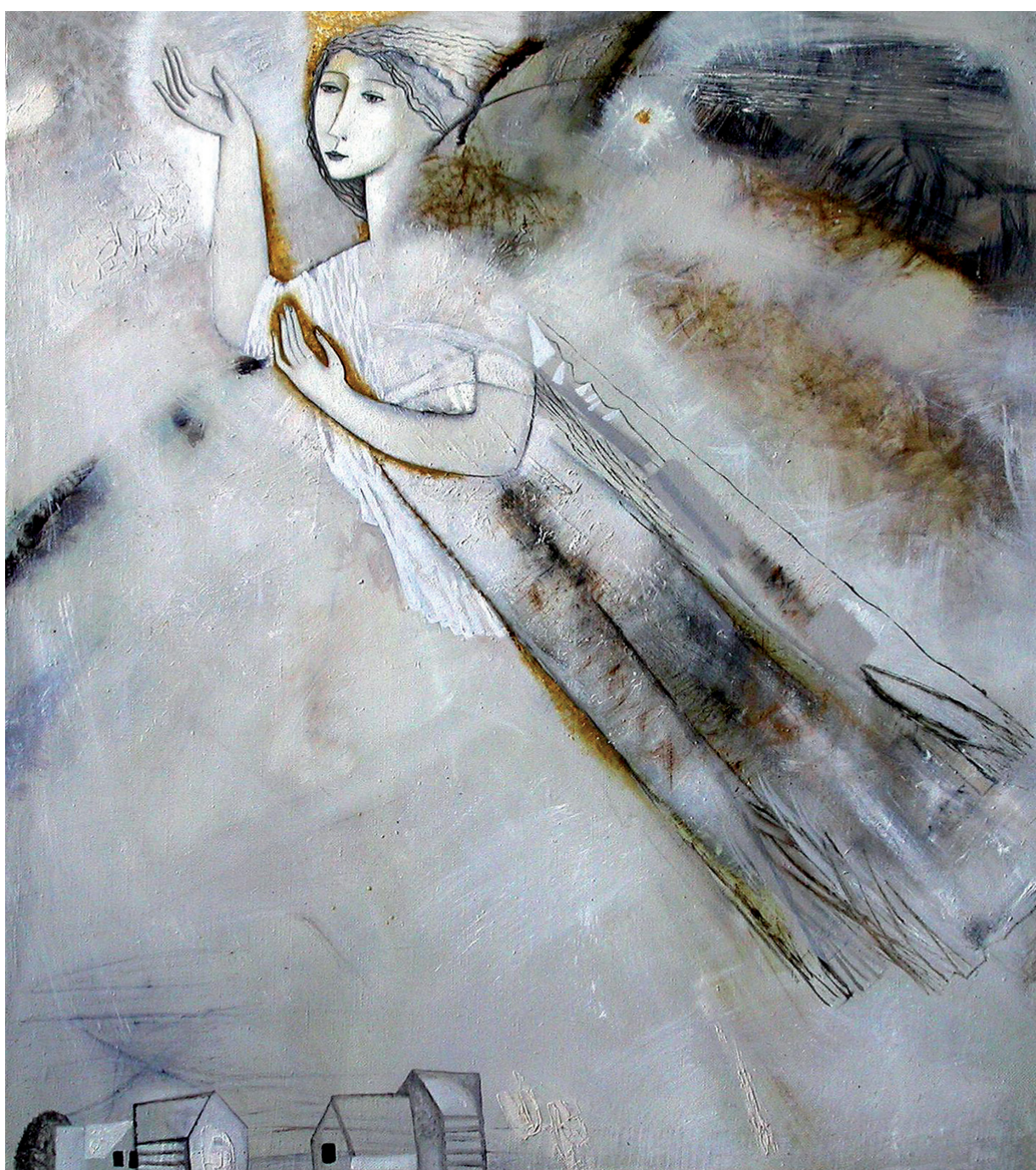
*Муза с фонариком
2018, картон, масло, 31,5x26,5 см*

*Лошадка.
2013, холст, масло, 59x55 см*

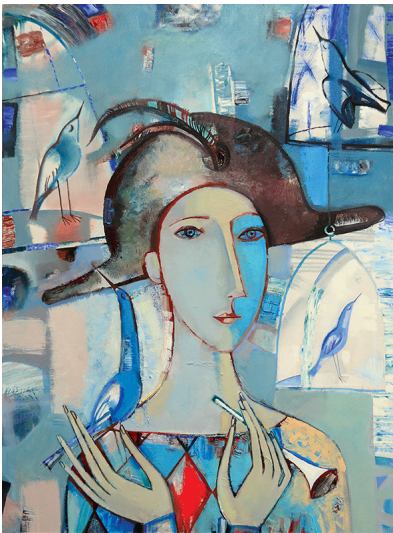
*Сон про лошадку.
2012, холст, акрил, масло, 67x60 см*

Татяна Горшунова. Муза. 1998, холст, масло. 104x94 см

Татьяна Горшунова. Девочка и птица. 2015, холст, акрил, 80x85 см

Арлекин с птицами.
холст, масло, 77x58 см

Прилетевшая птица.
2011, холст, акрил, 45x40 см

Прилетевшая птица.
2017, оргалит, масло

Татьяна Горшунова. Женщина с белой кошкой

Татьяна Горшунова. Венецианка

Татьяна Горшунова. Натюрморт

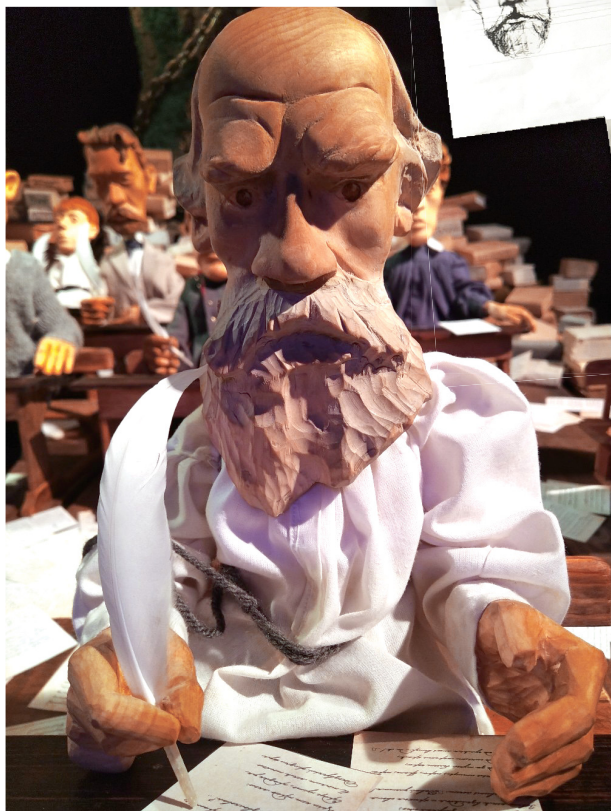
Татьяна Горшунова. Кошка

**СПЕКТАКЛЬ
ТЕАТРА-СТУДИИ
ENFANT-TERRIBLE**

Основные персонажи, поскольку у Шергина всё соответствует биографии Пушкина, выполнены с портретным сходством.

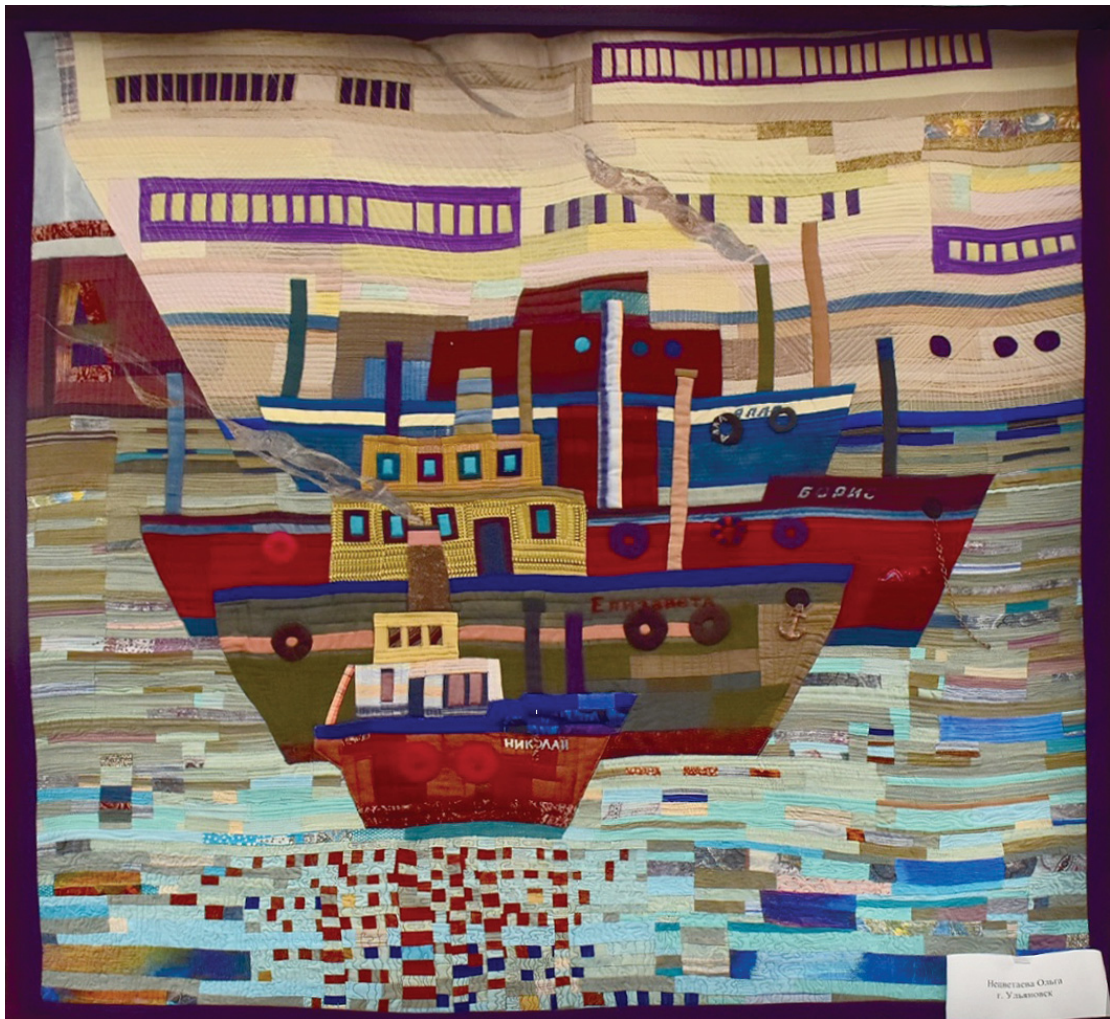
ЛОСКУТНЫЕ КАРТИНЫ ОЛЬГИ НЕЦВЕТАЕВОЙ

Ольга Нецветаева. Всенощная

Ольга Нецветаева. Воздушные замки

Ольга Нецветаева. Корабли моей гавани

Маргарита СМИРНОВА, заведующая Музеем народного творчества, филиалом ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области».

ВОТ ТАКАЯ «ДРУГАЯ ЖИЗНЬ»

Сколько выставок прошло через наши руки. Разные экспозиции, интересные авторы... Осенью я наконец наладила контакт с одной ульяновской художницей, и мы договорились об организации ее выставки в нашем зале.

Открытие выставки

Так случилось, что о ней я знала мало, больше о родителях. Они очень известные люди в нашем Симбирском-Ульяновском крае.

Об этом авторе я узнала от наших мастериц-лоскутниц, которые рассказали, что у нас в городе есть необычная мастерица, которая в этом году на Международном фестивале лоскутного шитья в Суздале заняла призовое второе место. В фестивалях такого уровня участвуют очень талантливые, опытные авторы, многие годы занимающиеся искусством лоскутного шитья.

И вот лоскутные шедевры нашей землячки были признаны лучшими, и авторитетные искусницы приняли Ольгу в свои ряды. Ее работы вошли в коллекцию передвижной выставки и были показаны в различных российских городах, а также в Турции.

И, наконец, в конце ноября открылась персональная выставка работ под названием «Другая жизнь» в Музее народного творчества, расположенном временно на территории дворца «Губернаторский». Теперь жители города имеют возможность

ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ ОЛЬГИ НЕЦВЕТАЕВОЙ

В Музее народного творчества состоялась персональная выставка работ Ольги Нецветаевой «Другая жизнь».

Ольга Нецветаева

познакомиться с творчеством талантливой мастерицы и художницы Ольги Нецветаевой.

В экспозиции представлены уникальные лоскутные картины «Свет любви», «Всеношная», «Корабли моей гавани», «Рыба», необычные иллюстрации по мотивам произведения «Сказка о золотой рыбке» А. Пушкина и другие.

Никогда лоскутные ковры, картины, панно не привлекали так мое внимание, как эти произведения. Вот рассматриваю «Корабли моей гавани». Корабли большие и маленькие, носящие имена людей. Рассматривая это полотно, понимаешь, что корабли – это люди. Дети и взрослые. Это близкие люди, которые дороги автору...

Или вот «Всеношная». Передо мной городская улица ночью, идем по улице вдоль многоэтажных домов. Запах морозца, хруст снега, искринки в воздухе... А вот и храм, а над ним, на небе, Рождественская звезда. Тихо и таинственно. Красиво по цвету. В основном сине-бело-голубые тона. Тот, кто сопереживал событию ожидания Младенца и рождение Бога, тот вновь ощутит трепет ожидания и совершения Чуда... Автор пережил это и поделился с нами Радостью.

Когда с Ольгой говоришь, а разговоры наши были очень короткими и немногословными, она смотрит на тебя очень внимательно и слушает вдумчиво, будто заглядывает внутрь тебя. Это тот случай, когда многое понятно без слов. И нашлись же у нее те несколько слов, которые мне были необходимой поддержкой.

А ведь со мной такое уже было... Несколько лет назад по долгу своей деятельности оказалась я на монастырском подворье в Центре православной культуры. Рождественский пост. Сажу, пью чай с монастырским медом. Входит матушка настоятельница Магдалина и тоже садится пить чай. Мы оста-

емся наедине и начинаем говорить. И вот так же внимательно она смотрит на меня, будто в меня, и слушает. Очень редко ощущаешь, что ты так нужен и важен для собеседника...

У Ольги трое детей. Она, как заботливая мама постоянно думает о них. Наверно так же, как и ее папа и мама. С одной стороны, чувствуется ее внутренняя сила. Ольга очень деятельная. А с другой? Я смотрю на нее и вижу длинненькую светловолосую девочку с задумчивым взглядом. Хрупкая, стройная, она напоминает летящую трепетную лань...

Тонко чувствующая красоту и взаимодействие в окружающем мире Ольга создает сюжеты, погружающие зрителя в мир чувств, переживаний, тихой радости. На создание лоскутных шедевров ее вдохновляют Творец, природа и классическая музыка. Ее произведения уникальны по замыслу, исполнению и воздействию на зрителя. Их хочется долго рассматривать и размышлять на вечные темы: любви, бытия, взаимоотношений. Триптих «Золотая рыбка» по мотивам известной сказки А.С. Пушкина навевает воспоминания о детстве, сказках, любимой бабушке, семейном уюте и домашнем тепле.

Ольга также является художником-иллюстратором. В экспозиции представлены книги с рисунками, выполненными художником О. Нецветаевой.

На открытии выставки было много людей и среди них родители, родственники, друзья, художники и мастера.

Из анкеты, которую обычно в нашем музее заполняют авторы, можно узнать следующее.

Нецветаева Ольга Львовна родилась в городе Ульяновске в 1965 году в семье известного художника, поэта, почетного архитектора, лауреата золотой Пушкинской медали и члена Союза художников и Союза журналистов России Льва Николаевича Нецветаева.

О. Нецветаева в Турции

На творческое самоопределение художницы повлиял и ее отец и Сергей Борисович Худяков – ульяновский художник, представитель русской реалистической школы живописи, портретист, график.

В 1988 г. Ольга окончила Чебоксарский государственный педагогический университет им. Яковлева (художественно-графическое отделение).

В начале творческого пути Ольга Львовна занималась изготовлением декоративных кукол в студии Дворца пионеров, графикой, позже иллюстрировала детские книги, в свободное время занимается лоскутным шитьем. На ее творчество оказала влияние, первая, приобретенная много лет назад книга МакКормик Гордон Мэгги «Лоскутное шитье».

По словам Ольги Львовны, она работает в реалистическом направлении, в традиционной тех-

нике шитья с закрытыми срезами. По минимуму использует аппликацию. Предпочитает сборку по бумаге. Художница любит работать с натуральными и качественными тканями из-за их экологичности и прочности.

Участие работ в технике лоскутного шитья в выставках:

2015 г. – выставка «Лев Нецветаев, дети, внуки».

Пластовская художественная галерея, г. Ульяновск

2018 г. – выставки Гильдии текстильщиков, РФ

2019 г. – Всероссийская открытая выставка «II Уральская триеннале декоративного искусства», г. Екатеринбург

2019 г. – персональная выставка работ, г. Суздаль.

2019 г. – персональная выставка пэчворка, Турция.

Илья ТАРАНОВ, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

НАШ ГОЛОС БУДЕТ УСЛЫШАН

Ульяновские писатели. Итоги литературного года

*Собратья по перу.
Ульяновск, Дворец книги*

Вот и помчались стремительной вереницей дни и ночи нового 2020 года, оставляя позади славные вехи ушедшего 2019-го. Стоит вспомнить, как прожила это время ульяновская региональная писательская организация «Союз писателей России».

Год был насыщен творческими поездками по Ульяновской области. В январе большая делегация наших писателей посетила село Андреевка – в средней школе провели вечер памяти Николая Благова. В начале февраля писатели собрались в Димитровграде на юбилее Валентина Манухина. Прекрасный литературный вечер «С рябиной горькой схожа Русь» познакомил гостей праздника не только с творчеством юбиляра, но и со стихами и песнями наших поэтов и бардов. В середине февраля в ульяновском Дворце книги наши писатели участвовали в юбилейном творческом вечере Алексея Жданова «В окрестностях планеты А. Жданова». Надо сказать, что прошедший год был богат на юбилеи: десять наших писателей отметили круглые даты!

Стоит отметить два важных концептуальных направления работы нашего союза. Первое: проведение еженедельных литературных пятниц в нашей штаб-квартире во Дворце книги, которые собирают как постоянных участников – ульяновских писателей, так и гостей – библиотечных работников, читателей, литераторов из других городов. И это радует! Там же у нас открыта постоянно действующая выставка книг не только членов СПР, но и литераторов из других творческих союзов. Второе – постоянно действующий сайт Ульяновского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России». Его ведёт наш поэт, лауреат Благославской премии Александр Лайков. Всё это является объединяющей платформой писателей и читателей не только нашего региона.

Ещё в конце 2018 года в рамках Недели культурных инициатив был дан старт проекту «Симбирское-Ульяновское литературное кольцо». В 2019 году это благо дело было продолжено. Целью проекта является сохранение памяти о значимых исторических местах и именах, связанных с литературной жизнью Симбирского края. Здесь писатели и культурная общественность устанавливают памятные верстовые столбы. Первый такой столб был установлен на месте родовой усадьбы Н.М. Карамзина. Второй – в селе Аксаково – в родовом имении Аксаковых, в память о Сергее Тимофеевиче Аксакове. Ульяновская область раскинулась на берегах больших и малых рек. Знаете ли вы, сколько вёрст от Ульяновска до Верхней Мазы? Немало – 185. Об этом свидетельствует верстовой столб, установленный ульяновскими писателями в августе 2019 года на Радищевской земле, в честь героя Отечественной войны 1812 года, поэта Дениса Васильевича Давыдова. Это был третий верстовой столб. В конце августа в селе

Верстовой столб установлен в селе Аксаково

Коровино Чердаклинского района Ульяновской области (бывшее Эрмитаж Ставропольского уезда Симбирской губернии) состоялось открытие очередного памятного знака – верстового столба.

Надо сказать, что уже установлено шесть таких вёрст. В Чердаклинском районе – в честь прозаика и драматурга Александры Леонтьевны Тургеневой (псевдоним «Бостром», 1854 – 1906) – матери писателя Алексея Николаевича Толстого (1883 – 1945), в Радищевском районе – в честь Александра Радищева, в Димитровграде – в честь всемирно известного писателя Андрея Платонова.

Недавно читал дневники Л.Н. Толстого. И в одном из них за 1909 год с удивлением прочёл: «Вчера был очень интересный человек, пришедший пешком из Симбирска. Много он сказал хорошего, но лучше всего то, что, по его мнению, главное, в чём нуждается теперь народ – это в духовной пище». Что это был за человек, мне не удалось обнаружить в дневниках писателя. Но ведь это же верно сказано и для современной эпохи!

В марте 2019 года ульяновские писатели стали участниками Литературного собрания, состоявшегося в Карсунской центральной районной библиотеке имени Н.М. Языкова. Собрание было посвящено 216-летию со дня рождения поэта Николая Языкова.

Хочу отметить наше участие в проекте «Литературная филармония» – выезды писателей в города и сёла Ульяновской области на встречи с читателями. Состоялось много таких творческих встреч в разных районах области, в библиотеках и школах всегда есть заинтересованные слушатели. Деятельность ульяновского Союза писателей служит защите чистоты языка, его обогащению, сохранению родной словесности. Большое внимание уделяется работе с литературной молодежью. Конкурс «Первая роса», проводимый министерством культуры при поддержке ульяновских писателей, нацелен на поиск новых талантов. Напомню, что этот конкурс впервые организовал еще в 1999 году ульяновский журналист Андрей Безденежных. В минувшем году в конкурсе «Первая роса» приняло участие почти 100 авторов. В последние годы конкурс предполагает материальное поощрение победителей. И в наступившем году будут названы новые лауреаты «Первой росы».

В апреле писатели приняли участие во Всероссийской выставке-конкурсе «Симбирская книга

Ульяновские писатели на Пушкинском празднике в селе Языково

– 2018». «С устремлённостью в небо» – под таким девизом прошла презентация сборников ульяновских поэтов Петра Мельникова, Светланы Матлиной, Владимира Дворянского, Елены Кувшинниковой, Николая Марьянина, сборника молодых авторов «Новый Венец». Книги изданы при поддержке губернатора Ульяновской области С.И. Морозова и правительства Ульяновской области. Исторический роман писателя, лауреата премий имени И.А. Гончарова, обладателя медали Н.М. Карамзина, ордена Достоевского I степени и лауреата премии имени Н. Благова Николая Полотнянко «Минувшего лепет и шелест» был выпущен по областной программе по книгоизданию и занял достойное место на ежегодной выставке – конкурсе «Симбирская книга».

Молодой поэт Александр Дашко в 2019 году стал участником многих совещаний в разных городах России, в том числе участником Всероссийского совещания молодых писателей Урала и Сибири, в котором принимал участие и председатель Союза писателей России Н.Ф. Иванов.

В мае ульяновские художники и писатели побывали в Прислонихе: прошла совместная творческая встреча двух Союзов. В эти же майские дни состоялся выезд сотрудников Дворца книги и писателей в Радищевский район, на хутор Березовский, где состоялся межрегиональный фестиваль славянской культуры «Дикий пион».

В июне в традиционные Гончаровские дни в Ульяновске прошёл Всероссийский фестиваль лите-

Награждение лауреатов Благовской премии

Участники конкурса «Первая роза»

ратурных журналов «Волжская пристань» с участием редакторов столичных и региональных литературных журналов и, конечно, с участием нашего регионального Союза писателей России. В Ульяновск съехались писатели из разных уголков России от Калининграда до Красноярск. В результате большой целенаправленной работы наш регион стал объединяющей площадкой для проведения литературных фестивалей и форумов. Это большой кредит доверия, а также шанс для роста ульяновской литературы. Идея проведения в Ульяновске фестиваля литературных журналов родилась в среде ульяновских писателей ещё в прошлом году в ходе Всероссийского совещания молодых литераторов, была озвучена губернатором С.И. Морозовым и поддержана председателем Союза писателей России Н.Ф. Ивановым.

В августе ульяновские писатели приняли участие в IV Бердниковском литературно-патриотическом фестивале, который прошёл в селе Большие Ключищи. Фестиваль был посвящен разгрому фашистских войск на Курской дуге и памяти уроженца села, участника Курской битвы, фронтовика Василия Федоровича Бердникова.

В сентябре в дни XIX Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья наши писатели приняли участие в десятке творческих встреч с известными писателями и литературными критиками.

В октябре во Дворце книги прошло первое заседание литературной студии для молодых авторов. Студия начала работать при Ульяновском региональном отделении Союза писателей России. Занятия ведут лауреаты поэтической премии имени Н. Благова, поэт и журналист Александр Лайков и председатель областного Совета молодых литераторов, Александр Дашко.

В самом западном регионе России, в Калининграде, вышел в свет октябрьский номер журнала «Берега». В нём опубликованы произведения нескольких ульяновцев, а в журнале «Молодая гвардия» вышла подборка стихов ульяновских поэтов.

25 октября 2019 года, по сложившейся традиции, в Карсуне с участием ульяновских писателей состоялись Чесноковские чтения в память о безвременно ушедшем поэте Анатолии Чеснокове. Чтения проходят с 2010 года. В этот день на его родной зем-

ле собираются ульяновские поэты, библиотекари, работники культуры и искусства, односельчане, талантливые дети, люди, близко знавшие его.

Завершающим мероприятием года для нашего Союза стал старт нового культурно-просветительского проекта «Поэтический театр». Автором проекта выступил писатель Н.А. Полотнянко, организаторы проекта – Ульяновское региональное отделение Союза писателей России, Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина, ГТРК «Волга». Первую встречу с «театром» подготовили и с успехом провели Ольга Даранова и Диана Шпоркина. «Поэтический театр» открылся в год 220-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Чем дальше от нас корифеи русской литературы – Карамзин, Пушкин, Гончаров и ещё многие, тем острее великая нужда в них сегодня, в их духовной высоте, глубине мысли и совершенстве её словесного выражения. Знать, чтить, читать и вдохновляться их творениями, ощущать отблеск их величия и исцеляющую силу слова в современной поэзии – это есть та духовная пища, о которой говорил симбирянин Льву Николаевичу Толстому. Этим целям следовали создатели данного проекта, этим целям следует наш Союз. «Поэтический театр» станет одной из составляющих приоритетного межведомственного регионального проекта «За народное чтение».

Это то небольшое, что было осуществлено нашей замечательной дружной писательской организацией. Новгодним подарком нам всем стал литературный сборник ульяновских писателей «Симбирская пристань». В него вошли произведения всех сорока шести членов нашего регионального отделения СПР. Слово – главное в нашем творчестве, в нашей жизни; и наша задача – не дать ему слабеть, сохраняя глубину. Язык всегда развивался и обогащался. Поэтическое слово ценно и дорого. И нас всегда будут восторгать любимые поэты. Сегодня напомним строчки из стихотворения нашего земляка Николая Благова:

«Но мне ещё, ещё бы тише,
Все звуки, лес, отзанаवेशь.
Хочу я голос свой услышать,
Оставленный когда-то здесь...».

Валерий ХАТЮШИН, поэт, прозаик, критик, публицист. Родился в 1948 году в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север-Центр», строил КамАЗ. Первая книга стихотворений «Быть человеком на Земле» вышла в 1982 году. С 1986 года член Союза писателей СССР и России. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Наши современник», «Слово», «Аврора», «Дон», «Сибирь», «Аргатак», «Родная Ладога», «Берега» и др. Автор шеститомного собрания сочинений. Лауреат международных литературных премий им. М.А. Шолохова и А.П. Платонова. Главный редактор журнала «Молодая гвардия». Секретарь Союза писателей России.

ДАР ЛЮБВИ

* * *

Одинокое облако в небе ночном,
одинокая рядом звезда...
Не жалеть ни о чём, не грустить ни о ком
я, увы, не умел никогда.

И жалел, и грустил, и любил, и желал...
Не хватало и слёз, и вина...
Столько сердца истратил и слов расплескал,
что теперь на душе – тишина.

Но как прежде, как прежде, грустят обо мне
уходящие вдаль поезда,
и белёсое облако в тёмном окне,
и манящая эта звезда...

* * *

Чего хотеть всезнающей душе?
 Какого ждать никчемного итога?
 Когда слова все сказаны уже,
 когда никто не нужен, кроме Бога.
 Когда твоё молчанье слышит Он.
 Когда не надо ни любви, ни света...
 Ты яркой болью сердца освещен.
 Любовь людская смертна для поэта.

Бесследно сгинут лишние слова.
 С тобою звёзды говорят негромко.
 Подруга жизни – подлая молва
 запрячет боль твою к себе в котомку.
 Не жди любви. Лишь Он – твой главный суд.
 И лишь к Нему в веках твоя дорога.
 Ты победил, Ему вручив свой труд,
 коль вырвался из этих грешных пут
 и ближе стал к Нему хоть не на много.

* * *

Пока открыты царские врата,
 я устремляю взгляд к Его распятью,
 молитву шепчут бледные уста,
 а сердце грешной сковано печатью.

И силы нет оковы разорвать.
 Но шепчут губы главную молитву:
 «Услышь, Всесильный Боже, эту битву,
 из сердца вырви адову печать!»

Творят молитву слабые уста...
 Свеча в руке трепещет, догорая...
 И недоступный вижу отсвет рая,
 пока открыты царские врата...

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Стоит хранимый Богом Дом
 времён на переломе...
 Чем меньше света за окном,
 тем больше света в Доме.

Где холодней ночная мгла,
 там ласка звёзд теплее...
 Чем в подлом мире больше зла,
 тем мы добром сильнее.

А где раздор, там и разор –
 бездомная дорога...
 Но чем бесовский громче ор,
 тем в сердце больше Бога.

И мы очнёмся от своей
 душевной летаргии.
 Чем тьма всемирная плотней,
 тем ярче свет России.

ВИНО И ХЛЕБ

Как много лет, мой друг, поверь,
 в потёмках я блуждал.
 Христос в мою стучался дверь,
 но я не открывал.

Я оставался глух и слеп,
 мне было знать смешно,
 чьим телом был мой чёрный хлеб
 и кровью чьей – вино.

Себя изжил я, как беду.
 Открыта настезь дверь.
 Я нашей скорой встречи жду.
 И горько мне теперь...

Я знаю, кто спасал меня –
 чья кровь и тело чьё.
 И отсвет горнего огня
 изжёт лицо моё...

Как много, друг, больших потерь,
 как сердцем я устал...
 ...Христос в мою стучался дверь,
 и я – не открывал...

* * *

Голос мне слышался птицы ночной.
 Ангел мой плакать устал надо мной.

Жил я в азарте бездумных утех.
 Ангел отмаливал каждый мой грех.

Счастья искал я, невзгоды кляня.
 Ангел прощенья просил за меня.

Сердце рвалось и скулило в крови.
 Ангел шептал мне во сне о любви.

Часто встречал я то рык, то оскал.
 Ангел в погибельных дебрях – спасал.

Птица ночная всё чаще кричит.
 Ангел мой горько и слёзно молчит...

ВОДА БАЙКАЛА

Я по нему опять тоскую...
 Как долго я спешил туда!..
 Была подобна поцелую
 Байкала чистая вода.

Вошли в меня сердечной новью
 и Ангара, и Усть-Уда...
 Как свет небесный Подмосковья –
 Байкала синяя вода.

Но если в воздухе кружилось
 ненастье хмурое, тогда
 в стальном дыханье шевелилась
 Байкала серая вода.

Теперь в сибирской ностальгии
 душа пребудет навсегда.
 Скрывает столько тайн России
 Байкала чёрная вода...

* * *

Э. М.

Ты пишешь мне: «Всегда твоя» –
привычно и неосторожно.
В тисках земного бытия,
мы знаем, это невозможно.

Мы знаем, в бренности земной,
здесь, где бессмертно только Слово,
ты не моя и я не твой,
как ни хотели б мы иного.

Судьбу не изменить уже.
Но скоро, слившись, точно реки,
одна душа в другой душе
поймут без слов: теперь навеки...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Последняя любовь – души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день. Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.

Подвальное кафе писательского дома...
И терпкое вино за столиком в углу...
– Как странно, до сих пор я с вами не знакома, –
сказала и, чутьём недремлющим влекома,
глазами отдалась неясному теплу...

Как странно... Было всё необычайно странно...
Взаимное тепло и глаз, и рук, и губ...
– Нам будет нелегко, – я ей сказал туманно.
И в чувствах, и в словах я был несносно скуп.

Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах...
И пишет мне она с тоской: «Какая мука...»
Я отвечаю ей: «До встречи в небесах»...

ПЕРЕКЛИЧКА

Анатолию Аврутину

Подлый мир отказался от наших святынь –
в этом мире другие святыни.
И куда ты свой взгляд беспокойный ни кинь –
всем Россия чужая отныне.

Мир блефует в придуманных снах и во лжи,
в однополой убийственной страсти...
...Где-то детство моё в колосющейся ржи
притаилось, как в маленьком счастье,

засиделось у речки, уснуло в лесу,
закружилось в цветах на лужайке...
Я за пазухой детство, как птаху, несу,
чтоб о нём рассказать без утайки.

Чтоб светилось оно в этих строчках простых,
согревая глаза дорогие,
чтобы в детях, рождённых при песнях иных,
билось вечное сердце России.

...Я под пенё сверчка на печи засыпал,
под рассказы о плотнике-деде...
Нам динамик из чёрной тарелки вещал
о вожде, о труде, о Победе...

Мы росли на руинах великой войны,
со страной возвышаясь и каюсь,
нас безродные пичкали чувством вины,
от святынь и побед отрекаясь.

Ныне в наших домах тех динамиков нет.
Мы умней и трезвей стали ныне.
Нас в искусственный свет заманил Интернет...
Но в душе – неизменны святыни.

* * *

Перед Распятьем я Бога просил:
«Господи, дай мне успеть,
дай мне набраться немислимых сил –
духом врагов одолеть.
Господи благостный, сколько же их,
подлых, сплочённых во зле,
недрузгов этих безумных моих
здесь, на родимой земле!..»
Тихо ответил Он мне: «Отойди.
Кайся и плачь во Христе.
Раньше Меня никого не суди.
Я ради всех на Кресте».

В ПЕЩЕРАХ

Печоры псковские, пещеры...
Дрожащий свет свечей в руках...
Мерцали своды, словно сферы
небесной тверди в облаках.

С тоской душевного похмелья
здесь я, стогрешный, пребывал.
Здесь, в лабиринтах подземелья,
монах нам тайны открывал.

В подземной мгле витал над нами
нетленных старцев глас и слух...
Вливался теплыми волнами
мне в сердце странный сильный дух...

Здесь, как Руси живые стражи,
за веком век – во тьме святой –
лежат молитвенники наши
под монастырскою горой.

Бессмертный дар их мощной веры
из века в век спасает нас.
...Мерцали своды, словно сферы
живых небес, в тот светлый час.

Я слышал ангельское пенье,
огнём сердечным осиян.
И нам вослед духовным зреньем
смотрел Крестьянкин Иоанн...

ДАР ЛЮБВИ

В минуты слабости душевной
в себе глушил я резкий жест.
Перед толпой нещадно гневной
Он за меня всходил на Крест.

Когда в заклятье поруганья,
жестокий суд людской кляни,
я уходил от наказания, –
Он осуждался за меня.

Не отвести беду руками.
Когда в меня под смех и вой
со всех сторон летели камни,
Он закрывал меня собой.

Я слово правды не нарушу,
стремленье верен одному –
свою еще живую душу,
как дар любви, вручить Ему.

* * *

Дышат снегом тучи низкие,
мглой скрывая даль и высь.
Две дороги наши близкие
вместе шли и разошлись.

Шар земной спокойно вертится...
Мчатся порознь два авто...
Нам в пути никто не встретится
и не нужен нам никто.

Наши судьбы разделённые
не сведём ни я, ни ты,
как навеки разведённые
петербургские мосты...

ТО ЛИ ГОДЫ, ТО ЛИ ДАТЫ...

То ли годы, то ли даты...
Всё смешалось и ушло...
Помню, я любил когда-то
непокорное тепло
глаз печальных, глаз глубоких
(их не в силах скрыть лета),
одиноких, чернооких –
в днях далеких, как мечта...

Всё смешалось – годы, даты:
тридцать, сорок, пятьдесят...
Эти вехи, как солдаты,
на своем посту стоят.
И мою волнуют память,
знают всё, что я забыл...
Мы легко теряли сами,
тех, кто слишком нас любил...

То ли зрелость, то ли старость...
Всплески счастья, слёз, обид...
Что-то важное, хоть малость,
сердце всё же сохранит.
Годы, даты – всё смешалось...
Ясных дней душа не ждет...
Но осталось в ней, осталось
то, что в вечность с ней уйдет...

ТРЕТИЙ СНЕГ

Первый снег – словно юность,
он растает как дым.
Вспомню в зимнюю лунность
то, что был молодым...
Так в оставшем вагоне
свет чуть брезжит во мгле...
Первый снег не догонит
никого на земле.

Снег второй, словно годы, –
то пуржит, то парит...
От ненастной погоды
он виски серебрит.
Снег второй, не стихая,
будет долго мести,
день за днем засыпая
все следы и пути.

Третий снег безобманно
сыщёт нас всё равно,
беспричинно, неожиданно
постучится окно.
К нам напросится в гости:
мол, пришли холода...
...У креста на погосте
ляжет он навсегда.

* * *

Семьдесят вёсен, затерянных где-то,
грустно вздыхают о новой весне...
С кем, Боже праведный, было всё это?
В чём неразгаданном призрачном сне?..

Было ль всё это на свете со мною –
точно сказать я уже не могу.
Прошлые вёсны рождённой весной
ищут меня в тополином снегу.

Помню лишь свет из распахнутых ставней...
Дом возле речки – наш низенький сруб...
Помню лишь запах черёмухи давней...
Помню лишь сладость некрашенных губ...

Было ли это иль только приснилось?
Иль промелькнуло в далёком кино?
То ль – возвратилось, как Божия милость,
юным волнением, забытым давно.

Семьдесят вёсен, оставленных где-то,
сердцем услышанных этой весной,
в лунном сиянье вечернего света
знают о скором свиданье со мной...

ВОЛЯ ТВОЯ

Бедное сердце в холодной груди
с ритма сбивается снова...
Ждёт не дожждётся меня впереди
чаша мученья земного.

Боже, как часто, всю нечисть кляня,
сам я грешил безнадежно.
Пусть эта чаша минует меня,
если такое возможно...

В годы далёкие день ото дня
жил я легко и безбожно...
Пусть эта чаша минует меня,
если такое возможно.

Чашу сию от себя отвести
сам я уже не сумею...
Нет, не избрать мне иного пути,
волей исполняя Твоею...

СТИХИ ИДЕЛЬБИКИ

В начале творческого пути она взяла себе творческое имя точное и возвышенное – Идельбика. В переводе с татарского языка *Идель* – река Волга, а *бика* – госпожа, то есть «Госпожа, величаявая, словно Волга»... Теперь в Татарстане поют песни на ее стихи, а именем Идельбика называют девочек. Волга появилась в имени и присутствует во многих ее стихах не случайно: поэтесса много лет живет в городе на Волге – Ульяновске, который стал ей родным.

*Рождая думы долгие мои,
Бегут, бегут дороги по просторам.
Но все мои тропинки и пути
Всегда приводят к волжским косогорам:*

*Туда, где сорок лет стоит мой дом,
Туда, где жизнь стекает на бумагу,
Туда, где спит мой спутник вечным сном,
В ту землю, где и я, должно быть, лягу...*

Творчество поэтессы разнопланово. В ее активе не только лирические стихи, но и поэмы, баллады, венок сонетов, цикл из 124 стихов «Советы Сенеки», поэтические миниатюры (одностишья, двустишья,

четверостишья), стихи для детей, переводы, проза. Произведения изданы в 7 поэтических книгах и выходили в литературно-художественных журналах Татарстана и Башкортостана (так как поэтесса пишет не только на татарском, но и на башкирском языке). Идельбика – лауреат литературных премий им. Габдельжаббара Кандаляя, им. Сахаба Уральского, им. Сажида Сулеймановой.

Широкую известность среди читателей принесла Идельбике любовная лирика, так как на многие ее стихи написаны песни. Композиторы первые оценили музыкальность стихов поэтессы, не зная, что Идельбика, обладая красивым голосом, замечательно поет (она закончила 2-й курса Ташкентской консерватории по классу вокала) и чутким слухом улавливает певучесть слов, используя это в стихотворениях.

Обладая внимательным взглядом и афористическим мышлением, Идельбика может мимоходом заметить: «Пищей, увиденной во сне, сыт не будешь», «Знание в жизни – и щит и меч», «На грядке с морковью даже роза – сорняк». Многие подобные выражения уже ушли в народ. В стихах эта меткость взгляда тоже прослеживается, вызывая удивление и восхищение читателей.

Готовя подборку стихов Идельбики (в переводах Лилии Юсуповой), мы попросили поэта сказать несколько слов читателям журнала. Идельбика, по-

молчал минуту, сказала: «Одна из моих книг называется «Дороги и думы», так же, как веночек сонетов, напечатанный в ней. Я прочту только отрывок из этого венка:

*Я истины извела законы.
Как краток человекий путь земной!
Мы все цветём, чтоб пасть в земное лоно
И превратиться в чёрный перегой.*

*На нём взойдут другие поколенья,
Вобрав от нас питательный состав.
И ты, и я – Земли живые звенья.
Мы в Книге бытия – одна из глав.*

*Не вырвешь и не вычеркнешь страницы –
Истории важны все наши лица:
Из них портрет напишется её,*

*А мы с тобой пришли, чтоб сделать чище
И краше наше общее жилище –
Возводится стараньем бытие.*

Я желаю всем в трудной земной жизни счастья и любви, терпения и удачи, которые обязательно придут, если действовать во имя добра. А журналу «Симбирск» пожелаю новых читателей и процветания, потому что редколлегия выполняет высокую миссию – просвещать и облагораживать людские души».

ИДЕЛЬБИКА

«НАШ ДОЛГ СВЯТОЙ – ВЫСОКОЕ БУДИТЬ»

ПОСЛЕ БУРИ

Какая благодать, мой Бог!
И тишина вокруг какая!
Не дрогнет ни один листок,
Цветы стоят, благоухая.

И не поверишь, что вчера
Здесь ветры рвали и метали,
И грохотала так гроза,
Что окна в комнате дрожали.

Куда исчезла кутерьма? –
Покоюм радуется природа.
...Ах, если б и в душе шторма
Стихали так же, как погода.

* * *

Что ж ты наделало, бедное сердце?
Как же такое могло приключиться:
Я не могу на него наглядеться,
Я не могу от него отлучиться.

Если грустит он – я плачу и маюсь.
Песню поёт – вторю этому пенью.
Шутит – я смею ему отзываюсь...
Боже, я стала уже его тенью!

Так прикипела к нему душою,
Что растеряла себя по крупицам.
Что же случилось сегодня со мною?
Как же такое могло приключиться?..

ТВОЁ ТВОРЕНИЕ

«Ты всё витаешь в розовом тумане,
Не замечая ничего вокруг...»
Но если разобраться между нами –
Не ты ли в том виновен, милый друг?

Как дикая степная кобылица,
Я обегала доли и леса,
Не ты ль меня переиначил в птицу
И на ладонях поднял в небеса?

Не ты ли в дни печали и тревоги
Меня от чёрных мыслей уводил?
Не ты ли сам на все мои дороги
Ковровые дорожки расстелил?

А я стремилась стать твоей звездой,
Презрев земную грязь и бытие,
Чтоб ты смотрел и восхищался мною...
Я вся, мой друг, творение твое.

НЕ ЖДИ

Ты не жди письма – писать не стану.
 Что тебе с того, как я живу?
 Не хочу травить былую рану,
 Вороша сердечную золу.

Ни меня, ни канувшего счастья
 Не вернут почтовые листы –
 Лик разрыва чёрен и ненастен,
 Не растут там яркие цветы.

И не жди письма о сокровенном –
 На молчанье мы обречены:
 Только те слова имеют цену,
 Что в урочный час изречены.

ГОВОРИТЕ

Говорите, любви не тая,
 В холод, зной, межсезонье ненастное
 «Милый мой» и «родная моя»,
 «Свет очей моих», «солнышко ясное».

Боль и радость деля на двоих,
 По дорогам шагая нехоженным,
 Как молитву твердите, как стих:
 «Милый мой», «как с тобою похожи мы».

Чтоб не знали вы острых углов,
 Чтоб любовь не обрежь на изгнание,
 Не жалейте живительных слов –
 Говорите друг другу признания...

* * *

Бывают дни, когда
 Перебираешь даты,
 А там – одна зола,
 А там – одни утраты.

Бывает, что опять
 Развеется ненастье –
 И ты готов обнять
 Весь мир тогда от счастья.

Бывают дни, когда
 По жизненной дороге
 Идешь, едва-едва
 Перебирая ноги,

Когда нести невмочь
 Тот груз, что дан судьбою,
 Когда сплошная ночь
 Над смутной головою.

Бывают также дни –
 Они всего дороже, –
 Когда мирские сны
 Печалью не тревожат,

Когда душе моей
 Нет до земного дела:
 Когда открыты ей
 Вселенские пределы.

ГЛЯДЯ В ЗЕРКАЛО

Я в двадцать лет смотрела на себя
 С печалью острой: «Как старею я!»

А в сорок поубавилась тоска:
 «Да я неплохо выгляжу пока».

Мне шестьдесят. Я в зеркало смотрю.
 «Красавица!» – довольно говорю.

* * *

Не смотри на мир в слепой обиде,
 Не тверди о грустном без конца,
 Чёрную изнанку только видя
 И не видя светлого лица.

Не терзай души своей впустую:
 Ни себе, ни людям ни на грош,
 Так живя – сердясь и негодуя, –
 Счастья ты, мой друг, не принесешь.

* * *

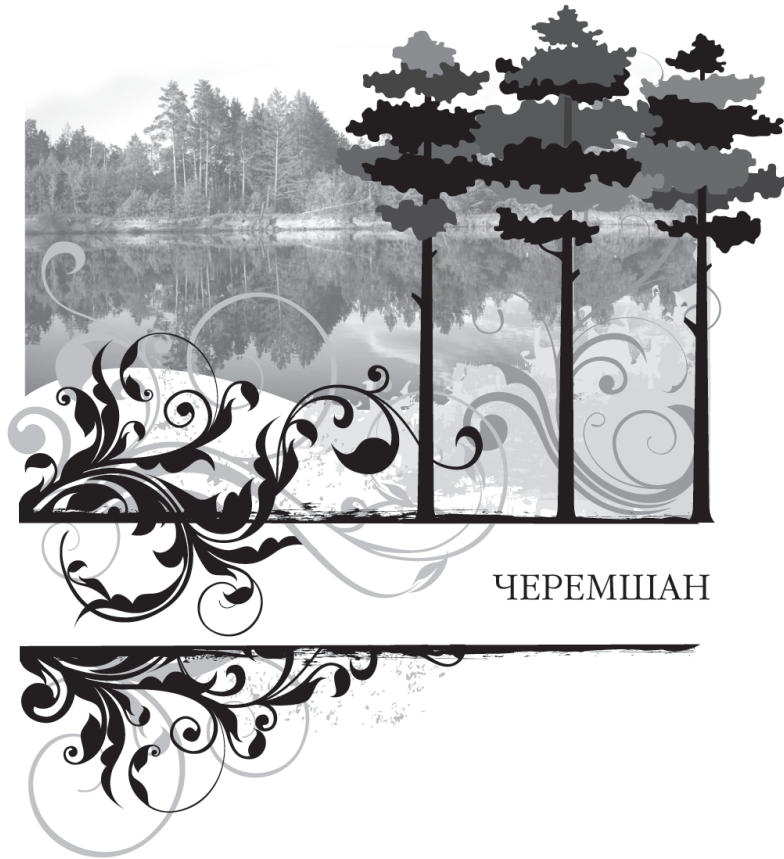
Лей, перо, печаль в строку,
 Вместе с радостью мешая,
 Всё, что было на веку,
 Звонкой рифмой прославляя.

Передай любви тепло,
 Счастья свет, восторг удачи,
 Чтобы стало всем светло
 От строки моей горячей.

Коль судьба сожмёт в тисках,
 Пострадает только тело:
 Жизнь продолжится в стихах,
 Что когда-то я пропела.

«Муза любит молодых», –
 Зря молва внушает это:
 Ведь куда льётся стих –
 Не стареет дух поэта!

ЧЕРЕМИШАН

Нонна АЛИЕВА, Димитровград.

Нонна Викторовна Алиева – филолог по образованию. Родилась в Баку. С 1990 года проживает в Димитровграде. С 1996 по 2009 гг. работала корреспондентом газеты «Димитровград-панорама». С 1998 года – член Союза писателей России, с 2011 года – член Союза журналистов России. Публиковалась в журналах и газетах Ульяновской области. Автор книги стихов «Зазеркалье». Сотрудничает с сайтом kino-teatr.ru, где размещает интервью с известными кинорежиссерами и актерами.

Я ЗНАЮ НАПЕРЁД

* * *

Я знаю наперёд прологи и развязки
и кожей узнаю пути на эшафот.
Сорвите ж с глаз моих проклятую повязку –
я вижу сквозь неё:

мой

не пришёл
черёд.

Нам среди тысяч солнц одно дано судьбою.
И сердце не пьянят слепящие не те.

А если час пробьёт, то выбор лишь за мною,
и я сгорю лишь там,
в желанной
высоте.

А музыка звучит, пусть даже режут связки –
я буду взглядом петь, пока ещё дышу...

Я знаю наперёд прологи и развязки,
быть может, оттого...

что их

себе

пишу.

АНГЕЛ

Т.К.

Когда стекали слёз ручьи,
Когда казалось, мы ничьи,
И позади, и впереди –
Засада,
Ты дал мне знать, задев крылом:
Ладьи спасительной весло,
И всё, что в Лету унесло –
Рядом!

Когда с гримасою Пьеро
Кричала, что любить старо,
Что петь я больше соловьём
Не буду,
Ты уронил в ладонь перо,
И я почувяла нутром,
Что у порога ждёт моё
Чудо...

Но затянула небо мгла,
И нет – чтоб бить в колокола,
Играла скрипка до светла
Скерцо...
А снег плясал «навеселе»,
И ты шептал: – Лети смелей!
И рисовал мне на стекле
Сердце.

Мы всё сумеем воплотить –
Разжечь костёр, звезду открыть,
У нас с тобой одно навек –
Бремя...
Но есть могучих два крыла...
Наш конь почувял удила...
И вот нога сама вошла
В стремя.

Мне без тебя Земля пуста –
Прошу, меня не отпускай,
Ведь мы с тобою лет до ста –
В теме!
И наша истина проста:
Мы всё успеем наверстать,
Ведь мне, как Фениксу, восстать –
Время!

АЛУШТА

Прибрежный парк. Так много лет тому...
Художники. Фотографы. Портреты...
Прогулка. Катер. Тёплый день в Крыму.
И впереди – ещё так много Лета...

Легко дышать, любить, творить и петь,
Идти навстречу утру окрылённым,
Когда «идти» почти равно – «лететь».
А «жить» лишь означает – быть влюблённым...

И кажется: всё навсегда со мной,
И времени не суждено разрушить –
И юность, и тот шёпот за спиной:
«Какие девочки красивые в Алуште!» ...

КАССИОПЕЯ

Гурзуф. Артек. И август раскалённый.
Букет ромашек, книга на столе...
Велюровая ночь и взгляд влюблённый,
И мне уже почти... шестнадцать лет.

Мне кажется, что это только снится –
Песчаный берег, ласковый прибой,
И я бросаюсь в море прямо с пирса,
Как во влюблённость – резко, с головой.

Он старше чуть – ему уже семнадцать.
Он шепчет что-то мне про запах роз.
Он тоже не умеет целоваться
И также принимает жизнь всерьёз.

Я верю в то, что счастье будет вечным,
И нас, двоих, судьба соединит.
А небо нам укутывает плечи,
И взгляд Кассиопеи нас хранит.

Я, как русалка, всё ныряю в воду
И достигаю солнечного дна,
Где с рыбками вожу я хороводы,
А крабов всех зову по именам.

Он говорит, что я пропахла морем,
Что мне пора с русалками дружить.
А я шепчу ему о всяком вздоре,
Чтоб мысли о разлуке отложить...

И вот, листая прошлое, робею,
Гурзуф, Артек. И моря волшебство.
Велюровая ночь, Кассиопея,
Есть я и ты.
И больше никого...

СУДАК, КРЫМ

Волна швыряет камешки в песок.
Смеются дети (им сейчас за сорок!)
Мы все от перемен... на волосок,
и время – отделить алмаз от сора.

Мы молоды, мы будущим пьяны,
и всё порою видим в белом свете...
И крылья, как в мольбе, вознесены
у бабочки, присевшей на сонете.

Жизнь, будто зебра, – судьбы и года
окрасит в чёрно-белые полосы.
А между мной и небом – как всегда –
соломенная шляпка, грустный Бродский...

Как хорошо меж небом и землёй
парить, когда ещё возможен выбор,
идти своей – и только! – колеёй,
когда не надо между: либо – либо.

Мой Бог, не оставляй меня одну
на берегу с тревожным криком чаек...
Я обещаю слушать тишину,
которую вчера не замечала...

И, пролетев через десятки лет,
увидю, посмотрев в иллюминатор,
на берегу знакомый силуэт...
И Бродского, забытого когда-то...

ДРУЗЬЯМ

Всё будет так, как должно. Но не нам
Задуманное небом делать явным...
Гадая по созвездьям и рукам,
Мы не приблизились к разгадке тайны.

А на Земле – не как «на небеси»:
Не по примеру Божьему – иначе.
Не гневайся, не плачь и не проси...
Ведь ты же знаешь: ангелы не плачут.

* * *

Есть же нечто в твоих чертах,
Что когда-то околдовало...
Возвращаешься? Только так,
Чтобы я тебя не узнала.

Мучит жажда? Ну что ж, налью
Не вина – ледяной вишнёвки.
Если трудно уснуть, спую,
Не проспи своей остановки.

Сколько ты тополя ни крась,
За берёзы приму едва ли.
Можно спутать любовь и страсть,
Если вы их не испытали.

ПРОЩАЙ, ПАРИЖ!

А здесь, в Париже,
Под самой крышей
Голубке голубь
Дает наказ...

А здесь, в Париже,
Мы к небу ближе,
Иль просто небо
Упало в нас...

Окутан шлейфом
Немого ретро –
Железный идол –
Краса красот.
Эй, вы, не дрейфьте:
Лишь в триста метров
Он ростом вышел,
А тень – пятьсот.

Скажу, как Эллочка:
«Колоссально!»
И заскучаю...
По Кроксли Грин...

Хоть облака здесь,
Как круассаны,
А солнце в Сене,
Как апельсин...

Затишье ночи
Смутит Пьяццолла,
Там скрипка – соло, –
«Прощай, Париж!»
И многоточье
Шагов. И – прочерк...
На слове «завтра».
И снова тишь...

Прощай, Париж...
Твоих мелодий
И голосов не повторишь.
Прощай, Париж!
И ты уходишь,
И ты... уходишь
И... молчишь.

ТЫ ЗНАЕШЬ?

Скажи на милость, ну, какого шута
Ты говоришь заведомую ложь?
Лгать – всё равно, что прыгать с парашютом:
Раскроешь поздно – больно упадёшь.

Ты знаешь, где, когда, какую цену
За твой спектакль придётся заплатить?
Наверное, ты спутал жизнь и сцену,
А верилось: ты – ангел во плоти.

Чем целиться в судьбу, попробуй снова:
Мишень... бутылка... в зеркале укор...
Ты знаешь силу сказанного слова?
Ты знаешь цену выстрела в упор?!

* * *

Здесь ветер солнцу гладит космы...
Здесь ангелы на стажировке...
Я выхожу
В открытый
Космос.
Одна. Без «визы». Без страховки.

И красный призрак – Бетельгейзе –
Так обречённо, запоздало
Мигает...
Свет вчерашний, лейся,
Пусть даже пьесу отыграли.

Какая щедрая награда –
Вселенная!.. Метаться поздно:
Замкнуло люк, и нет возврата...
Я выхожу
В открытый
Космос...

* * *

Ворвался снег в моё окно,
Окрасил стены перламутром.
И замерзать обречено
Едва проявленное утро.

А за плечами столько лет,
Растраченных... но не с тобою.
А за плечами столько бед,
Что за улыбкою не скрою.

Судьбу прошу благословить –
И слов, и аргументов тыщи.
И где я спрячусь от любви? –
Она меня везде отыщет.

Меж нами снежная стена
И лабиринты сонных улиц.
Мне снилось: вновь пришла весна,
И с нею мы не разминулись.

МНОГОТОЧИЕ

А мы играли в шахматы весной,
С фигур сдувая лепестки черешни...
И было как-то грустно и смешно
Смотреть, как ты в траву ронял подсвечник.

В который раз... Сгорел мой дивный план
И то письмо, что принесли мне к ночи.
И я не дописала наш роман,
Почувствовав в финале многоточие...

Прошли века. Судьбу благодаря,
Я в этот раз тебя узнала снова,
Когда по пальцам пробежал разряд,
Как если тронуть оголённый провод.

В камине старом больше нет огня.
В музее – шляпы, эполеты, письма...
А с шахматной доски снесло коня.
Ничья. В сопротивлении нет смысла...

* * *

Раскаянного не быют.
А ваши слова, как бритвы.
Вы выиграли дебют,
Но вы проиграли битву.
Не плачу и не клянусь.
Победу вы одержали.
Вы выиграли войну –
А вот любовь...
Проиграли.

ПРИЗНАНИЕ ШАХМАТИСТА

Я жертвую слона и пешку:
Ведь мы с тобою не враги.
Твои глаза твердят:
– Не мешкай!
А губы шепчут:
– Берегись!

Какая глупая потеря,
Какой бессмысленный гамбит:
Не верю, всё ещё не верю,
Что у любви есть свой лимит.

Я предрекаю, словно Ванга:
Ходите ж лошадью, мадам!
Я пред угрозою цугцванга
Свои фигуры не отдам.

Я знаю все твои уловки.
Победа это иль вина...
Меня толкаешь к рокировке?
Она сильнее сблизит нас.

Пусть шепчут справа мне и слева,
Что славой жертвовать нельзя –
Я ради белой королевы
Отдам и душу, и ферзя...

Что! Детский мат? Не надо мата,
Я подчинюсь своей судьбе...
Чтоб «вас любить любовью брата»,
А, может быть, ещё глупей.

Победа! Смейся! Срочно, в стремя –
Сбегаю! Партия – твоя!
Вернуться? У тебя есть время?
И даже чувства? Есть ли... Я?

* * *

Я нарушаю правила игры.
И, жертвуя ферзём за пешку,
С наивной детскою усмешкой
Твержу, что правила стары.

И, на ходу влетев в вагон,
Саму судьбу поставив на кон,
Вдруг объявляю добрым знаком
Никем не писанный закон.

Но поезд в прошлое умчал,
Нас высадив на полустане,
И мы зализываем раны,
Уже ища другой причал.

Не останавливай меня,
Отсчёт пошёл... Пусть это глупо:
Не будем же скучны и скупы,
Махнём полцарства на коня?!

Рождаясь, рушатся миры...
Финал? Развязка? Выход есть.
Пора, пора – Е-два – Е-шесть!
Я изменяю
правила
игры.

* * *

Останемся друзьями. Это счастье –
Душа не ноет, сердце не щемит.
Ну, вот и всё. Пришла пора прощаться –
Ни слёз, ни обещаний, ни обид.

Останемся? Так просто. И так мудро.
Прощай, прощай... и глазом не моргну,
Останемся. Смываем грим и пудру,
Останемся. Дай руки разомкну...

Раиса КАШКИРОВА, Димитровград. Руководитель писательской организации «Слово», член правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВСТРЕЧА В «ПОЭТИЧЕСКОМ ГОРОДЕ»

Одиннадцатого января в димитровградском Дворце книги состоялась великолепная литературно-музыкальная встреча трёх писателей, трёх талантливых авторов. Это был настоящий «Поэтический театр», первое представление из множества предстоящих встреч проекта «Поэтический город», который писательская организация «Слово» задумала провести в 2020 году. Живые голоса Евгения Степановича Ларина, Александра Александровича Тимакова и Фёдора Андреевича Горобцова превратили Дворец книги в волшебный храм поэзии и музыки.

Слушатели, затаив дыхание, со слезами на глазах, внимали каждому слову поэта-фронтовика Евгения Ларина, мэтра димитровградской поэзии. Великолепный мастер слова, он безупречно владеет искусством декламации, легко и проникновенно доносит до каждого сердца простые и в то же время бесценные истины...

Поэт-фронтовик Евгений Степанович Ларин

Торжественно звучали стихи о войне и мире, о труде и любви, о суровой судьбе солдата, горькие строки о тех, кто, защищая Родину до последнего вздоха, не вернулся с полей сражений и о тех, кто, ожидая воинов с фронта, совершал героический подвиг в тылу.

Выступает Федор Горобцов

Читательница Галина Карасёва блестяще прочла одно из новых стихотворений Е.С. Ларина «Виноград».

Уже не в первый раз зал Дворца был покорён сатирично-ярким слогом и музыкальностью Фёдора Горобцова.

Поэт Александр Тимаков

Трогательно глубокие стихи и песни Александра Тимакова светло и трепетно отзывались в душе зрителей.

В зале было много димитровградских писателей. Но все они сегодня были только благодарными слушателями, абсолютно свободными от какого-либо напряжения, связанного с обязательствами выйти на сцену.

Евгений Ларин и Александра Белова

Никому не хотелось завершать эту встречу, этот праздник Поэзии и Песни.

Мы радовались успеху коллег и восхищались ими. И в отношении поэтического братства для нас всегда будет образцом Евгений Ларин. Евгений Степанович, буквально для каждого из пришедших на

встречу писателей нашел добрые слова, наизусть декламируя гостю его же строки. Это удивительное качество (вот сейчас не побоюсь этого слова) великого и очень скромного, по своей сути, поэта, который избавлен от чувства особой собственной значимости. Евгений Степанович, в отличие от некоторых современных мэтров, умеет искренне радоваться чужому успеху, вдумчиво читает произведения не только классиков, но и коллег-современников. Это бесценное качество, необходимое для жизнеспособности и развития любого союза, объединяющего людей творческих.

Мы будем приглашать на встречи проекта «Поэтический город» ульяновцев, карсунцов, суровчан и других авторов. Приглашать гостей

Светлана Зазимко, Федор Горобцов, Раиса Кашкирова, Евгений Ларин, Александр Тимаков, Наталья Резникова

из всех городов и весей Ульяновского края в качестве выступающих и в качестве неравнодушных слушателей.

В этом нам есть на кого равняться...

Хочется поблагодарить за теплый приём коллектив Дворца книги, а также за работу операторов, освещавших встречу (Альберта Болотаева, Юрия Шерстнёва, Ингу Гаак), всех участников вечера, в том числе клуб любителей поэзии «Эхо» и его руководителя Светлану Зазимко. Благодарю поэтов, музыкантов, ожививших сцену, за пронзительное состояние истинного счастья – слушать и слышать, быть сопричастными высокому искусству, которое наши замечательные гости щедро и безупречно дарили аудитории!

Участники вечера, ульяновские поэты-барды Федор Горобцов и Александр Тимаков были впечатлены встречей с Евгением Степановичем Лариным. И в тот же день написали стихи-посвящения старшему собрату по перу.

Александр ТИМАКОВ

* * *

Сегодня классик выступал
И я за ним вослед.
Я плакал сам, как он читал
Стихи, Большой Поэт!

И слушал зал, заморожен,
Его нехитрый слог.
Не нужен стал и микрофон,
А я понять не мог,

Откуда взялось столько сил,
Что тремор рук пропал.
Поэта стих преобразил,
И зал рукоплескал...

Он старше был на тридцать лет!
Увы, таков расклад!
Но слово произнёс Поэт,
И вот, глаза горят,

Точны движенья, взгляд остёр,
А голос звучен так,
Что сердца пламенный мотор
Стучится рифме в такт.

Да, чудо сделала строка,
И в этот самый миг,
Вдруг, из сухого старика
Он Глыбою возник!

И я несколько не стыжусь
Поступка своего.
Главой своею поклонюсь
В пригоршни рук его...

Фёдор ГОРОБЦОВ

* * *

Я для поэта слишком лапидарен
И не люблю избытка лишних фраз,
Но то, что преподавал сегодня Ларин!
Меня он восхитительно потряс!

Был стих простой и незамысловатый,
Но эта боль и эта простота
В устах Россию спасшего Солдата
Звучала светлой истиной Христа.

Я уезжал в Симбирск из Мелекесса,
И чувствовал себя великим Крезом,
Неся в душе открывшийся мне клад.
Храни вас Бог, Поэт, Мудрец, Солдат.

Сергей ГОГИН, поэт, журналист, руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке №8.

МАНДЕЛЬШТАМ КАК ХРИСТИАНСКИЙ ПОЭТ?

На очередном заседании в литстудии «Восьмерка» говорили об Осипе Мандельштаме. Дмитрий Сергеев, который выступил с маленькой вступительной лекцией, увидел Мандельштама прежде всего как христианского поэта: страдающего метафизика, устремленного к потустороннему, предощущавшего свою смерть, даже готовившегося к ней и в этом смысле (на мой взгляд, рискованное заявление) повторившего подвиг Христа. Действительно, его эпиграмму на Сталина называли самоубийственным актом (не сам стих, а то, что он его читал разным людям, за что и поплатился). При этом сам поэт сознавал, что за свой творческий и в значительной степени честолюбивый порыв может заплатить жизнью, и все-таки пошел на это. Об эпиграмме знал добрый десяток людей, причем от самого поэта, что по тем временам было с его стороны безрассудством. Бенедикт Сарнов в книге «Сталин и писатели» утверждает, что угаить эти стихи в себе Мандельштам не мог, ибо такова природа поэта: быть услышанным, донести до людей то, что надиктовало ему вдохновение, иначе поэт зачахнет.

Главное же, что увидел Дмитрий в Мандельштаме, – не его трагедия, а его духовная устремленность, которую Сергеев считает именно христианской духовностью. По его мнению, поэт не рассчитывал на собственную трагедию и

не готовил себя в жертву: «Он старался увидеть и сформулировать собственные прозрения, а его прозрения – духовные, а не исторические. Мы слишком повязаны собственной историей, исторической проблематикой, что не видим настоящих откровений. Мы больше зачарованы трагедией героев серебряного века, чем их духовными открытиями и возможностями. Их сознание бытием не определялось. Это были гордые люди, у которых было больше общего с ангелами и демонами, чем с нами, их потомками».

В дискуссии возникла и другая точка зрения: в Мандельштаме важнее его христианства то, что он был поэтом в чистом виде, жил поэзией и для поэзии, причем поэзии звучащей. Как писал Бродский, Мандельштам создавал вокруг себя звуковой купол, под которым встречались и резонировали голоса всех больших поэтов, живших до него. Важно то, что для Мандельштама стихи были «вспышками сознания в беспмятстве дней». Христианство само по себе не делает человека поэтом, а вот хороший поэт – он уже отчасти христианин, в более широком смысле, человек духа вне конфессиональной идентичности.

Говорили мы и о том, что появление Мандельштама было возможно только в начале XX века, когда в литературу и прочие искусства пришел модернизм как высшая фаза творческого развития и воплощения чистого человеческого духа. Говорили о понимании поэтом неразрывной связи тела и духа на примере стихотворения «Дано мне тело...». Говорили о том, что биография важна для понимания творчества поэта, но – опосредованно. Рассуждали, каким бы поэтом мог стать Мандельштам, если бы не 1917 год, если бы страна развивалась эволюционно.

На вопрос, смог ли бы состояться Мандельштам как поэт без трагедии советского режима, в который он не вписался, Дмитрий Сергеев отвечает так: «Собственно, он состоялся как поэт раньше, до революции, но, я уверен, мог бы сделать больше и лучше без кошмаров, среди которых был вынужден жить. Вообще, мы неизбежно рассматриваем на литстудии произведения в контексте русской истории. Я сам всегда был сторонником этого подхода, но сейчас задумался, правильно ли это. Или точнее, насколько это верно. Ведь, например, поэзия Мандельштама, особенно ранняя, периода сборника

«Камень» – это метафизика, это устремленность во что-то, что не привязано крепко-накрепко к проблемам и ситуациям быта и истории, к социальной. Ведь чтобы понимать эту поэзию, надо действительно ориентироваться не только и не столько в периодизации и проблематике русской истории, но и понимать, чувствовать вопросы и проблемы духовности. Недостаток интереса современного читателя к Мандельштаму я понимаю ещё и как недостаток интереса к духовности. Есть интерес к психологии, сексуальности, социальности, политике, но современный человек не чувствует себя духовным существом, даже попросту отрицает в себе это начало».

Думается все же, что процент людей, устремленных к подлинной духовности, во все времена был приблизительно одинаков, как и процент людей, читающих стихи. Назовем этих людей духовной элитой (которую, увы, можно насильственно проредить или обескровить). И это даже не связано с формальной религиозностью обществ. Общество чувствуют избыток или недостаток духовности, регулирует этот процесс, и тогда мы наблюдаем периоды большей или меньшей ее интенсивности.

Историчность, биографичность нашего сознания естественна: мы слишком зависим от жизни социума, завязаны на него. Куда денешься от мировой войны, например? Она стала фактом истории, общественного и личного сознания. Внешние, особенно масштабные, события определяют личное бытие, идентичность, самосознание, и никуда от этого не деться. Мандельштам не прятал своей духовности, но откровение посреди чистого мирного поля – это одно, а посреди поля боя со взрывами, пулями, дымом и воронками от снарядов – другое. Сказал же философ, что поэзия после Освенцима невозможна. Это будут разные откровения, но и откровение посреди страдания не исключает чисто духовно-эстетического его воплощения в поэтическом тексте. Да, иногда хочется вырвать себя из исторического контекста, но по размышлению понимаешь, что это невозможно, разве что на время, например, в моменты общения с природой.

В общем, в литстудии было традиционно интересно и поучительно. Стихи Мандельштама стали поводом к глубоким обобщениям духовно-философского плана, дали приращение смыслов, что является даже не побочным продуктом студии, а, скорее, ее целью.

РЕЗИДЕНЦИЯ В ИСЛАНДИИ ДЛЯ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Резиденция-2020 в Рейкьявике, городе литературы ЮНЕСКО, будет посвящена детской литературе и связана с Международным фестивалем детской литературы Múgin. Резиденция принимает заявки от авторов детских художественных произведений из городов литературы ЮНЕСКО, в том числе из Ульяновска. Жюри выберет одного автора, который будет работать в резиденции с 1 по 31 октября 2020 года. Организаторы оплачивают проезд писателя, предоставляют ему апартаменты для проживания и стипендию 800 евро.

Заявки принимаются до 1 марта 2020 года. Подробности и форма заявки <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

КНИГУ-ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ ДАНИЛЫ НОЗДРЯКОВА ВЫПУСТИТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЙМЕГА»

В декабре в Подмоскovie прошли семинары Союза писателей Москвы, по итогам которых известное издательство «Воймега» выпустит книги нескольких поэтов из разных городов. Одной из выбранных издательством рукописей стала книга стихотворений ульяновского поэта Даниила Ноздрякова. Семинары Союза писателей Москвы проходили уже в 19-й раз. В этом году заявки на конкурс прислали 404 автора из России, ближнего и дальнего зарубежья. Подробности <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

КОНКУРС «ЗА ВОЛЮ И ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ»

В Ульяновске подвели итоги Всероссийского литературного интернет-конкурса для людей с ограниченными возможностями здоровья «За волю и любовь к жизни», посвященного Елене Токарчук. Подробности и итоги конкурса – на сайте «Первая Роса» <https://www.moyarosinca.com/конкурсы/конкурс-за-волю-и-любовь-к-жизни/>

ДЭВИД ХОВАРД О ПИСАТЕЛЬСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ В УЛЬЯНОВСКЕ – В ЖУРНАЛЕ CAGIBI

В американском литературном журнале Cagibi вышло интервью с гостем писательской резиденции в Ульяновске, новозеландским поэтом Дэвидом Ховардом. Автор рассказал Гале Узрютовой о работе в Ульяновске, новозеландской литературе, хореографии письма и др. Читать <https://cagibilit.com/gala-uzryutova-interviews-david-howard/>

Дэвид Говард и Гала Узрютова на берегу Волги в Ульяновске.
Фото: Дмитрий Потапов.

«БОЛЬШАЯ КНИГА», «ЛИЦЕЙ» И «КНИГУРУ» ОТКРЫЛИ ПРИЕМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Три известные литературные премии начали прием работ. «Большая книга» принимает тексты до 29 февраля (bigbook.ru), «Книгуру» – до 15 марта (kniguru.info), «Лицей» – до 15 марта (pushkinprize.ru).

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др. Для подписки отправьте ваш e-mail на [infopoint.ulskcityofliterature@gmail.com](mailto:ulskcityofliterature@gmail.com)

В 2019 году увидела свет книга «В борьбе за народную трезвость», в которую вошли автобиография, статьи и очерки священника Сергея Петровича Петровского (1881 – 1933).
Составитель книги – Мария Кирилловна Расторгуева.

Мария РАСТОРГУЕВА, Москва.

ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА

Имя и деятельность священника Сергея Петровского хорошо знакомы местным краеведам, современным борцам за народную трезвость, да и многие читатели журнала, возможно, помнят опубликованные в 2016 году в «Симбирске» отрывки из его автобиографии.

Минувшей осенью во Дворце книги состоялась презентация книги о. Сергея Петровского.

Добрую память о себе оставил отец Сергей в селе Карлинском Майнского района, где с 1906 по 1930 году он был настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы. О взаимоотношениях своей семьи с семьей Петровских рассказала на презентации книги старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова, заслуженный работник культуры Татьяна Алексеевна Громова, сама уроженка Карлинского. Интерес вызвало не только ее выступление,

названное «И друг, и отец духовный», но и выставочный стенд, на котором были представлены семейные реликвии.

Выступление еще одного уроженца Карлинского – журналиста, краеведа Владимира Константиновича Кузьмина было посвящено Карлинскому обществу трезвости, а две его статьи на эту тему вошли в представляемую книгу.

Среди выступавших были: протоиерей Анатолий Капранов, настоятель храма во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба в р.п. Вешкайма, председатель церковно-исторического отдела Симбирской епархии иерей Алексей Шалахов, заведующая сектором отдела литературы по искусству Дворца книги Лариса Утина, директор Карлинской школы Р.Н. Горячев, представитель Свято-Троицкого общины М.И. Саунин, составитель книги Мария Кирилловна Расторгуева.

Чем же так запомнился людям священник Сергей Петровский? Что заставляет нас сейчас, через сто с лишним лет, вспоминать о его жизни и трудах?

Сын сельского дьякона, отец Сергей с детства видел, как отмечали крестьяне церковные и семейные праздники: водка, вино лились рекой. Видел он до какого безобразия доходит пьяный человек, и с юных лет в нем зрело решение противодействовать этому злу, желание помочь людям найти другой путь – трезвый.

В то время широко были распространены идеи народничества – нести свет знания, здоровья, нравственной чистоты в народные массы. Проходя курс обучения в духовном училище и впоследствии в семинарии, которую окончил одним из лучших учеников, молодой Сергей Петровский не желает для себя никакого иного пути – он жаждет быть рядом с горячо любимым им простым русским людом. В 1903 году отец Сергей начинает свой путь сельского священнослужителя, с 1906 года возглавляет приход в Карлинском.

Как часто бывает в жизни: идеальные мечты разбиваются о реальность, не хватает жизненного опыта, кажется, что отношения не складываются – и в 1908 году, воспользовавшись нововведением – разрешением дальнейшей учебы женатым священникам, отец Сергей поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию. В Карлинском заканчивается строительство нового каменного храма. Отец Сергей решает в день освящения храма после литургии попрощаться с прихожанами и уехать с женой в Петербург. Имущество распродано, всё готово к отъезду.

В своей автобиографии отец Сергей описывает этот день и совершенно неожиданную для него просьбу-рыдание ранее всегда внешне сдержанного по отношению к нему карлинского народа: «Не уходи, пожалей нас, останься». Тогда все стоящие в храме люди разом опустились на колени. Потрясенный до глубины души происходящим, не смог отец Сергей ответить отказом. И с этого момента всю свою жизнь, силы, мысли, волю он окончательно отдает делу помощи столь любимому им русскому крестьянству.

7 декабря 1908 года священник Сергей Петровский открывает Карлинское общество трезвости, взяв за основу принцип работы Александро-Невского общества в Петербурге, основанного священником Александром Рождественским, получившим в народе имя «апостола трезвости».

Начиная с 1910 года в Симбирской епархии активно создаются общества трезвости. Священники, решившие отдать свои силы этому благу делу, не скрывают, что примером для них являются карлинцы, об этом свидетельствуют заметки и статьи в «Симбирских епархиальных ведомостях» того времени.

Деятельность большинства обществ трезвости была ограничена приходом, так как считалось, что невозможно уследить – будут ли жители других мест исполнять обет, не нарушат ли данного слова... Не сразу, но все же отец Сергей получает от епархии разрешение принимать в свое общество всех жела-

ющих, так как к нему едут отовсюду: из Симбирска, из других городов и сел и даже из других губерний. Конечно, это хлопотно: переписка с людьми, давшими обет трезвости, с их приходскими священниками отнимает время, но это и радостно – каждый новый трезвенник – лучик света, и чем дальше он тянется, чем большее количество людей видит его, тем лучше для общего дела борьбы с «зеленым змием».

Деятельность отца Сергея была настолько успешной, что в январе 1915 года за выдающуюся пастырскую деятельность и насаждение трезвости он был награжден золотым наперсным крестом из Кабинета Его Императорского Величества Николая II.

В Карлинском существовала не только церковно-приходская, но и церковно-учительская школа, которая готовила учителей, – одна из лучших в Симбирской епархии. Заведующий и законоучитель этих школ – отец Сергей. Высокими требованиями к качеству обучения славилась эта школа в советское время, сохранились они до наших дней – школа успешно действует.

Осенью 1917 года отцу Сергию исполнилось 36 лет. Он полон сил, энергии, планов, но Октябрьский переворот перечеркнул всё. Его молитвы, трезвенническая деятельность, опыт работы с людьми новой власти не нужны, его желание нести людям свет доброй жизни натывается на мракобесие и злобу, сыновьям запрещено посещать школу, которой он отдал столько сил и заботы.

В Госархиве Ульяновской области сохранился документ 1926 года – прошение священнослужителей о награждении протоиерея Сергея Петровского: «...на протяжении двадцатилетней совместной с нами его пастырской службы и деятельности он был для нас и для всех его знающих в собственном смысле образом – слова, жития, духа, веры, любви и чистоты. ...Мы видели его с 1917 года в должности благочинного по единогласному и настойчивому избранию округа. И эту трудную обязанность он принял на себя в то время, когда в особенности для Церкви Божией были дни лукавы, когда пастырю, тем более возглавляющему собою других, трудно было быть мудрым, яко змея, и целым, яко голубь. Но и в это трудное время он нимало не сошел с пьедестала своего пастырского величия и, насколько было в его силах, был всем вся, являя собою пример ревнителя веры, строгого блюстителя церковного правопорядка и умелого кормчего, направлявшего церковный корабль в минуты церковно-общественной непогоды к определенной цели, своим примером и авторитетом поддерживающего слабых и проявлявшего милость к падшим...».

Арест в конце 1929 года и пребывание в тюрьме полностью подрывают его здоровье. Отец Сергей умер 16 января 1933 года. Ему был 51 год...

Можно только предположить, какого масштаба могла бы достичь его деятельность при благоприятных условиях.

И в наше очень непростое в этом отношении время хочется верить, что свет трезвости, осветивший когда-то Симбирскую епархию, не погас, что вновь в каком-то из церковных приходов разгорится этот, такой нужный людям, огонек.

В сентябре 1911 года отец Сергей в составе группы представителей Поволжья присутствовал на торжестве прославления святителя Иоасафа Белгородского, о чем оставил живое свидетельство.

Священник Сергей ПЕТРОВСКИЙ

ПОЕЗДКА В БЕЛГОРОД

Очерк из книги «В борьбе за народную трезвость»

Тихий, теплый вечер догорал, и только купола городских церквей темными силуэтами вырисовывались в вечернем сумраке, когда наш поезд, подъезжая к Белгороду, повернул вдоль города к вокзалу. Город принял нас ласково, лишь только мы вступили на его территорию: к нашим услугам и квартира, и извозчики, и все необходимое – и все это, нужно заметить, по самой подходящей цене, без всякого намека на представившийся случай наживы и на бесцеремонное обирание простодушных богомольцев, как это обычно бывает в подобных случаях.

Утром 2 сентября, лишь только первые лучи солнца осветили город, мы были уже около монастыря. На площади и около монастырских ворот была масса народа, все стремились проникнуть за ограду, всем хотелось пройти в пещеру Святителя и там, у его святой гробницы, излить свое горе, выплакать свою наболевшую душу, обремененную грехами, измученную невзгодами жизни... А около монастырской стены расположилась больная, страдающая нищая братия, один взгляд на которую заставлял тоской и острой болью сжиматься непривычное к таким зрелищам сердце. Тут были и слепые, и хромые, и калеки всевозможных ужасающих форм. И все это стонало, плакало, пело жалобным голосом, молило «милостивых благодетелей» подать копейку, сжалиться над их действительно ужасной долей.

Нас пропустили за стены монастыря, и нашим глазам представилась такая картина: народная толпа живым тройным кольцом окружала собор, где в небольшой подземной пещерке почивал Святитель, и стояла эта толпа покорная, тихая, благоговейно настроенная; у каждого в руке была трудовая свеча, которую каждому хотелось самому донести до гробницы Святителя и там положить у его подножия. Долгое, томительное ожидание! Говорили, что очередь приложиться к святым мощам приходила через 8-10 часов. Но и это долгое стояние, по крайней мере, – с надеждой достигнуть пещеры и поклониться святым останкам Угодника Божия, было счастьем для проникнувших за монастырскую стену, так как большинство простого народа в эти дни не имело и этой возможности.

Ранняя обедня в небольшом приделе, устроенном над самой пещерой, подходила к концу, когда мы в первый раз спустились к гробу Святителя. Пели запричастное, как сейчас помню, ирмос из канона Великой Субботы: «Ужаснися бояйся небо»... Известно, что и вообще-то невозможно без глубокого сердечного волнения слышать пение этих дивных песнопений, а в этой исключительной обстановке в особенности: радость от сознания, что мы у цели своего паломничества, грусть от сознания своей греховности, и вообще какое-то неопишное

Святитель Иоасаф Белгородский

чувство охватило сердце, когда мы по ступеням небольшой лесенки стали спускаться в пещеру. Масса свечей и лампад заливали своим светом небольшую пещерку. Мы увидели стоящий вдоль стены открытый гроб и в нем покрытые святительскими одеждами нетленные останки святителя Иоасафа. Возвышающаяся в изголовии митра, прикрытое воздухом лицо, сложенные на груди руки – все это производило впечатление, как будто Святитель только вчера опочил и что его нетленное тело не 157 лет тому назад, а только недавно положили в этот гроб. В глубоком волнении опустили мы на колена перед этой драгоценной гробницей и с умилением облобызали нетленные мощи Святителя. Монах, стоявший у изголовья, принял наши иконы, крестики и другие вещи, которые мы приобрели на память о Белгороде, и благоговейно прикоснулся ими к святым мощам, а также снабдил нас ватой из гроба, которую богомольцы берут как святыню, как благодатное средство врачевания от разных болезней.

В ожидании поздней литургии мы остались тут же, в соборе, осматривали драгоценную раку, приготовленную для святых мощей; здесь же, в особо устроенном шкафу, находились ризы, в которых почивал святитель в продолжение 157 лет: они не только не истлели, но не изменили даже своего первоначального цвета. Подрясник был, очевидно, ватный – вата не сохранилась, а сама материя осталась целой. Туфли, расшитые золотом по бархату, выглядели как новые. Все эти вещи, повторяем, покоились в течение 157 лет на теле Святителя в темном гробу, в холодной сырой пещере, и тление не коснулось их.

Затем началась поздняя заупокойная литургия, которую совершал епископ Рыльский Никодим, произнесший чудное слово, посвященное памяти Святителя. «Еще немного, – говорил Владыка, – и

опустеет та пещерка, в которую в продолжение многих лет стекались труждающиеся и обремененные разными душевными и телесными недугами. Скоро звуки зауспокойного пения о Святителе сменятся торжественным величанием его, как Угодника Божия». В заключение Владыка приглашал помолиться о святителе Иоасафе и его родителях – боярах Андрее и Марии, так как святитель Иоасаф, являясь многим верующим, открывал им, что ему приятна молитва за его родителей и что в своих молитвах к Богу он не забудет этих людей.

Но из всех зауспокойных богослужений особенного внимания заслуживает всенощное бдение «по парастасу» со второго на третье сентября. Многочисленный сонм архипастырей, зауспокойный характер богослужения, дивные мотивы похоронных песнопений – все это умиляло и трогало душу, как в страстные дни Пятка или Субботы. Пение же «непорочных» с их волнующими душу припевами, с их умиленно-трогательными тропарями – это было что-то для нас неслыханное, чарующее, невольно заставившее забыть все земное и отдаться во власть охватившего нас святого настроения, во власть этих дивных звуков никогда не слышанного пения...

Наступило утро 3 сентября. Это был последний день зауспокойных богослужений. Доступ в монастырь для поклонения Святителю с раннего утра был закрыт, потому что в этот день предполагалось переложение святых мощей в новый кипарисовый гроб. С большим трудом мне удалось проникнуть рано утром за стены монастыря в то время, когда в маленькой церкви над пещерой шла ранняя литургия. Это были самые отрадные, самые незабвенные минуты моего пребывания в Белгороде: за отсутствием народа доступ в пещеру был совершенно свободный, она была пуста; можно было постоять, помолиться и даже, к моей неопишуемой радости, явилась возможность отслужить зауспокойную литию, находясь у гроба с мощами в такой близости, о какой я и не мечтал.

Между ранней и поздней литургиями шли приготовления к переложению святых мощей, и нас, присутствовавших в соборе священников, попросили перенести из алтаря тот кипарисовый гроб с крышкой, в котором почивают теперь мощи Святителя. И когда мы опять спустились в пещеру, поставили гроб на уготованное место и хотели последний раз поклониться святым мощам, иеромонах снял покровы, которыми были покрыты руки Святителя, и вот тут-то мои грешные очи узрели его нетленную десницу, а мои грешные уста облобызали ее.

После поздней литургии и Великой панихиды Московский митрополит и высшее духовенство спустились в пещеру, святые мощи были переложены ими в новый кипарисовый гроб и замкнуты ключом, который был передан ключарю собора.

В шесть часов вечера раздался благовест к тор-

жественной всенощной, но мы, к великому нашему сожалению, были предупреждены, что в собор без особых билетов от господина губернатора пущены не будем. Горько было заранее мириться с таким положением, но мы утешали себя тем, что увидим хотя бы крестный ход со святыми мощами, который должен был после литии пройти вокруг собора и войти во всенощную. Кончился звон, перед нашими глазами закрылись двери собора, и никакие наши протесты и просьбы к полиции и полицмейстеру успеха не возымели. Но вот запели литийные стихиры, западные двери открылись, духовенство во главе с митрополитом подняло из пещеры гроб со святыми мощами и под сенью рипид и хоругвий понесло его вокруг собора. Загорелись свечи в руках богомольцев, загудел торжественный перезвон колоколов, слышались глубокие вздохи и восклицания: «Святитель Иоасафе, моли Бога о нас!». Крестный ход вернулся в западные двери, и снова эти двери закрылись для нас. Только счастливый случай помог нам, некоторым священникам, натолкнуться на боковой алтарный вход и совершенно неожиданно для самих себя проникнуть в самый алтарь, при том в тот самый момент, когда духовенство облачалось и готовилось к выходу на середину храма для величания.

Гроб со святыми мощами стоял посредине храма, по бокам его в блестящих золотых ризах встало духовенство. Митрополит открыл крышку гроба, два священнослужителя отнесли ее в алтарь, и вся церковь, как один человек, опустила на колена. Священнослужители запели величание Святителю, на первом же слове его подхватили голоса всех присутствова-

ших и своды Белгородского собора, как победным торжественным гимном, огласились пением этого первого величания святителю Иоасафу.

Я стоял и просто себе не верил: не сон ли видится мне? Неужели я в Белгороде, на таком дивном и редком торжестве, да еще в том самом алтаре, где этот прославляемый нами святитель когда-то, давно-давно, приносил бескровную жертву? И это был не сон, а действительность, которой не забыть мне никогда! До сих пор на память об этой незабвенной минуте у меня хранится, как дорогая святыня, та восковая свеча, которая горела в моей руке во время обнесения святых мощей вокруг собора и во время пения первого величания Святителю...

Кончилась всенощная и мы сумели пройти из алтаря на середину храма для поклонения святым мощам. Святитель лежал в гробу, будто недавно почивший, под легкой тканью на лице можно было видеть все очертание человеческого лица, на главе блестела архиерейская митра, на груди возвышались сложенные нетленные руки, и можно было подумать, что мы присутствуем на погребении и даем «последнее целование» умершему, но светло-торжественная обстановка и радостные лица кругом

*Минута была потрясающая.
Что-то пасхальное, победное,
радостное чувствовалось в
сердце, каким-то особенным
восторгом сияли лица, у многих
на глазах блестели слезы
радости и умиления.*

говорили не о смерти и печали, а о воскресении, о нетлении праведных и их вечной славе.

Было около одиннадцати часов ночи, когда мы выходили из собора. За монастырской стеной была несметная масса людей. Пошел сильный дождь, но эта религиозно настроенная толпа не смутилась тем, что промокнет до костей, а покорно осталась ожидать радостного утра, когда должно было совершиться обнесение святых мощей вокруг монастыря и, следовательно, являлась надежда хоть издали увидеть их и поклониться гробу Святителя.

Когда я проходил по слабо освещенной улице города, направляясь к своей квартире, то долго не мог прийти в себя после пережитых сильных впечатлений и высокого подъема духа. В глазах все еще мерцали горящие свечи и, как наяву, стоял в воображении гроб с мощами Святителя, а в ушах раздавалось пение дивного святительского тропаря: «Святителю Христу Богу возлюбленне, правило веры и образ милосердия людям был еси»... И думалось мне: может быть, давным-давно вот этой же темной улицей и этой же самой тропой шел передетый, никем не замечаемый Святитель Христов Иоасаф и в своих святых руках нес свою щедрую милостыню куда-нибудь на край города, в убогую

сиротскую лачугу или в мрачную городскую тюрьму. Но не скрылся свет добрых дел его пред очами человеческими: больше чем полтора века прошло с того времени, когда жил Святитель, многое из человеческих деяний забылось и стерлось за это продолжительное время с жизненных страниц, но не забылись добродетели святителя Иоасафа: за далью почти двух столетий они так же ярко, как и при жизни, сияют теперь от гроба его. И изливаются благодеяния и милости на всех с верою и любовью просящих его помощи, на всех страдающих и обремененных всякими недугами, на всех отягченных грехами многими...

«Святителю Христу Богу возлюбленне, правило веры и образ милосердия людям был еси, бдением же, постом и молитвою яко светильник пресветлый просиял еси, и прославлен от Бога явился еси: телом убо в нетлении почивая, духом же престолу Божию предстоя, чудеса преславные источаеши. Моли Христа Бога, да утвердит Отечество наше в православии и благочестии и спасет души наша» (Тропарь).

1911 год

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

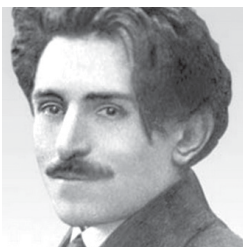
ФЕВРАЛЬ 2020

2 февраля – 50-летний юбилей отмечает поэтесса и прозаик **Инга Альбертовна Гаак** (р. 2.02.1970, г. Мары Туркменской ССР). Училась в Тартуском университете. С 1993 года живёт в Димитровграде. Публиковалась в журналах «Черемшан», «Казанский альманах», «Карамзинский сад», «Симбирскъ» и др. Автор и соавтор книг «Песни Ангела дорог», «На шахматном поле сегодня метель...», «Длягришкины сказки», «Ловцы видений». Член Союза писателей России (2012). В 2013 году была занесена на Доску почёта города Димитровграда.

8 февраля – 120 лет назад родился литературный критик **Лев Матвеевич Субоцкий** (8.02.1900, г. Рязань – 11.10.1959, г. Москва). В 1917 – 1920 гг. жил и работал в Сызрани. После подавления Кронштадтского восстания был направлен в Симбирск, где возглавил губернскую газету и губполитпросвет. В 1935 – 1937 гг. ответственный редактор «Литературной газеты», зам. редактора журналов «Красная новь» и «Новый мир». Автор статей о писателях М. Горьком, А. Фадееве, В. Гроссмане, К. Симонове и др.

9 февраля – 135 лет назад родился армянский поэт и общественный деятель **Ваан Сукиасович Терьян** (9.02.1885, д. Гандзани, ныне Богдановского р-на Грузии – 7.01.1920, г. Оренбург). Дед поэта Б.Ш. Окуджавы. Окончил Лазаревский институт восточных

языков в Москве (1906). Автор поэтических сборников «Грёзы сумерек» (1908), «Стихотворения» (1912), «Страна Наири» (1915) и др. В октябре 1919 года по пути из Москвы в Ташкент был проездом на железнодорожных станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово.

10 февраля – 130 лет со дня рождения поэта и прозаика **Бориса Леонидовича Пастернака** (10.02.1890, г. Москва – 30.05.1960, Переделкино, Московская обл.). Возвращаясь в июне 1916 года с Северного Урала в Москву через Самару и Сызрань, был проездом в Симбирской губернии. Автор книг «Близнец в тучах» (1914), «Детство Люверс» (1918), «Воздушные пути» (1933), «Второе рождение» (1934), «Грузинские лирики» (1935), «На ранних поездах» (1943), «Доктор Живаго» (1957) и др. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1958).

бирской губернии. Автор книг «Близнец в тучах» (1914), «Детство Люверс» (1918), «Воздушные пути» (1933), «Второе рождение» (1934), «Грузинские лирики» (1935), «На ранних поездах» (1943), «Доктор Живаго» (1957) и др. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1958).

12 февраля – 150 лет назад родился историк искусства и археолог **Борис Владимирович Фармаковский** (12.02.1870, г. Вятка, ныне Киров – 29.07.1928, пос. Парголово Ленинградской обл., ныне Выборгского р-на С.-Петербурга). В 1879 – 1881 г. учился в Сим-

бирской гимназии, дружил с Володей Ульяновым. Окончил Новороссийский университет. Автор сочинений «Вакхилид и аттическое искусство V в.» (1898), «Гера Поликлета» (1901), «Архаический период в России» (1914), «Художественный идеал демократических Афин» (1918) и др.

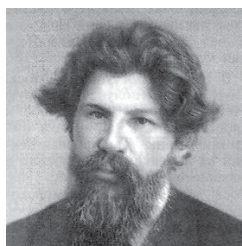
15 февраля – 60-летний юбилей отмечает писатель **Василий Владимирович Дворцов** (р. 15.02.1960, г. Томск). Автор романов, повестей, рассказов. С 2009-го секретарь, член правления Союза писателей России. Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова (2013). Был в Ульяновске 16 июня 2013 года на вручении премии, выступал на гончаровском празднике «Под парусом «Паллады» в Винновской роще; участвовал 18 июня 2017 года в Большом литературном собрании «Слово о Гончарове» во Дворце книги. Живёт в Москве.

чарова (2013). Был в Ульяновске 16 июня 2013 года на вручении премии, выступал на гончаровском празднике «Под парусом «Паллады» в Винновской роще; участвовал 18 июня 2017 года в Большом литературном собрании «Слово о Гончарове» во Дворце книги. Живёт в Москве.

20 февраля – 45-летний юбилей отмечает поэт **Андрей Юрьевич Цухлов** (р. 20.02.1975, г. Сланцы Ленинградской обл.). Окончил Ульяновский педагогический университет. Сотрудник пресс-службы Законодательного собрания Ульяновской области. Публиковался в

журналах «Карамзинский сад», «Мономах», «Симбирск», сборнике «С любовью трепетной» и др. Автор изданных в Ульяновске поэтических книг «Четверговый дождь» (2000), «После четвергового дождя» (2006), «Сверчок и поезд» (2011). Член Союза писателей России (2006).

21 февраля – 160 лет назад родился писатель **Алексей Сергеевич Погорелов**, настоящая фамилия – Сигов (21.02.1860, Майкорский завод Соликамского у. Пермской губ., ныне пос. Майкор Пермского края – 19.01.1920, г. Ставрополь). Совершал частые поездки по Рос-

сии, в одну из которых посетил Симбирск. Дружил с В.Г. Короленко. Автор рассказов «Мрак» (1895), «В потёмках» (1903), «Первые лучи» (1906), «Пробуждение» (1906), повести «Перед грозой» (1899), очерка путевых впечатлений «По Волге, Каме, Белой» (1918) и др.

21 февраля – 70 лет со дня рождения дагестанского поэта, драматурга и переводчика **Багаутдина Анваровича Аджиева** (р. 21.02.1950, г. Махачкала). Автор многих пьес, более 100 песен. Переводил пьесы А.Н. Островского, А.П. Чехова и др. С 20 по 26 апреля 1987 года

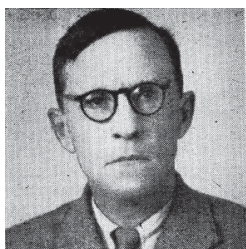
участвовал в Днях дагестанской культуры в Ульяновске, проводил творческие встречи на автозаводе, в совхозах им. Крупской и «Тепличный», в Ивановском детдоме им. Матросова. Член Союза писателей России. Заслуженный деятель искусств Республики Дагестан.

21 февраля – 65-летний юбилей отмечает историк **Сергей Владимирович Карпенко** (р. 21.02.1955, г. Астрахань). Сын В.В. Карпенко, который в 1967 – 1971 гг. возглавлял Ульяновскую писательскую организацию. С 12 лет жил в Ульяновске, учился в школе №2. Окончил

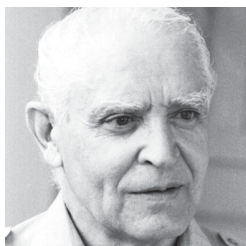
Московский историко-архивный институт (1978). Преподаёт там же, живёт в Москве. Автор произведений о Белом движении и Гражданской войне в России. С 2000 года – главный редактор журнала «Новый исторический вестник». Член Союза писателей России (2006).

23 февраля – 160 лет назад родился духовный писатель, мемуарист и эссеист **Иван Павлович Ювачёв** (23.02.1860, г. С.-Петербург – 17.05.1940, там же). Отец д. И. Хармса. Переписывался с Л.Н. Толстым. В 1902 г. Женится на Н.И. Колюбакиной из с. Дворянская Терешка (ныне пос. Радищево Ульяновской обл.). Не раз бывал в Симбирске, в т.ч. в июне 1902-го и в октябре 1908 года. Автор книг «Восемь лет на Сахалине» (1901), «Сестра Варвара» (1903), «Монашество и трезвость» (1909), «Между миром и монастырём» (1913) и др.

23 февраля – 110 лет со дня рождения писателя **Александра Герасимовича Костина** (23.02.1910, г. Сенгилей Симбирской губ., ныне Ульяновской обл. – 29.01.1992, г. Нижний Новгород). Учился в Нижегородском университете. В 1932 – 1935 гг. был ответственным секретарём журнала «Натиск» (г. Горький). Член Союза писателей СССР (1934). В 1935 году по надуманным обвинениям получил 5 лет лагерей. Вернулся к литературе в 1955 году. Автор рассказа «Глуховка» (1930), книги «Рабочая гордость» (1980), повести «Хитрый Егор» (1990) и др.

Член Союза писателей СССР (1934). В 1935 году по надуманным обвинениям получил 5 лет лагерей. Вернулся к литературе в 1955 году. Автор рассказа «Глуховка» (1930), книги «Рабочая гордость» (1980), повести «Хитрый Егор» (1990) и др.

23 февраля – 100 лет назад родился табасаранский поэт, драматург **Муталиб Митарович Митаров** (23.02.1920, с. Кандик Дагестанской обл., ныне Хивского р-на Дагестана – 11.03.2011, г. Махачкала). Автор многих поэтических книг, в т.ч. сборника «Счастье» на табасаранском языке (1954). Был в Ульяновске на Днях дагестанской культуры 20-26 апреля 1987 года, выступал на творческих встречах. Член Союза писателей СССР (1953). Заслуженный работник культуры Дагестанской АССР. Народный поэт Дагестана (1990).

Член Союза писателей СССР (1953). Заслуженный работник культуры Дагестанской АССР. Народный поэт Дагестана (1990).

23 февраля – 70 лет со дня рождения поэта **Сергея Ивановича Глушко** (р. 23.02.1950, г. Барановичи Белорусской ССР). Окончил ветеринарный факультет Ульяновского сельскохозяйственного института (1974). Работал на различных должностях в разных сферах

народного хозяйства, последние 20 лет – на предприятии «Витязь» (Ульяновск). Стихи публиковал в альманахе «Свет зарницы», сборнике «Золотая осень» и др. Автор поэтических сборников «Апостол» (1999), «Рябиновый огонь» (2014), «Золотой листопад» (2019).

24 февраля – 125 лет назад родился прозаик, журналист **Евгений Филиппович Иванов** (24.02.1895, с. Шемурша Буинского у. Симбирской губ., ныне Шемуршинского р-на Республики Чувашия – 23.12.1973, г. Новосибирск). В 1905 – 1914 гг. учился в Симбирской мужской гимназии. С 1910 года печатался в симбирских газетах. Окончил Казанский университет. Автор книг «Рождение Мал-Хадари» (1935), «Это было в горах» (1954), «Высота 2222» (1958), «Знакомыми тропами» (1964) и др. Член Союза писателей СССР.

24 февраля – 40 лет исполняется писателю **Константину Александровичу Сазонову** (р. 24.02.1980, г. Орск Оренбургской обл.). Окончил Оренбургский государственный университет. С 2015 года живёт с семьёй в Ульяновске. Работает руководителем департамента

информации и общественных связей Ульяновского автомобильного завода. Автор циклов очерков «Чеченский дневник», «Современный очерк». Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова за роман «Фома верующий» (2018). Член Союза журналистов России.

26 февраля – 65-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик **Людмила Алексеевна Евдокимова**, литературный псевдоним – Ртищева (р. 26.02.1955, г. Ульяновск). Окончила Ульяновский педагогический институт. Работала в газетах, на радио. Автор поэтических

сборников «И есть кому меня любить» (1992), «Час без декораций» (1992), «Последний паром» (1996), «Непрожитый день» (2001), «Песчинки счастья» (2005), книги прозы «Один из вариантов жизни» (2005). Член Союза писателей России (1999). Живёт в С.-Петербурге.

320 лет со дня рождения гравёра и переводчика **Степана Михайловича Коровина** (около 1700, г. Синбирск, ныне Ульяновск – 14.10.1742, г. С.-Петербург). В 1715 определён подьячим в канцелярию Петра I. В 1725 зачислен переводчиком книг при Петербургской академии наук. Перевёл с французского «Примечания на наблюдения затмения первого спутника Юпитера» Карона (1726), речь И.-Н. Делиля о вращении Земли и системе миров (1728); «Описание о Японии» Карона (1734, совместно с И. Горлецким), где Коровин назван «синбиренином».

230 лет назад родился поэт, баснописец **Александр Карлович Маздорф** (около 1790, ? – ?.01.1820, г. Симбирск). С 1810 года в чине титулярного советника служил в Симбирском полицейском управлении частным приставом. В 1817-м вышел по болезни в отставку. Жил в нужде, занялся литературной деятельностью. В 1818 году провёл некоторое время в Ишеевке и Ставрополе-на-Волге (ныне г. Тольятти). Публиковал эпиграммы и басни в журналах «Вестник Европы», «Благонамеренный». Сочинял прозу, сказки, переводил афоризмы.

А.С. Пушкина, «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Колхиду» К.Г. Паустовского, «Созревание плодов» Б.А. Пильняка и др. Печатал статьи на литературные темы. С 1947 года жил у дочери в Ульяновске.

130 лет назад родился литературовед, переводчик **Давид Ройхель** (1890, г. Кременец Волынской губ., ныне Тернопольской обл. Украины – 1950, г. Ульяновск). Дед писательницы Рахель Лихт. С 1913 года работал в издательствах гг. Вильно, Киев, Одесса. Перевёл и издал на идише рассказы А.И. Куприна, «Повести Белкина»

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ФЕВРАЛЯ

Инга ГААК (р. 1970)

ПО ЧЕРЕМШАНУ

Навстречу осени идём,
Шурша листвою облетевшей.
А я во времени прошедшем,
А я всё грежу летним днём.

В байдарке только мы с тобой.
Скользим, послушные теченью,
Я – то пою по настроенью,
То наслаждаюсь тишиной.

Протока... Иволг пересвист
В прохладной зелени ракиты.
На кружевах корней подмытых
Каймой ажурной – остролист.

Стрижи мелькают над водой,
Пытаясь с комарами сладить.
Мохнатых водорослей пряди
Влачатся цепью за кормой.

Кувшинок белый хоровод
В тенистой заводи таится –
Я стать хочу речной царицей!..
Байдарка замедляет ход...

Я коронована венком
Из черемшанских самоцветов.
На вёслах снова блики света,
Дремотный манит окоём.

...Моя зелёная страна
Зимой часто будет светиться,
Узором на стекле светиться...
Как далека теперь она...

Аромат хризантем...
Горьковатый дымок сожаленья,
Запах грёз ни о чём,
Запах с привкусом грусти осенней.
Тонкий абрис венца
Лаконичней японского хокку,
Аромат хризантем
Истончился, истаял до срока.

Ваан ТЕРЬЯН (1885 – 1920)

Октябрь холодный стонет у порога.
В ночи моей – удары урагана.
Всё тщетно, всё бессильно и убого.
Кружат воспоминанья неустанно.

Скрежещет ветер, листья разметая.
Страну спалил какой-то луч горячий.
И вместо сада – лишь земля нагая,
А вместо песни – безутешность плача.

Отравлены мои воспоминанья.
Добыча тёмных дум, душа бессонна.
В ночи моей – лишь ветра завыванья.
А тьма твоя, о сердце, так бездонна!

(Перевёл Н. Габриэлян)

Моя душа – бродячая собака:
И ночь вокруг, и осень, и печаль...
И смерть в глазах, и ожиданье знака,
Боязнь удара, бездорожье мрака –
Она плетётся, убегает вдаль...

О, где найдёт она себе приют?
Где упадёт от мук и униженья?
Везде пинают, гонят, топчут, бьют...
Под чьей стеной она в изнеможенье
Должна угаснуть полночью осенней?

(Перевела Е. Николаевская)

* * *

О муза горькая моя, с тех пор,
Как с песней ты к душе моей прильнула,
Безмолвно глядя в брезжащий простор,
Я прохожу среди людского гула.

Но вот сегодня вновь услышал я
Крик узников, летящий из темницы,
И дрогнула опять душа моя,
Подстреленною заметалась птицей...

Опять, опять они зовут меня.
Нет, я не пленник грустной непогоды...
Ужели песней, полною огня,
Я не отвечу жаждущим свободы?

(Перевела В. Звягинцева)

Борис ПАСТЕРНАК (1890 – 1960)

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит.

Достать пролётку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колёс,
Перенестись туда, где ливень
Ещё шумней чернил и слёз.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

СОН

Мне снилась осень в полусвете стёкол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и глохло,
И, поволокой рамы серебра,
Заря из сада обдавала стёкла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лёд, трещал и таял кресел шёлк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, тёмно
Рассвет, и ветер, удаляясь, нёс,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущим по небу берёз.

1913

Андрей ЦУХЛОВ (1975)

* * *

Мне больно за Симбирск,
мне жаль его домишки,
уютных улиц тишь, убитых храмов стать.
За что их в те года приговорили к «вышке»,
за что Симбирск себя стал жутко бичевать?

Ещё сидит рыбак у лунки терпеливо,
ещё тут говорят: Языков, Гончаров.
Мы в скверике с тобой потягиваем пиво,
нашкодившие власть наследники веков.

Вот тут был монастырь, теперь –
ДК громоздкий,
вон там была река, теперь – гнилой разлив.
В кармане – ни рубля, и мысли – словно сопли.
И нам осталось ждать и дальше небо злить.

Бурлацкая тоска разлита по стаканам.
Не думай, не гадай, что будет впереди.
Здесь живы Ильичи: Обломов и Ульянов.
И Волгу теплоход, как душу, бередит.

Заплёванный дождём,
расхристанный ветрами,
ты словно сирота, подсевший на иглу.
Тут памятник вождю,
и вдаль вгляделся камень.
Его глаза всегда пронизывают мглу.

Мне больно за Симбирск,
за варварство и глупость,
за труд и кровь людей, ушедшие в песок.
Разжаты берега – расквашенные губы.
Я улицы твои читаю между строк.

* * *

1912

Отчего тяжело, почему – неизвестно.
Листья как некрологи увядших минут.
Кто теперь я тебе, моя злая принцесса,
новоявленный недруг? Посерьёзневший шут?
Между нами – молчанье:

чиркнешь словом – взорвётся.
К безобидной беседе не придумать ключей.
За ошибки за все, что свершить нам придётся,
не расплатится осень, золотой казначей.
И по улицам тихим, тротуарам холодным
мы сейчас разойдёмся, чтобы жить на авось.
Быть не страшно беспечным
и бездумно-бездомным,
если в нашем уюте продувает насквозь.

Багаутдин АДЖИЕВ (р. 1950)

* * *

Музейный сад ещё в ночной росе,
А он, угромоздясь на ветке сливы,
Распелся так, что улыбнулись все
И стали все немножечко счастливы.

Благодарю тебя за выбор твой –
Музей ведь этот посвящён поэту.
Он тоже пел, пока он был живой –
О правде пел. Продолжи песню эту.

Пой, соловей, восторженно и всласть –
Такие песни нынче очень редки.
Но я прошу: не улетай во власть,
Чтоб в золотой не оказаться клетке.

Живи на воле, песнею гордясь,
Не посыпая голову золою
Сожжённой чести, – и возникнет связь
С историей, народом и с землёю.

* * *

Учёные, мыслители, поэты,
Живущие от родины вдали,
На многое пытались дать ответы –
На жизнь и на возвращение Земли.

Им ведомо устройство мироздания,
Они с рожденья космосу близки.
За что же, славой заглушив рыдания,
Терзали их и рвали на куски?

За то, что почву мыслью оросили,
Что крошку хлеба не могли украсть?
За то, что милостыни не просили
И не ходили никогда во власть?

Талант не нужен власти? Да, похоже.
И правда тоже – вот она, возьми!
И всё же, Господи, скажи, за что же
Живьём содрали кожу с Низами?

А вот Алхин Марин – ей рот зашили,
Чтоб правду говорила мёртвым ртом.
А вот ашуг Саид – и глаз лишили,
И бросили его в зиндан потом.

А вот вельможе голову на блюде
Опять несут, и плачет весь народ.
Они чужие? Нет, они-то люди.
А вы, цари, совсем наоборот.

*(Перевёл С. Васильев)***Муталиб МИТАРОВ (1920 – 2011)**

* * *

Полсотни лет тому назад
Ещё мальцом весёлым
Я помогал пасти ягнят
Соседу после школы.

Дед Ашурбек был добр ко мне,
И, улучив минутку,
Любил играть он в тишине
На камышовой дудке.

Мы разжигали с ним костёр
В ущелье под скалою,
И задушевный разговор
Тянулся сам собою.

Играл он, помню как сейчас,
Всегда одно и то же...
Потом, не открывая глаз,
Молчал, меня встревожив.

– О чем грустишь ты, Ашурбек? –
Я спрашивал соседа.
– Вот проживёшь свой долгий век,
Тогда узнаешь это.

Когда ушёл я на войну,
По родине тоскуя,
Всё чаще вспоминал одну
Мелодию простую.

Она звала издалека
И придавала силу,
Как говорливая река,
В душе моей бурлила.

И, окрылённый чистотой
Её родного зова,
Я шёл без страха в смертный бой
И возвращался снова.

С тех пор минуло много лет...
...Но вдруг я обнаружил,
Что музыку, как мой сосед,
Люблю одну и ту же.

*(Перевела М. Ахмедова-Колюбакина)***Сергей ГЛУШКО (р. 1950)****АПОСТОЛ**

Ветрами простужен, дождями исхлёстан,
Иду по России почти как апостол;
Твержу в исступленьи Христовы заветы,
А мира в России по-прежнему нету.

То мчимся галопом, то еле плетёмся,
Сквозь слёзы порой над собою смеёмся.
А мира в России по-прежнему нету,
И слышится снова: «Подайте карету!..»

Подайте карету! Уеду подальше.
Что делать, на Родине душно от фальши,
От лживых речей и орлов двухголовых,
От хамелеонов и старых, и новых...

Свистят над Россией то ветры, то пули,
А ты – то с похмелья, то снова в загуле,
И с горечью с неба Всевышний взирает,
Как тихо, беспомощно Русь умирает.

Когда ж ты, Россия, дремать перестанешь
И встанешь с колен? Ну, когда же ты встанешь?
Ты видишь: уходит, уходит апостол,
Ветрами простужен, дождями исхлёстан.

Я НЕ ХОЧУ В ПАРИЖ...

Я не хочу в Париж. Мне Родина милей.
Я не хочу в Париж, ведь там меня не ждут.
Мне без моей России – как дубу без корней:
Быть может, там сытней, но мне милее тут.

Куда мне от неё, от дорогих могил?
Связала нас судьба, кто может развязать?
По этой вот земле меня отец водил.
Вспоила молоком на ней родная мать...

Мне Лондон и Париж – как слабое вино,
А хмурая Россия – как гавань кораблю.
Хоть золотом обсыпь, но только всё равно
Я не хочу в Париж.
Я Родину люблю.

Людмила ЕВДОКИМОВА (р. 1955)

РОД

РОД. РОДина. Первооснова.
От Бога, от предков в наследство –
Такое привычное слово,
Такое знакомое с детства.

Всё верно решила приРОДа:
ЗаРОДыш. РОДители. РОДы.
РОДня. Основание РОДа.
НаРОД. И никак без уРОДа!

Ругали тем словом: отРОДье!
Хвалили: само благоРОДство!
А слово знакомое вРОДе
Познанию никак не даётся.

Бегут РОДниковые воды,
Уносят все наши печали...
Мы с вами единой поРОДы,
Мы РОДичи все.
Изначально.

НА ВОЛГЕ

Живу на Волге.
Берег мой высок.
И отделяет дом от узкой кромки,
Где днём и ночью трутся о песок
Причаленные к берегу лодчонки.

Опять штормит.
И пусто на реке.
Лишь брёвна от плотов стремятся к суше.
И кроме этих брёвен вдалеке,
Ничем простор бескрайний не нарушен.

Над Волгой неба старый холст. На нём
Вот-вот вечерняя звезда проглянет.
Тогда и берег, незаметный днём,
Проявится дрожащими огнями.

Тот берег, что теряется вдали.
С приходом ночи он к нам станет ближе –
Лишь только кто-то огоньки нанижет
На тоненькую ниточку земли.

Александр МАЗДОРФ (1790 – 1820)

МУЖИК, МЫШИ И КОТ басня

У мужика в чулане сыр хранился,
Но всякой день находит он,
Что мыши сыр его со всех сторон
Скребут и портят.
Вот мужик за ум схватился!
Несёт кота в чулан
И с сыром запирает.
– Теперь заплатите, плутовки, за изъян, –
С собою рассуждает. –
Мой кот вас всех переберёт!..
Дня два спустя смотреть свой сыр приходит.
Что ж?... Сыру вовсе не находит;
Съел кот!

Куда как худо поступают,
Что иногда воров к воришкам приставляют!

ДИТЯ И ТЕНЬ

притча

Ребёнок тенью забавлялся.
Ловил её, за ней гонялся...
И, как младенец, удивлялся,
Что тень
Повсюду с ним, его не оставляет!
В лета невинные безделка занимает!
Вдруг облачко нашло, и помрачился день,
Ребёнок – глядь, и тень пропала,
Как будто бы и не бывало.
Он плакать, горевать,
И там, и здесь искать...
Напрасно! – не находит!
Вот с жалобой к отцу приходит...
– Любезный сын! – отец ему в ответ, –
Не плачь, но помни наставленья:
Тень – нынешних друзей изображение!
Когда мы счастливы, от них отступу нет,
Они всегда за нас и с нами!
Когда же с красными простимся днями...
Простимся и с друзьями.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ФЕВРАЛЯ

Борис ФАРМАКОВСКИЙ (1870 – 1928)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АФИН

(отрывок из книги)

Афины выдвигаются особенно в греческом мире в эпоху тирании Писистрата (561 – 527 гг. до н.э.) и его сыновей. С завоеванием Сигея и Херсонеса Фракийского у Геллеспонта (Дарданелл) в сферу влияния Афин поступает весь мир греческих колоний по берегам Евксинского Понта (Чёрного моря), до тех пор находившийся под влиянием Милета и Самоса. Расширение владений, развитие культуры оливковых деревьев, рост промышленности и торговли, разработка серебряных рудников Лавриона, развитие в связи с этим богатства сообщают Афинам во 2-й половине VI века блеск и содействуют их всё повышающемуся значению.

В то же время цветущие до тех пор малоазийские области греков начинают испытывать затруднения. Около 560 года они должны были подчиниться лидийскому царю Крезу, а с его падением и завоеванием его царства Киром, царём персидским, они подпали под власть Персии. Это была для них катастрофа. Свободное развитие греческой цивилизации в Малой Азии теперь стало невозможно. Многие города греков перестают существовать. Всюду наступает упадок. Масса жителей покидает свои города и ищет убежища в далёких колониях. Афины принимают участие в бедствии, постигшем блестящие города Ионии. Некогда исходный пункт ионийской колонизации, Афины считали себя как бы законным наследником умиравшей Ионии. Они дают убежища многим ионийцам и особенно внимательно относятся к деятелям культуры – философам, поэтам, учёным, художникам.

Упадок Ионии, таким образом, содействовал ещё более возвышению Афин, которые становятся теперь не только сильным и богатым государством, но и одним из ярких очагов духовной эллинской жизни. Персы в греческих областях ставили обыкновенно правителями подчинённых областей «тиранов», которых всячески поддерживали. Греческая тирания, продолжавшая существовать до конца

VI века, весьма походила на формы правления, господствовавшие на Востоке: власть царя Лидии или фараона Египта была, по существу дела, та же, что и власть тиранов, вроде Поликрата самосско-

го или Писистрата, Гиппия и Гиппарха афинских. Управление персидских сатрапов, зависевших от «царя царей» или «великого царя», как именовался глава Персидской державы, и управление тиранов, поставленных в завоёванных областях «царём царей», обозначали, разумеется, один и тот же режим. Этот режим находил высшее выражение в персидской монархии. Низверженные греческие тираны искали убежища и покровительства у персидского царя.

Если до появления на арене истории персов у греков были более или менее мирные отношения с Востоком, то эти отношения после покорения греческих малоазийских городов персами должны были коренным образом измениться. Персидское и вообще восточное начинают противопоставлять греческому, причём начинает утверждаться мысль, что греческая культура совершеннее восточной, персидской, и что всё не греческое, «варварское», менее ценно, чем греческое. Слова «варвар» и «варварский» приобретают теперь тот одиозный оттенок, которого ранее у них не было. В Афинах, да и в других местах греческого мира, начинают всё сильнее выступать греческие идеи свободы и демократии, как противоположность восточным идеям монархии. Продолжение тирании в Афинах стало невыносимо.

В 510 году до н.э. в Афинах происходит революция, которая восстанавливает демократический строй, основания которого положил в Афинах Солон до узурпации власти Писистратом. Свержение ига тиранов наполнило сердца афинян несказанной радостью. Предание соединяло освобождение Афин от тиранов с именами Гармония и Аристоклитона, которые убили Гиппарха, но которые и сами погибли. Гармоний и Аристоклитон стали любимыми народными героями. В их честь слагались песни. Память их решено было почтить статуарной группой из бронзы, изображавшей Аристоклитона и Гармония в позе наступления, в руках с оружием, направленным на врагов свободы. Группа была поставлена на самом видном священном месте города, на юге «агоры», рынка, у улицы, ведшей на акрополь.

Василий ДВОРЦОВ (р. 1960)

МАНЕФА (отрывок из рассказа)

...Распроводив девок, хулиганить парни начали не с самого края: самой крайней стояла закосившаяся избушка бабки Федулки, местной колдуньи. Они только издали, затаившись, посмотрели, как из её трубы валит густой дым, а за щелястой ставней бродил

огонёк. Говорить, а уж тем более поминать имя колдуньи в эту пору было нельзя – она об этом сразу бы узнала. Поэтому также не досталось и её ближним соседям. Пройдя шумным воющим и свистящим, срывающим с петель калитки вихрем по нижней

улице, они, уже тихо, заломив прихваченным по дороге чьим-то ломом замок варовского амбара, по одному крадучись, пронырнули в его темноту. Хотелось, учудить чего-нибудь особенное, такое, какого ещё не было. О чём бы долго потом говорили во всей округе, что вышло бы своим озорством за пределы их села. Перевернули лавки, прошарили углы – но фисгармонию Гапонька унёс с собой в сторожку. Откатив подалее в поле пару телег и наглухо заложив старостовы ворота поленницей, парни оставили остальные обычные иванокупальские шалости на откуп малышне, а сами двинулись к далеко белеющей под почти полной луной церкви. Около ограды постояли, подождали, пока посланные «молодые» не вернутся с четвертной бутылью самогона. Потом, давя смех, стали негромко стучать в калитку.

Маленький Вася был пьяницей и смешно суетился по своей переполненной неожиданными гостями каморке. Он топтал вокруг стола, выкладывая хлеб, лук и притворно громко охая из-за того, что завтра придётся отказаться от просфоры. А дьякон, злыдень, обязательно учует перегар и наябедничает настоятелю. Парни дружно и фальшиво утешали: ночь, мол, такая, что и поседеть от страха недолго. Тем более здесь, недалеко от кладбища. Столько жути вокруг. Вася скоренько соглашался, и сам вспоминал подходящие истории. А вот Гапоня упирался, только мыча и заикаясь, отодвигал стакан, с извиняющейся улыбкой заглядывал в лица, вдруг окружившие его с таким вниманием. Он вообще завтра собирался причаститься и уже прочитал правило последования. Парни не отступали, он тоже. И тут в общий хор уговоров властно вошёл подхмелевший уже хозяин. Он вдруг присвистнул на галдевших вразной гостей и в наступившей тишине предложил выпить за великий, равноангельский Гапонин талант к музыке, за его призвание нести радость крестьянствующим, тяжело трудящимся людям и за то, как его мир в ответ любит, знает и ждёт на всех четырёх сторонах – выпить вместе и

стоя. Все разом поднялись, разом же, немного хмурясь, подняли разномастную посуду, и так, молча, ожидающе смотрели на то, как Гапоня, побледнев от такой чести, неловко вышел из угла, принял от Васи кружку и поклонился.

Сильно запьянел он уже со второй, но показать, как складывается и раскладывается фисгармония, отказывался отчаянно. Ещё после двух кружек заснул: вдруг резко привстал из-за стола, сильно качнулся и со всего роста завалился в угол, закрыв собой крепко охваченный руками инструмент. Ни одна из настойчивых и злых попыток вытащить из-под него фисгармонию не удалась. Он, не смыкая глаз, только стонал, слюняво кривя рот, а длинные сухие пальцы мёртво держали котомку. Когда самогон кончился, удовлетворённо захрапел на своих коротеньких полатях и хозяин сторожки. Гости сами были хорошо навеселе, но никого своих не оставили, а бросив на раззадор дьякону калитку настезь раскрытой, дружно качающейся ватагой двинулись в село.

Было уже совсем почти светло, небо на востоке от смутно-голубого мягко готовилось стать розовым, и встречающее их село слепо затаилось чёрными на фоне неба избами и сараями. От озера в поле выплывали густые волны бледного тумана, в сыром воздухе молчали даже цикады, только в тальниках чуть потрескивал вспугнутый чем-то чирок. Тишина была просто осязаемой. Тёплая, не остывающая за короткие ночи земля податливо заглушала шаги. Во всех домах крепко спали. Двое самых трезвых и недовольных отделились от компании и торопливо, почти бегом вернулись в сторожку. У самого входа над косяком висели на гвозде большие чёрные овечьи ножницы. Склонившись над Гапоней, в несколько сильных жимков неровными хватками парни срезали под самые корни его волосы и положили около Васи-маленького. Ножницы тоже всунули ему в руку. И тут, сначала издали, а потом и поблизости, повсюду закричали петухи.

Алексей ПОГОРЕЛОВ (1860 – 1920)

ОДИНОКИЙ СКИТАЛЕЦ (отрывок из рассказа)

Выглянув в окно, я увидел того самого пешехода, которого мы обогнали дорогой: он бодро и прямо сидел на ступеньке крыльца, опираясь на палку. Подле него лежали узелок и шляпа. Густые полуседые волосы его длинными прядями развевались по ветру. Хозяин в ленивой и небрежной позе стоял перед ним и смотрел в пол.

– Тоже и сказал: как нищего... ей Богу, – продолжал хозяин, – кажется, я, можно сказать, завсегда... уж и не знаю... завсегда, кажется, с удовольствием...

– Ну, ладно, это я так... Я зашёл к тебе не в гости, а по делу.

– По делу? По какому такому?

– Ты ведь заводской?

– Ну, заводской.

– Ты был поверенным от общества, ходатаем по делам?

– Ну, был.

– Так вот по этому самому.

– Что такое? По какому такому? – с тревогой спросил хозяин.

– У тебя тысячи трехсот рублей недостаёт.

– Ты чего это?.. что ты врешь?.. На вот!..

– Мы учёт сделали полный: тысячи трёхсот не хватает.

– Как так? Какой учёт? Какие деньги?.. Не знаю я ничего.

– Ну, как не знать!.. Знаешь. Так вот по этому самому делу.

– У меня деньги в безучётности были, коли хо-

чешь ты знать... Вот что. Сам знаешь, куда эти деньги ушли.

– Нет, нет. В безотчётное распоряжение тебе дано было три тысячи, и куда они израсходованы – об этом тебя не спрашивают. Это совсем не то.

Несколько секунд сильно взволнованный хозяин молчал; он страшно вспотел и вдруг начал креститься.

– Вот ей-богу, лопни мои глаза! – заговорил он быстро, поднимая голову и сверкая маленькими бегающими глазами. – Провалиться на сем месте! И как, значит, моя утроба... Я икону сниму... Вот видишь, видишь крест?.. Убей меня Бог, ежели я... Знать ничего не знаю, и как я деньги, и что, например... Сохрани меня, Царица небесная!..

Отставной писарь смотрел ему прямо в глаза и молчал.

– Грех тебе, грех! – продолжал хозяин. – Грех тебе, Степан Потапыч!.. Чего я тебе сделал? Чем досадил?.. Кажется, завсегда с удовольствием... За что ты меня эдак-ту?.. А?.. Ведь это перед обществом конфуз, а?.. Эдакую напраслину... Боже мой!.. Ты бы то подумал, что вот ведь и тебя Бог убил... За что, за какие дела – не знаю, а только-что ты бы подумал...

– Полно, полно, Кузьма Иваныч, не прикидывайся сиротой: меня не разжалобить, поговорим лучше начистоту. Учёт сделан по всей форме: что

не хватает денег – это вернее верного, но главная беда ещё не в том. При учёте обнаружены подлоги и другие злоупотребления, а это уж совсем скверно. Отдать тебя под суд дело одного дня – не доводи до этого, а то будет хуже: и засудят тебя, и деньги вышут, а выискать, слава Богу, есть чего... Постой, постой, – живо прибавил бывший писарь, заметив со стороны теперь страшно бледного мужика какое-то движение. – погоди, выслушай меня до конца. Одно тебе остаётся: внести деньги. Внеси пока хоть во семьсот рублей. Даю тебе срок одну неделю.

– Нету! Убей меня Бог, нету!.. Хоть зарежь, хоть разними меня на мелкие части – нету!..

– Найдёшь, должен найти. Бывший старшина Непутяев уж повинился и заплатил пятьсот рублей. Заплатишь и ты.

– Старшина? Непутяев?.. – вдруг злобно захлёбываясь, заговорил хозяин. – Да, может, он-то и есть... От него-то, может быть, и это всё... О, Господи!.. Ух!..

Хозяин в изнеможении опустился на завалину и долго сидел молча, опершись локтями в колени и опустив голову.

– Вот беда-то!.. Вот беда-то!.. – повторил он несколько раз. – Ну, за что? За что ты меня эдак?.. А?.. Что я тебе сделал? Чем помешал? – обратился он затем к собеседнику, поднимая голову...

Сергей КАРПЕНКО (р. 1955)

ВРАНГЕЛЬ. ПОСЛЕДНИЙ ГЛАВКОМ *(отрывок из романа)*

Хрупкую рассветную тишину спящего дома разбили громкие грубые голоса, бесцеремонный топот и хлопанье дверей. Едва оторвал тяжёлую голову от окаменевшей подушки, в комнату вломилась матросы с винтовками.

– Ни с места! Генерал Врангель?! Вы арестованы! Дурной сон обратился в явь.

Ноги сковал холод. Горечь беспомощности и унижения вмиг отняла силы... Прокашлявшись, справился с голосом:

– Одеться-то я могу?..

...Два месяца назад он покинул гибнущую армию.

Свершилось невозможное и чудовищное: отразив не одно нашествие чужеземных завоевателей, русская армия оказалась бессильна перед врагом внутренним – взбунтовавшейся чернью. «Братание» с немцами распространилось, будто чума. Пехотные полки или разбежались, или обращались в орды разбойников. И даже в полках его Сводного корпуса, прежде вполне надёжных, казаки, забыв присягу, принялись разоружать офицеров.

Вызванный Духониным в Ставку, убедился собственными глазами: агония добралась и до неё. Вместо самоотверженной работы – переливание из пустого в порожнее, растерянность и даже трусость.

Захват власти большевиками, назначение ими прапорщика Крыленко главкомом и его приказ войскам вступить в переговоры с противником отняли последнюю надежду на оздоровление армии.

Из Могилёва укатил в Ялту, куда ещё раньше на дачу тёщи, вдовы камергера Иваненко, догадался отправить жену с тремя малолетними детьми.

В Крыму утвердилась власть татарского курултая и коалиционного правительства во главе с адвокатом Сайдаметом. Всю его вооружённую силу составляли Крымский драгунский полк, сформированный из татар, и несколько офицерских рот. В прочность этого подобия керенщины не верилось, а потому, получив от Сайдамета предложение занять должность командующего войсками, отказался без колебаний.

Облачившись в штатское, решил выждать: должна же найтись в России сила, способная поставить хама на место и водворить порядок.

Отсыпался, приходил в себя среди милых и дорогих лиц. Принялся за воспитание сына и дочерей, как-то неожиданно быстро повзрослевших, пока он воевал. Но всё сильнее тревожился за родителей, оставшихся в Петербурге: наверняка несладко им там, бедным, под пятой большевиков – немецких агентов и наглых узурпаторов власти. Звал приехать, но письма и телеграммы оставались без ответа.

За неделю до Рождества дошли слухи о зверской резне флотских офицеров в Севастополе, учинённой матросами. Вслед за слухами появились насмерть перепуганные очевидцы. От жутких подробностей кровь стыла в жилах.

Обнадёживающие известия достигли Ялты только в первых числах нового года: генерал Корнилов уже на Дону и формирует вместе с Алексеевым добровольческие части. Засобирались: хлопотал о гражданском паспорте, выискивал по дачам знакомых офицеров, писал сослуживцам. Прикинув так и эдак, выбрал маршрут понадежнее: пароходами РОПиТа до Ростова с пересадкой в Керчи.

Всё было готово к отъезду, когда третьего дня в Ялте случился большевистский переворот.

Местный отряд Красной гвардии, выдавив в горы два эскадрона Крымского драгунского полка, охранявших Ливадийский дворец, захватил город. Из Севастополя к ним на подмогу подошло судно,

и с него высадились матросы. Стены зданий и тумбы на набережной оклеились белыми листками: извещением о переходе власти к Совету рабочих и матросских депутатов, приказом «бывшим офицерам» сдать оружие и призывом к сознательным трудящимся записываться в Красную гвардию.

Матросы с ходу принялись за обыски и аресты, под шумок не упуская случая поживиться буржуазским добром. Аристократическая Ялта затаилась. И дня не прошло, как начались расстрелы генералов, офицеров и петербургской знати – всех, кто рассчитывал переждать лихолетье в тихой курортной заводи.

Иван ЮВАЧЁВ (1860 – 1940)

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ПАЛЕСТИНУ *(отрывок из книги)*

Они вырезали из паспортных книжек листы и клали штемпеля на тех страницах, где обозначена явка, а затем раздавали их на берегу по выкличке:

- Петров?
- Я!
- Как зовут?
- Иван!
- Получай!

И паспорт выдавался Ивану Петрову на руки. Тогда он забирал свои вещи на пристани и шёл занимать место на одной из палуб парохода. Без паспорта никто не смел взойти на пароход.

Я заинтересовался размещением паломников и остановился у среднего люка, куда они спускались непрерывной нитью. Меня поражало, какое количество мешков имел наш иерусалимский путешественник. Оказывается, почти у всех взяты запасы хлебных сухарей, крупы и даже картофеля и капусты. У некоторых – полотна, ризы, покровы, ковры и другие предметы для пожертвования на Гроб Господень. Узлы обшиты холстом с написанными метками или с нашитыми цветными крестиками, по которым они разбирались неграмотными паломниками.

Среди шума и гама на берегу и на пароходе резко выделялись крики распоряджающегося на палубе. Один почтенный паломник заметил вслух, как бы про себя:

– Ну, чего кричишь зря? И так много гаму. Криком не поможешь...

Втайне я с ним соглашался. У некоторых есть такое понятие, что распорядиться – значит покричать. Но давно бы пора оставить этот обидный способ обращения с публикой. Точно гуртовой скот загоняют. Да и помещение для пассажиров третьего класса мало отличалось от скотского. Они располагались прямо на открытой палубе на дожде, на солнце, на ветру. Немногие захватили нары под мостиком у машинного отделения. И этими счастливыми оказались евреи из Средней Азии. Я принял сначала этих всесветных жителей по их широким бухарским халатам за мусульман, но они сами поспешили меня разуверить, показав свои еврейские книги.

В трюме второй палубы паломники устроились несколько лучше своих верхних товарищей. По крайней мере, их не мочило дождём, было значительно теплее, да и вообще их здесь меньше тревожили как матросы, так и проходящие. В трюме, хотя тоже на палубе, они разместились группами по три, по четыре и больше человек, оградив себя мешками и узлами. По борту парохода развесили свои походные иконы. Вообще в трюме замечалось больше уюта, и вскоре, ещё до отхода парохода, здесь раздавались духовные песни.

Обозревая пассажиров парохода, я встретился с одним знакомым монахом, который четыре раза был в Иерусалиме. В разговоре вспомнили недавнюю поездку германского императора.

– Когда-то, – заметил мне монах, намекая на Готфрида Бульонского, – средневековой германец входил в храм Гроба Господня босой, с соломенным венком на голове, в глубоком смирении, а современный германец готов был, кажется, верхом туда въехать. Своим именем он наполнил гордо и святой город, и всю Палестину. Всюду, где раньше было можно встретить библейские картины, – на открытых письмах, конвертах, бумаге, на стенах, теперь стоит изображение этого земного владыки или его герба...

– Ну, это и понятно, – замечаю я. – Гостеприимный Восток этим только выражает своё внимание к державному гостю.

– Да ведь не турки, а палестинские немцы гордятся своим земным повелителем. Вот увидите, сколько они кичатся им там, где не должно быть места ни политике, ни национализму, ни какому людскому превозношению. Да молчит всякая плоть человека, где Царь царствующих и Господь господствующих отдал себя на заклятие за общий мир, единение и братство всех народов...

Мне казалось, что несколько возбуждённый монах готов был сказать целую проповедь на эту тему, а потому я прервал его своим предложением:

– Если так, то не последовать ли и нам примеру Готфрида Бульонского и ради смирения не сесть ли с народом на палубе?

Евгений ИВАНОВ (1895 – 1973)

ЭТО БЫЛО В ГОРАХ (отрывок из повести)

Ранней весной 1942 года в длинных коридорах геологического управления появились два подростка. Стараясь держаться возможно солиднее, они вежливо останавливали встречавшихся им людей и задавали один и тот же вопрос:

– Скажите, пожалуйста, товарищ, как нам найти Лидию Петровну Взорову, геолога?

Остановленный чаще всего пожимал плечами и в свою очередь спрашивал:

– А вы были в сорок седьмой комнате?

– Были.

– Тогда не знаю... На всякий случай поднимитесь на третий этаж в комнату восемьдесят один.

Но Лидии Петровны не было и в комнате №81.

– Спуститесь на первый этаж. Она всего скорее в пятнадцатой комнате.

Подростки поднимались и спускались с этажа на этаж, переходили из комнаты в комнату до тех пор, пока не столкнулись на лестнице с невысокой млажаковой женщиной, которая на их вопрос весело ответила:

– Я и есть Лидия Петровна. Вы ко мне по какому делу?

Подростки растерянно переглянулись. Им и так казалось странным, что начальником геологического отряда назначена женщина, а когда эта самая женщина оказалась перед ними, они и вовсе оторопели. Во-первых, на ней было самое обычное платье, лакированные туфли, а во-вторых, она и ростом-то не выше старшего из подростков.

Заметив недоумение ребят, Лидия Петровна рассмеялась и повторила вопрос:

– Зачем же вы хотели меня видеть?

– Мы хотели... мы хотели поступить к вам на работу.

– На работу? – переспросила Лидия Петровна, поднимая брови.

Ребята сейчас же отметили про себя, что брови у неё широкие, упрямые, а глаза большие и строгие. И смотрит она пристально, серьёзно, как директор на экзаменах.

Старший, видимо, сразу понравился геологу. Широкий в плечах, мускулистый, он производил впечатление крепкого и сильного парня. Зато второй, такой же худенький и невысокий, как сама Лидия Петровна...

– Ты часто простужаешься, мальчик? – спросила она.

Подросток вспыхнул.

– Никогда!

Лидия Петровна снова рассмеялась.

– Ну что ж, тогда будем знакомиться. И протянула руку.

– Борис Зарубин, – пробасил старший.

– Димка Лунёв, – отрекомендовался второй.

– Лунёв? Знакомая фамилия. Партизан Алексей Лунёв тебе не родственник?

– Отец, – почему-то покраснев, ответил подросток. Лидия Петровна посмотрела на него потеплевшим взглядом и пригласила обоих в сорок седьмую комнату.

– Сколько вам лет, в каком классе учитесь? – поинтересовалась она, усадив ребят на широкий кожаный диван.

– Мне шестнадцать, а Димке... пока пятнадцать, – не совсем охотно ответил за обоих Борис. – Но мы уже окончили семь классов... ещё в прошлом году... А сейчас работаем на заводе...

– Подождите, – перебила Лидия Петровна, – кто же вас отпустит с завода?

Борис замялся.

– Отпустят. Обязательно отпустят, Лидия Петровна, – возбуждённо подхватил Димка. – Мы уже говорили... Мы хотим туда, где мы будем полезнее. А потом у нас опыт есть. Мы в туристских походах были... два раза...

Горячность подростка окончательно покорила Лидию Петровну.

– Верю, ребята, верю. Мы тоже похлопочем. Но...

Димка испугался. Это «но» не предвещало ничего хорошего...

Константин САЗОНОВ (р. 1980)

ФОМА ВЕРУЮЩИЙ (отрывок из романа)

Сегодня не было никакого торжества и никакой событийной горячки. Меня вызывал редактор. Я зашёл в кабинет и сел. Сахаров говорил по телефону, потом повернулся на стуле ко мне.

– А, молодые дарования. Ну как успехи, батенька, как в коллективе? О вас коллеги хорошо отзываются. Впрочем, давайте сразу к делу. Я беседовал по поводу вашего призыва с областной думой. Мы с ним знакомы по областной думе. Он мне сказал, что в отсрочке проблем не видит. Что и говорить, это будет всего лишь перенос сроков. Вас это устроит? Он также посоветовал вам лично съездить

к районному военкому и побеседовать о вариантах, сославшись на меня. Он должен быть в курсе. Ну так как?

– Честно говоря, Иван Леонидович, в психбольницу я ложиться не собираюсь. А к чему отсрочка? Раньше уйду, раньше вернусь, ведь так? Жаль, конечно, что поработать довелось всего два месяца.

– Ну что ж, – отложил свою гробоподобную «Моторолу» в сторону Сахаров, – я такое решение, батенька, безусловно, уважаю. И ваше место останется. Вернётесь в родной коллектив. Я сам служил, да и все мужчины в нашей редакции тоже. Радуется,

что вы не станете исключением. Но всё равно жаль. А пока езжайте в военкомат. И да, там шум какой-то в городе со стрельбой, слышал.

– Да, Гену Грузина, вора в законе, расстреляли прямо в центре.

– Таак, так-так-так. Шикарная фактура, батенька братец, заодно и оттуда материал привезёте, ступайте, ступайте.

В военкомате были серые стены, протёртый до дыр линолеум, пыльный воздух и пергидрольная блондинка за плексигласом во всю ширину коридора с надписью «Дежурный». Она осведомилась, кто я, по какому такому важному вопросу, что решил потревожить самого военкома. Редакционная корочка на неё подействовала гипнотически, и блондинка, подняв трубку телефона, уже через несколько минут разблокировала турникет, разрешив мне пройти в приёмную.

Военком Жихарь был человеком тучным и бравым, как и полагается каждому уважающему себя военкому. Меня он хорошо знал, так как Сахаров, зная о моём военном роке, специально закрепил тему военкоматов и призыва за мной. Для порядка Жихарь приказал принести моё личное дело, раскрыл его и начал свой монолог.

– Я в курсе всего. Ваш начальник человек уважаемый, но и нас тоже необходимо понять. Мы вольны действовать только в рамках закона. Оснований для отсрочек или зачисления в запас без службы нет. Посему позиция военкомата однозначна. Вы пойдёте служить. Результаты тестов очень хорошие, группа здоровья первая. С вашими характеристиками – прямая дорога в ВМФ. Мы вам предварительно эту команду и записали. В областной центр приедут покупатели с Северного флота, они вас и заберут. Насколько я вижу, вы отлынивать и уклоняться от службы и не собирались, а то нам тут понаписали...

Военком осёкся, и даже очки его, казалось, за-

потели. Но смысл сказанных слов я профессионально молниеносно уловил.

– Кто понаписал, товарищ подполковник? – я сказал это с улыбкой, мне и, правда, было всё равно, но я постарался перевести разговор в более неофициальное русло, каким он не раз у нас бывал при рабочем общении.

– Ну раз проговорился, тогда ладно. Только никому. Это я по хорошей памяти. Да и уверен, отслужишь, вернёшься через два года из этого дурдома, и, если здесь ещё буду, то возобновим наше сотрудничество, ещё плодотворнее будет.

Жихарь налил полстакана воды из графина, выпил, вытер платком лицо и тяжело поднял грузное тело с кресла. Он подошёл к сейфу и достал стопку листов.

– Вот, на тебя раз в неделю мне с копией в адрес областного военкома приходили анонимки. Дескать, несознательный ты элемент, здоров как бык, а от армии прячешься, в то время как наши корабли бороздят просторы Большого театра.

– Позвольте взглянуть?

– Да зачем, тут подписи не стоит, на то она и анонимка.

– Мне нужно просто посмотреть.

На белых листах по всей форме деловой переписки выстроились ровные ряды букв... четырнадцатый кегль, двойной интервал.

– Спасибо, товарищ подполковник. Ну, теперь как без пяти минут солдат спрошу, разрешите идти?

– Иди, боец, пока вольно. Да и что-то мы с тобой засиделись. Сегодня ж пятница. Пора на рыбалку собираться уже. Опять жена весь мозг высверлит своим «нажрёшься», но кто бы её спрашивал. Давай. Хорошей тебе службы. И без обид, сам понимаешь, когда такой оборот, тут ещё и реагировать нужно, командование строго спрашивает...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

